
REFLEXIO

Научный психологический журнал

Основан в 2007 году

2022. Том 15, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

Психологические исследования

Первушина О. Н., Гилёва Д. И. Возможности формирования эмпатических реакций у детей с РАС 3

Голубев А. М., Котова М. В. Исследование связи перфекционизма с субъективным благополучием 27

Сараева М. Ю., Сарычева Ю. В., Пономаренко И. В., Лазюк И. В., Матвеева И. А. Мотивация к психотерапии и ее связь с типом привязанности и спецификой ценностно-мотивационной сферы 38

Пинаева Л. И., Злобина М. В. Взаимосвязь интолерантности к неопределенности, тревоги и расстройств пищевого поведения 48

Пандемия в зеркале науки

Первушин Н. С. Принятие ограничений в эпоху пандемии COVID-19: дискурс постматериализма, культ безопасности и другие объяснения 66

Иностранная психология

Локк К. Д., Митчелл Г. Э. Самовосприятие, восприятие родителями и метавосприятие межличностной эффективности подростков с расстройствами аутистического спектра 88

Дискуссии

Фёдоров А. А. Апофатические пролегомены к возможной будущей психологии 113

Страницы из истории психологии

Кекчеев К. Х. Психотехника и выбор профессии 119

Информация для авторов 147

REFLEXIO

Scientific Journal

Founded in 2007

2022. Volume 15, issue 1

Contents

Psychological Research

- Pervushina O. N., Gileva D. I.* Possibilities of Forming Empathic Reactions in Children with ASD 3
- Golubev A. M., Kotova M. V.* Study of the Relationship of Perfectionism to Subjective Well-Being 27
- Saraeva M. Yu., Sarycheva Yu. V., Ponomarenko I. V., Lazyuk I. V., Matveeva I. A.* Motivation to Psychotherapy and Its Relationship with the Type of Attachment and the Specificity of the Value and Motivational Sphere 38
- Pinaeva L. I., Zlobina M. V.* Relationship between the Intolerance of Uncertainty, Anxiety and Eating Disorders 48

Pandemic in the Mirror of Science

- Pervushin N. S.* Acceptance of Restrictions during the COVID-19 Pandemic: Post-Materialist Discourse, the Cult of Security and Other Explanations 66

Foreign Psychology

- Locke K. D., Mitchell G. E.* Self-Perceptions, Parent-Perceptions, and Meta-Perceptions of the Interpersonal Efficacy of Adolescents with Autism Spectrum Disorder 88

Discussions

- Fedorov A. A.* Apophatic Prolegomena to Possible Future Psychology 113

Pages from the History of Psychology

- Kekcheev K. K.* Psychotechnics and the Choice of Profession 119

- Instructions for Authors** 147

Научная статья

УДК 159.9

DOI 10.25205/2658-4506-2022-15-1-3-26

Возможности формирования эмпатических реакций у детей с РАС

Ольга Николаевна Первушина¹,
Дарья Ивановна Гилёва²

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹olgap7@yandex.ru

²d.gileva@g.nsu.ru

Аннотация

Целью данной работы являлся анализ возможностей формирования и проявления эмпатии у людей с РАС. Согласно «Диагностическому и статистическому руководству по психическим расстройствам» (DSM-V), дефицит социально-эмоциональной взаимности, которая включает сниженный обмен интересами, эмоциями и привязанностью, определяется как один из диагностических критериев РАС.

Анализ имеющихся работ по данной теме показал, что снижение эмпатических проявлений у людей с РАС может быть связано с невыученными отношениями между аффективными стимулами и соответствующими эмпатическими реакциями. Для коррекции этого рассогласования была разработана обучающая программа, направленная на формирование соответствующих вокальных и моторных реакций в ответ на предъявляемые аффективно заряженные ситуации. Диагностика начального уровня эмпатического реагирования показала, что основной дефицит, стоящий за отсутствием или слабым развитием эмпатии, заключается в неумении соотносить контекст ситуации и уместность определенной реакции (даже при наличии данной реакции в поведенческом репертуаре).

Реализация разработанной нами программы показала, что дети с аутизмом в возрасте 7–8 лет могут научиться демонстрировать социально значимые навыки эмпатического реагирования в предварительных игровых условиях и что эти навыки могут распространяться на ситуации и игрушки, не предназначенные для обучения, а также на ситуации в естественных условиях. Речь идет о возможности соотнесения контекста и уместности определенной реакции. Иначе говоря, мы можем заключить, что эмпатическое реагирование доступно детям с РАС.

В то же время мы пришли к выводу, что для людей с РАС характерна рассогласованность в проявлении аффективных реакций, в том числе эмпатических, что предопределяет трудность восприятия таких проявлений другими людьми. Согласованность в проявлении эмпатического реагирования подразумевает контекстуальное единство зрительного контакта, мимических проявлений, интонационного сопровождения, вокального и моторного проявления. Как показывают результаты данного исследования, мы можем помочь детям и взрослым

© Первушина О. Н., Гилёва Д. И., 2022

с РАС проявлять контекстуальные компоненты эмпатического реагирования. Интеграции эмпатических проявлений в согласованный аффективный ответ в данном исследовании не наблюдалось. Насколько такая интеграция принципиально достижима и каковы пути и перспективы формирования согласованного эмпатического реагирования – вопрос для будущих исследований.

Ключевые слова

эмпатия, расстройства аутистического спектра, формирование эмпатических реакций, уместность аффективных проявлений, рассогласованность эмпатического реагирования, социальное взаимодействие при РАС

Благодарности

Авторы выражают благодарность научному сотруднику Междисциплинарного центра прикладного анализа поведения Института медицины и психологии Новосибирского государственного университета Анне Николаевне Трубицыной за помощь в организации исследования.

Для цитирования

Первушина О. Н., Гилёва Д. И. Возможности формирования эмпатических реакций у детей с РАС // Reflexio. 2022. Т. 15, № 1. С. 3–26. DOI 10.25205/2658-4506-2022-15-1-3-26

Possibilities of Forming Empathic Reactions in Children with ASD

Olga N. Pervushina¹, Darya I. Gileva²

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹olgap7@yandex.ru

²d.gileva@g.nsu.ru

Abstract

The purpose of this work was to analyze the possibilities of formation and manifestation of empathy in people with ASD. According to the Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders (DSM-V), the deficit of socio-emotional reciprocity, which includes a reduced exchange of interests, emotions and affection, is defined as one of the diagnostic criteria of ASD.

The analysis of papers covering this topic has shown that a decrease in empathic manifestations in people with ASD may be associated with unexplored relationships between the affective stimuli and corresponding empathic reactions. To correct this mismatch, a training program aimed at the formation of appropriate vocal and motor reactions in response to affectively charged situations presented was developed. Diagnostics of the initial level of empathic response showed that the main deficiency behind the lack or weak development of empathy is the inability to correlate the context of the situation and the relevance of a certain reaction (even if this reaction is present in the behavioral repertoire).

The implementation of our program showed that 7–8-year-old children with autism can learn to demonstrate socially significant empathic response skills in pre-game conditions, and that these skills can extend to situations and toys not intended for learning, as well as situations in natural conditions. It is connected with the possibility of correlating the context and the relevance of a certain reaction. In other words, we can conclude that empathic response is available for children with ASD.

At the same time, we came to a conclusion that people with ASD are characterized by an inconsistency in manifestation of affective reactions, including empathic ones, which predetermines difficulties in other people's perceiving of such manifestations. Consistency in the manifestation of empathic response implies the contextual unity of eye contact, facial expressions, intonation

accompaniment, and vocal and motor manifestations. As the results of this study show, we can help children and adults with ASD to show contextual components of the empathic response. The integration of empathic manifestations into a coordinated affective response was not observed in this study. To what extent such integration is fundamentally achievable and what are the ways and prospects for the formation of a coordinated empathic response is a question for future research.

Keywords

empathy, autism spectrum disorders, formation of empathic reactions, relevance of affective manifestations, inconsistency of empathic response, social interaction in ASD

Acknowledgements

The authors are grateful to Anna Nikolaevna Trubitsyna, researcher at the Interdisciplinary Center for Applied Behavior Analysis, Institute of Medicine and Psychology, Novosibirsk State University, for her help in organizing the study.

For citation

Pervushina O. N., Gileva D. I. Possibilities of Forming Empathic Reactions in Children with ASD. *Reflexio*, 2022, vol. 15, no. 1, pp. 3–26. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2022-15-1-3-26

Введение

Одна из важнейших особенностей детей с РАС – нарушение социального взаимодействия вследствие неумения адекватно реагировать на проявления другого человека. Немаловажную роль здесь играет неадекватное эмоциональное реагирование. Существуют различные объяснения отсутствия адекватных эмоциональных реакций, включающие в себя как неумение людей с РАС адекватно распознать эмоциональные реакции и состояния другого человека, так и неумение адекватно на них откликаться. Могут ли люди с РАС распознать эмоцию другого человека, способны ли они присоединиться к переживанию собеседника и испытывать сходные эмоции и чувства? На эти вопросы специалисты дают различные ответы. Можно выразить эти вопросы иначе: способны ли люди с РАС к адекватному эмпатическому реагированию, возможно ли сформировать у них эмпатические реакции? Если ответ утвердительный, то мы имеем дело с важнейшим ресурсом формирования и развития социального взаимодействия при РАС.

Целью данной работы являлся анализ возможностей формирования и проявления эмпатии у людей с РАС. Термин «эмпатия» относят к способности принимать чужую точку зрения [Sigman et al., 1992; Waal, 2008] и испытывать конгруэнтное эмоциональное состояние [Yirmiya et al., 1992].

Эмпатия развивается на основе и эмоционального, и когнитивного опыта. В процессе развития эмоциональные компоненты проявляются первыми. Нейротипичные младенцы сразу же начинают отражать эмоциональные состояния и реакции окружающих. Дети в возрасте 18 месяцев часто эмоционально реагируют на других младенцев, находящихся в бедственном положении [Decety et al., 2010].

Исследователи обращают внимание на то, что развитие эмпатии связано с ранними эмоциональными отношениями между младенцами и их опекунами. В процессе ухода за младенцами, заботы о них у детей возникают

важные ассоциативные связи между позитивными воздействиями, системами вознаграждения и возникающим в ответ чувством спокойствия и безопасности [Szalavitz et al., 2010]. Дети, которые часто переживают опыт безопасности, защищенности и любви, со временем становятся более чувствительными к эмоциональным проявлениям и потребностям других людей. Между опекунами и младенцами формируется особая связь, называемая привязанностью, и исследования показывают, что ее качество является предиктором сочувствия и сострадания в более позднем возрасте [Ibid.].

По мере взросления у детей начинают проявляться когнитивные компоненты эмпатии, которые дополняют эмоциональные шаблоны, сформированные у них в первые годы жизни. К дошкольному возрасту дети лучше осознают, что у других людей имеются принадлежащие им отдельные тела, чувства и переживания. Дети способны обращать внимание и учитывать эту отдельность и инакость других. Они обучаются восприятию и принятию точки зрения другого человека, а затем и способности ставить себя на место другого. Формируется «модель психического» [Findlay et al., 2006]. Способность к дифференцированию «я» и «другой» быстро формируется в раннем детстве. Так, если годовалый ребенок видит, что его друг расстроен, он может пойти и попросить свою маму утешить его. Ребенок двух с половиной лет в той же ситуации обратится за помощью к матери друга, потому что теперь он понимает, что его друг хотел бы, чтобы его родитель в трудную минуту был рядом [Szalavitz et al., 2010]. Конечно, эти взаимодействия все еще находятся на очень ранних стадиях развития и ограничиваются ситуациями, которые малыши пережили сами, руководствуясь реакциями, смоделированными взрослыми, которые их воспитывают.

В младшем школьном возрасте дети готовы проявлять эмпатию на поведенческом и вербальном уровнях. Наибольшее количество эмпатических проявлений связаны с ситуациями оказания помощи другому человеку, чаще всего ребенку-сверстнику, в затруднительном положении, проявления со-радости и т. д.

Способность адекватно реагировать, когда кто-то грустит или расстроен, является неотъемлемой частью взаимодействия со сверстниками и игры среди детей. Эмпатическое реагирование способствует расширению взаимодействия с другими детьми и продолжает развиваться в дружеских и прочих социальных отношениях [Rheingold et al., 1976; Charlop et al., 1986].

В то время как наличие эмпатии очевидно у большинства нейротипически развивающихся людей, она отсутствует у многих индивидов с расстройствами аутистического спектра (РАС) [Charman et al., 1997]. Согласно «Диагностическому и статистическому руководству по психическим расстройствам» (DSM-V), дефицит социально-эмоциональной взаимности, которая включает сниженный обмен интересами, эмоциями и привязанностью, определяется как один из диагностических критериев РАС. Ирмия и коллеги [Yirmiya et al., 1992] продемонстрировали, что после просмотра видеофрагментов с участи-

ем детей, переживающих различные события и эмоции, дети с РАС (участниками исследования были дети с высокофункциональным аутизмом) были менее способны выявлять и обозначать эмоциональные состояния других людей и детей, принимать их точку зрения и отвечать сочувствием, чем их типично развивающиеся сверстники.

Дефицит эмпатии при РАС

Люди с РАС, как правило, нечувствительны к непредвиденным обстоятельствам социального подкрепления. Зигман [Sigman et al., 1992] считает, что дефицит эмпатии возникает из-за дефицита внимания. Некоторые исследователи полагают, что причина отсутствия эмпатического реагирования кроется в проблеме контроля стимулов, проявляющейся в чрезмерной избирательности при реагировании на стимулы, то есть в реакции не на стимул целиком, а лишь на отдельные его стороны (чаще на одну) [Bailey, 1981].

При этом существуют исследования, показывающие, что социальное внимание может служить подкреплением для поведения людей с нарушениями развития и при РАС [Iwata et al., 1994]. Следовательно, если некоторые люди с РАС чувствительны к социальному подкреплению, то отсутствие эмпатической реакции может быть связано с неспособностью идентифицировать существенные аспекты аффективных реакций, которые должны вызывать эмпатический ответ.

Работы, описывающие опыт успешного обучения подростков с РАС различать и дифференцированно отвечать соответствующей эмпатической реакцией на аффективные стимулы (выражения лица и жеста) [Argott et al., 2008], подтверждают эту позицию. Указанные выше авторы [Ibid.] использовали в своем исследовании процедуру затухания сценария, чтобы сформировать соответствующие эмпатические вербальные ответы на невербальные аффективные стимулы, относящиеся к трем категориям: радость, разочарование и боль. Участники должны были научиться постепенно различать потенциально более и менее важные аспекты аффективного стимула и делать соответствующие эмпатические заявления. Результаты показывают, что люди с РАС могут идентифицировать и различать необходимые характеристики аффективных стимулов. Такие данные позволяют предположить, что снижение эмпатических проявлений у людей с РАС может быть связано с невыученными отношениями между аффективными стимулами и соответствующими эмпатическими реакциями. Такое предположение выдвигает, в частности, А. Гена [Gena et al., 1996].

В одном из первых эмпирических исследований по этой теме А. Гена успешно увеличила использование контекстуально подходящих словесных утверждений, мимики и жестов подростками с РАС. У участников с РАС подкрепляли контекстуально подходящие реакции на предъявляемые экспериментатором стимулы. Для помощи в выработке адекватных реакций исполь-

зовались процедуры моделирования и словесных подсказок. Применение этих методов привело к формированию у участников эксперимента соответствующих контексту аффективных реакций, которые в дальнейшем переносились на новые стимулы и в новых условиях.

Опираясь на данные результаты, Баффингтон с коллегами [Buffington et al., 1998] учили детей с РАС адекватно реагировать с помощью жестов и словесных утверждений на различные аффективные стимулы. Экспериментаторы подкрепляли соответствующие аффективные реакции и использовали процедуру коррекции ошибок при помощи моделирования и поведенческих/вербальных подсказок, если участники не давали правильную реакцию. Результаты оказались аналогичны полученным ранее [Gena et al., 1996]. Точно так же исследователи [Schrandt et al., 2009] внедрили процедуру подсказки-задержки, используя моделирование и подсказку, чтобы научить 4–6-летних детей с РАС использовать эмпатические проявления и жесты по отношению к марионеткам. В каждом из этих исследований участники могли по-разному реагировать на аффективные стимулы, используя соответствующие эмпатические реакции.

Непосредственно расширяя исследования Гена [Gena et al., 1996; Gena et al., 2005] и опираясь на работы, проведенные Арготтом [Argott et al., 2008], Шрандт [Schrandt, 2009] и Дау [Daou et al., 2014] эффективно увеличили использование более сложной эмпатической реакции, которая включала утверждения, соответствующую интонацию и выражение лица у трех подростков в возрасте 9–13 лет с РАС. И снова было использовано подкрепление для надлежащего воспроизведения различных компонентов эмпатического ответа с моделированием и подсказками. Как и в предыдущих исследованиях, реакция постепенно распространялась на новые стимулы, не предъявляемые в процессе обучения. Помимо этого, адекватная реакция также сохранялась во время последующих сеансов, проводимых через 1,5–6 месяцев после завершения обучения.

Аналогично Харрис с коллегами [Harris et al., 1990] использовали подсказки и подкрепление, чтобы научить трех мальчиков-подростков проявлять реакцию помощи в различных ситуациях. Результаты показали, что у каждого из мальчиков ответная реакция в определенной степени распространялась на новых людей, которые не участвовали в эксперименте, но при этом уровень обобщенной ответной эмпатической реакции был ниже, чем при обучении.

Обучение эмпатическому реагированию: цели и задачи исследования

Анализ данных исследований показывает, что к обучению эмпатическому реагированию можно обращаться, используя оперантные техники дифференциального подкрепления, моделирования и подсказок.

В настоящем исследовании мы стремились выяснить, можно ли использовать процедуры, ранее применявшиеся для обучения детей с РАС различным

социальным навыкам, для обучения эмпатическому реагированию. В частности, цель исследования состояла в том, чтобы оценить, в какой степени программа обучения, состоящая из представления аффективных дискриминационных стимульных связок, быстрой задержки, моделирования с помощью слуховых сценариев, ручных подсказок, поведенческих репетиций и подкрепления будет эффективна для обучения эмпатическим реакциям в игровой обстановке детей с аутизмом. Мы планировали также оценить, в какой степени происходит распространение эмпатических реакций с тренировочных на нетренировочные стимулы и с тренировочных кукол и марионеток на реальных людей в естественных условиях.

Организация исследования включала в себя проведение скринингового исследования уровня эмпатии в контрольной группе нейротипичных младших школьников; разработку и реализацию программы психолого-поведенческого вмешательства в экспериментальной группе детей с РАС; обработку и анализ полученных данных для оценки эффективности реализованных процедур поведенческого вмешательства.

Участники исследования

Базой для исследования стали Междисциплинарный центр прикладного анализа поведения Новосибирского государственного университета и образовательный центр «Горностай» города Новосибирска (дошкольное отделение). В исследовании приняли участие шесть детей с аутизмом в возрасте 7–8 лет, занимающихся по программе поведенческого вмешательства в центре прикладного анализа поведения или ресурсном классе ОЦ «Горностай» четыре-пять часов в день, пять дней в неделю. Среди участников были дети с навыком сотрудничества и без такового. Дети, не имеющие этого навыка, демонстрировали нежелательное поведение и стремление к избеганию тренировочных сессий. При этом все участники имели опыт работы с жетонной мотивационной системой, а также необходимые навыки вокального подражания трехсловным фразам, смоделированным инструктором.

Контрольную группу составили дети, обучающиеся в первом классе на базе ДОО «Лесная сказка» в количестве 15 человек.

Описание участников экспериментальной группы

Девочка К.

На момент исследования К. было 7 лет. С 5 лет девочка обучается по программе поведенческого вмешательства. Кроме этого, она посещает интегративный дошкольный класс в течение нескольких часов в день, говорит полными предложениями с четкой артикуляцией и периодически устанавливает беглый зрительный контакт во время социального взаимодействия. Иногда делает замечания в отношении проявления аффекта у других (например, когда

в соседнем кабинете плачет ребенок, она обычно говорит «Ваня!» / «Ваня плачет»), однако редко демонстрирует соответствующие эмпатические ответы.

Девочка В.

Возраст В. во время исследования – 8 лет. Она проходит программу поведенческого вмешательства в дошкольном отделении ресурсного класса. В. говорит полными предложениями с четкой артикуляцией и устанавливает беглый зрительный контакт во время социального взаимодействия. Она достаточно сильно реагирует на проявление аффекта у других: напрягается, не может продолжить выполнение тренировочных сессий, начинает оборачиваться по сторонам, стремится убежать и, если аффект другого продолжается, начинает плакать, руками закрывая глаза и проговаривая: «Я хорошо работаю». При этом подобным образом она реагирует как на негативный аффект, так и позитивный. Не демонстрирует контекстуальных эмпатических ответов.

Мальчик А.

На момент проведения исследования А. 8 лет. Он проходит программу поведенческого вмешательства в дошкольном отделении ресурсного класса. Он говорит полными предложениями и периодически устанавливает беглый зрительный контакт во время социального взаимодействия или при работе во время сессий. Также А. часто водит глазами по кабинету и почти всегда при зрительном контакте с инструктором или экспериментатором резко отводит взгляд. На проявление аффекта у других реагирует испугом: ищет глазами источник аффекта и проговаривает «... плачет». Как правило, не различает тип аффекта (позитивный/негативный), эмпатических ответов не демонстрирует.

Мальчик У.

На момент исследования У. 7 лет. Проходит программу поведенческого вмешательства в дошкольном отделении ресурсного класса. У. говорит только во время тренировочных сессий после определенных инструкций. В основном он вокализирует. Не реагирует на проявления аффекта со стороны других людей.

Мальчик Ю.

Во время исследования Ю. 8 лет. Он проходит программу поведенческого вмешательства в дошкольном отделении ресурсного класса. Его речь состоит в основном из просьб, он редко инициирует социальное взаимодействие, а его зрительный контакт и внимание к другим очень бедны. Он не демонстрирует эмпатических реакций на проявления аффекта со стороны других людей.

Мальчик М.

На момент исследования М. 7 лет. Он проходил программу поведенческого вмешательства, но в период исследования занятия были прерваны. Его язык состоит в основном из отдельных слов и коротких фраз, а социальные инициативы обычно не вербализованы. На момент начала исследования он не де-

монстрирует эмпатийных реакций на проявления аффекта со стороны других людей.

Обстановка и материалы

Занятия проводились в небольшой комнате, обставленной детскими столами, стульями и книжными полками. Игрушки хранились на полках, а куклы и марионетки, использовавшиеся для обучения и пробного тестирования, были помещены в отдельные корзины перед полками. В одном из углов комнаты была установлена цифровая видеокамера, которая использовалась для записи занятий.

Целевые реакции и тест-ситуации

Аффективные дискриминационные стимулы содержали один моторный и один вокальный компонент. Вокальный компонент включал в себя контекстуальное речевое проявление, а моторный компонент – зрительный контакт и запрограммированное движение, соответствующее аффекту. Они были представлены в виде коротких тест-ситуаций, в которых инструктор держал куклу или марионетку и делал вид, что заставляет ее произнести утверждение, согласованное с действием. Тест-ситуации делились на три категории: грусть или боль, счастье или волнение и разочарование. Так, в категории «Грусть или боль» тест-ситуация состояла из того, что инструктор держал куклу, заставлял ее удариться о стол и говорил «ай!», как будто кукла повредила ногу. Категории ситуаций были случайным образом распределены по условиям обучения и тестирования.

Зависимыми переменными исследования являются ответы, которые оцениваются как правильные, если участник (а) направляет взгляд в сторону инструктора, (б) реагирует в течение пяти секунд после предъявления аффективного стимула и (в) дает контекстуальный эмпатический ответ.

Чтобы способствовать обобщению от учебных стимулов к нетренировочным, куклы и марионетки не были привязаны к конкретным ситуациям.

Эмпатическая реакция операционально определялась как соответствующая контексту реакция на проявление аффекта куклой, марионеткой или человеком, если содержала двигательные и вокальные компоненты (в любом порядке) и начиналась в течение 2–5 секунд после окончания предъявления. В предыдущем примере участников можно было научить говорить «Ты в порядке?» и похлопывать куклу по руке. Для каждой категории ответа разучивались одна двигательная реакция и три различных вокальных ответа. Для обеспечения универсальности ответы были разработаны таким образом, чтобы любая реакция, заученная для конкретной ситуации, подходила для любой тест-ситуации в той же категории ответов. Кроме того, правильными считались и другие контекстуально подходящие ответы, на которые не обращали внимания во время обучения. Полный список тест-ситуаций и целевых ответов для каждой категории ответов представлен в таблицах 1–3.

Занятия проводились четыре-пять раз в неделю и длились около 20 минут. Испытание начиналось, когда инструктор представлял тест-ситуацию с куклой или марионеткой. Куклы, марионетки, игрушки и мотивационные стимулы в виде жетонов располагались на столе между участником и инструктором. Перед сессией участники выбирали предпочитаемые поощрения, которые предоставлялись в обмен на 10 жетонов, заработанных в течение сессии.

Скрининговая диагностика

Для моделирования актуальных эмпатических реакций в предлагаемых тест-ситуациях нами был проведен скрининг ответов нейротипичных детей младшего школьного возраста. В скрининге участвовали 15 детей из общеобразовательных классов. Тестирование проводилось во время группы продленного дня и с некоторыми детьми во время уроков. Обобщение полученных данных явилось основой для выработки вариантов аффективных ответов в тренировочных сессиях. Они представлены вместе с тест-ситуациями в таблицах 1–3.

Таблица 1

Дискриминативные стимулы в ситуации боли/грусти
и варианты эмпатические реакции

Варианты предлагаемых ситуаций-стимулов	Варианты эмпатических реакций
Обучение	
«Ой!» и удариться ногой о стол.	«Ты в порядке?» и поглаживание рукой.
«Мне нехорошо» и сесть.	
«Я ушиб локоть» и коснуться локтя.	«Все хорошо?» и поглаживание руки.
«У меня болит живот» и потереть живот.	
«Ой!» и упасть.	
«Я так расстроен» и фыркать или плакать.	
«Я обжег руку!» и схватить тост и уронить его.	
Обобщение	
«О нет!» и вытирать глаза салфеткой.	
«Я порезал палец!» и резать ножницами.	
«У меня болит голова» и держаться за лоб.	

Таблица 2

**Дискриминативные стимулы в ситуации радости/счастья
и варианты эмпатических реакций**

Варианты предлагаемых ситуаций-стимулов	Варианты эмпатических реакций
Обучение	
«Это весело!» и толкать машину.	«Могу и я посмотреть?» и движение рукой к собственному телу.
«Я закончил!» и раскрашивать картинку.	«Покажи мне!» и движение рукой к собственному телу.
«Я сделал это!» и собирать пазл.	«Дай мне увидеть!» и движение рукой к собственному телу.
«Смотри на меня!» и растягивать кинетический песок.	«Ух ты! Это так здорово!» и поднимать две руки вверх.
«Посмотри на это!» и показывать подарочную коробку.	
«Я выиграл!» и играть в «Голодные бегомотики» и поднимать обе руки вверх.	
«Я что-то нашел!» и показывать ящерицу.	
Обобщение	
«Мне это нравится!» и катать шарик.	
«Смотри, что у меня есть!» и показывать волшебное колесо.	
«Это лучшее!» и играть на лягушачьем пианино.	

Таблица 3

**Дискриминативные стимулы в ситуации разочарования,
фрустрации и варианты эмпатических реакций**

Варианты предлагаемых ситуаций-стимулов	Варианты эмпатических реакций
Обучение	
«Не получается!» и ставит машину на стол	«Я могу тебе помочь?» и протягивает одну руку в сторону куклы/человека
«Не получается!» и пытается собрать фигурку в головоломки	«Хочешь помогу?» и протягивает одну руку в сторону куклы или человека
«Не получается» и пытается застегнуть платье	«Я помогу тебе?» и протягивает одну руку в сторону куклы или человека
«О нет!» и роняет корзину с блоками	
«Слишком сложно!» и пытается собрать кубик-рубик	
«Застряла!» и пытаюсь снять крышку с коробки	
«Я сломал ее!» и держу сломанную модель Lego	

Обобщение

«Она не работает!» и пытаюсь раскрасить маркером с надетым колпачком
«Моя рука застряла!» и пытаюсь надеть свитер
«Она слишком плотно закрыта!» и пытаюсь открыть банку.

Предварительные тесты и процедуры

Для определения начального имеющегося уровня эмпатии и введения обучающего тренинга был проведен ряд процедур, необходимых для повышения внутренней валидности исследования. Речь идет об этапе установления контакта и тестирования навыка сотрудничества.

Установление контакта

До проведения основной части исследования была проведена дополнительная работа на установление доверительного контакта, который не предвещал угрозы для ребенка. Критерием установленного контакта было выражение ребенком удовольствия от взаимодействия с экспериментатором – ребенок инициирует продолжение взаимодействия в доступной ему форме.

Тестирование навыка сотрудничества

В данном исследовании мы учитывали наличие у детей навыка сотрудничества. У каждого ребенка определялось наличие или отсутствие этого навыка, проявляющегося в способности взаимодействовать с инструктором, отсутствии яркого самопроизвольного поведения, выполнении заданий и инструкций.

Наличие навыка сотрудничества оценивалось в соответствии со следующими критериями:

- выполнение инструкции приглашения за стол (навык сотрудничества считается сформированным, если ребенок следует инструкции после трех и менее приглашений);
- нахождение за столом без самопроизвольного ухода в течение семи и более минут;
- удерживание от произвольных манипуляций с предметами, находящимися на столе (допускается не более двух случаев захвата лежащих на столе предметов при наличии обратной связи «Не трогай»);
- выполнение за столом заданий на имитацию (поведение соответствует наличию навыка сотрудничества при реализации ребенком 10 предъявленных проб).

Определение начального уровня эмпатического реагирования

Испытание начиналось, когда инструктор предоставлял ситуацию с запрограммированным дискриминационным стимулом, и заканчивалось через определенный интервал времени (5 секунд). Пре-тест проводился вне стола (или без использования жетонной системы) и начинался с оценки предпочтений.

На предварительном этапе экспериментатор предоставлял различные стимулы, связанные с каждым подготовленным для ребенка событием. Затем экспериментатор 5 секунд ждал контекстуального эмпатического ответа. Заключением испытания считался разговорный обмен (например, «Спасибо», «Хорошо») в случае правильного ответа или при отсутствии ответа в течении 5 секунд продолжения игрового взаимодействия с ребенком. Никаких явных указаний или подсказок во время испытаний не предоставлялось. Типы ответов, демонстрируемых участниками на начальном этапе, показали, что основной дефицит, стоящий за отсутствием или слабым развитием эмпатии, состоит в неумении соотносить контекст ситуации и уместность определенной реакции (даже при наличии данной реакции в поведенческом репертуаре: например, предложение помощи, демонстрация интереса и т. д.).

Во время определения начального имеющегося уровня эмпатического реагирования было выявлено, что дети часто откликаются на предъявляемую ситуацию, в том числе выдают эмоциональные реакции, но эти реакции, как правило, не соответствуют контексту и не могут быть отнесены к эмпатическим реакциям. Реакции детей были немногочисленными и часто не подходили для данной категории тест-ситуации, но подходили для другой (например, ребенок мог смеяться, когда кукла была грустной).

Учебная программа для тренировочных сессий

Учебные сессии состояли из 20 испытаний (17 учебных и 3 нетренировочных пробных стимула на каждую категорию ответов), представленных в случайном порядке. Ребенку давались ручные и звуковые подсказки в соответствии с последовательностью «подсказка – задержка» [Charlop, 2002] для предотвращения ошибок. В частности, инструктор использовал ручные и звуковые подсказки сразу (0 секунд) в течение трех сессий, когда вводилось обучение определенной категории ответов. Во время четвертой сессии использовалась задержка в 1 секунду. Инструктор увеличивал длительность задержки на 1 секунду, доведя ее до 3 секунд после каждой сессии, в которой участник отвечал правильно по крайней мере на $\geq 50\%$ предлагаемых ситуаций в каждой из представленных категорий. Инструктор уменьшал задержку на 1 секунду, если участник отвечал правильно на $< 50\%$ учебных ситуаций. Во время учебных испытаний инструктор давал жетоны и хвалил после всех правильных ответов без подсказки.

Последовательность репетиции поведения использовалась для всех тренировочных испытаний в условиях задержки 0 секунд и когда участник не отвечал или отвечал неправильно во всех других условиях подсказки-задержки.

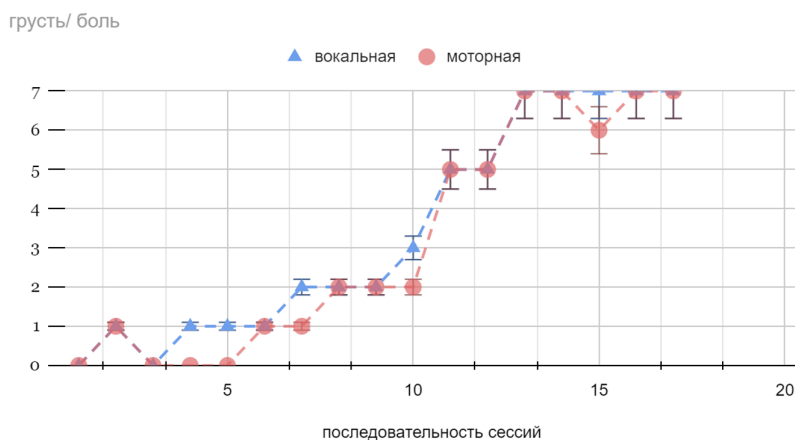
Сначала инструктор вручную подсказывал правильный двигательный ответ и одновременно воспроизводил звуковой сценарий.

Если участник не имитировал звуковой сценарий, инструктор снова воспроизводил тест-ситуацию и ждал ответа. Если участник не имитировал звуковой сценарий после двух предъявлений, инструктор давал голосовые подсказки (например, «Скажи: “Все в порядке”»), до тех пор, пока участник не имитировал сценарий правильно. Затем инструктор снова воспроизводил звуковой сценарий и повторял эту последовательность до тех пор, пока участник правильно не имитировал звуковой сценарий сразу после его воспроизведения. Если участник имитировал звуковой сценарий без подсказок, инструктор представлял ту же тест-ситуацию и частично подсказывал вокальные и моторные реакции (например, воспроизводил первое слово звукового сценария и слегка касался руки участника). Если участник отвечал правильно, инструктор давал ему возможность ответить на ту же тест-ситуацию без подсказок. Если участник не отвечал или делал ошибку, последовательность повторялась до тех пор, пока участник не давал правильный самостоятельный ответ.

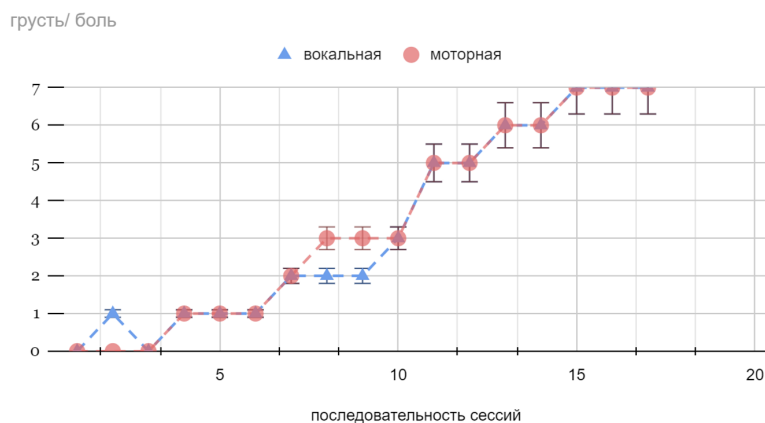
Результаты реализации программы, направленной на формирование эмпатических реакций у детей с РАС

Динамика эмпатических реакций (моторных и вокальных) в ответ на предъявление стимулов, относящихся к категориям «Боль или грусть», «Радость или счастье», «Разочарование или фрустрация» отображена на рисунках 1–3. В процессе обучения по разработанной нами программе наблюдался значительный рост числа эмпатических реакций у детей с развитым навыком сотрудничества. Дети, у которых отсутствовал навык сотрудничества на момент начала реализации данной обучающей программы, показали отсутствие или незначительное увеличение эмпатических реакций.

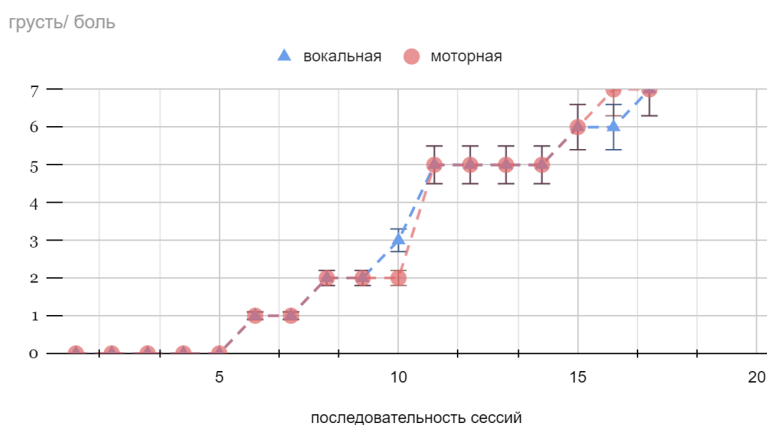
Девочка К. (имеется навык сотрудничества)

Девочка В. (имеется навык сотрудничества)

Мальчик А. (имеется навык сотрудничества)

Мальчик Ю. (навык сотрудничества отсутствует)

Мальчик У. (навык сотрудничества отсутствует)

грусть/ боль

Мальчик М. (навык сотрудничества отсутствует)

грусть/ боль

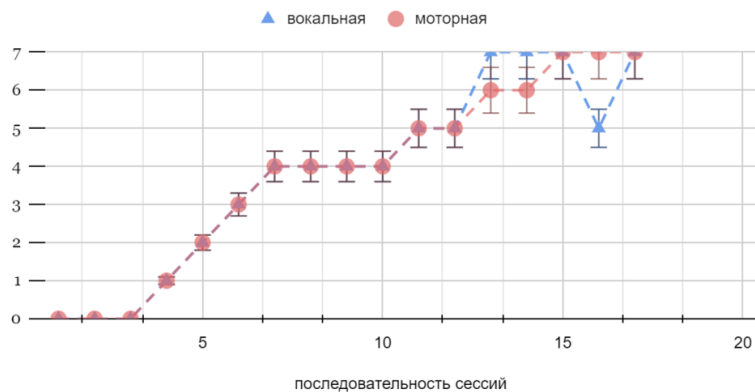

Рис. 1. Динамика числа адекватных (эмпатийных) моторных и вокальных реакций на проявление грусти/боли в учебной ситуации

Далее приведем результаты изменения реагирования на ситуации радости/счастья у детей в процессе реализации обучающей программы (рис. 2).

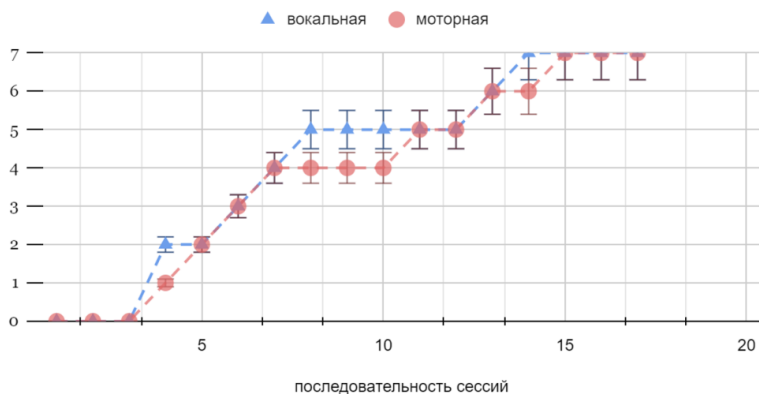
Девочка К. (имеется навык сотрудничества)

радость/счастье

Девочка В. (имеется навык сотрудничества)

радость/счастье

Мальчик А. (имеется навык сотрудничества)

радость/счастье

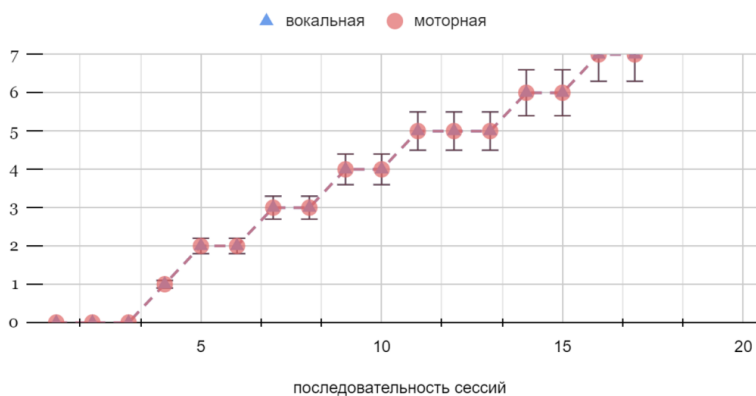
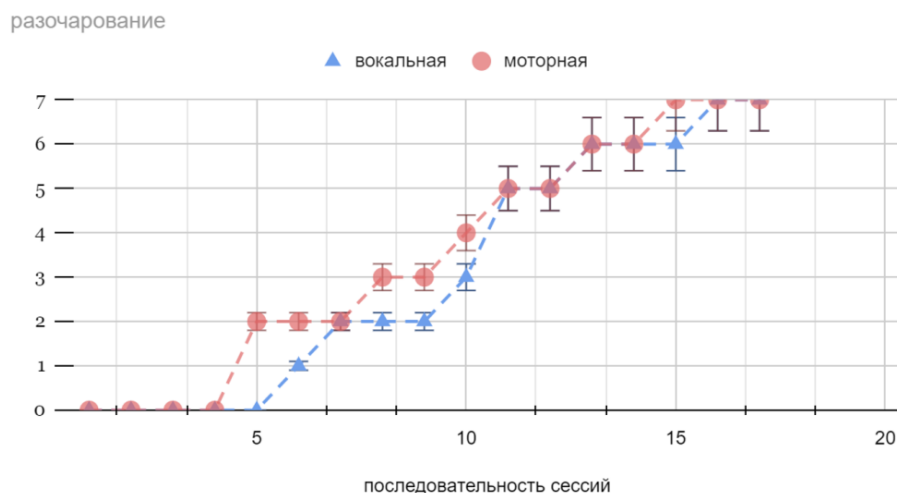

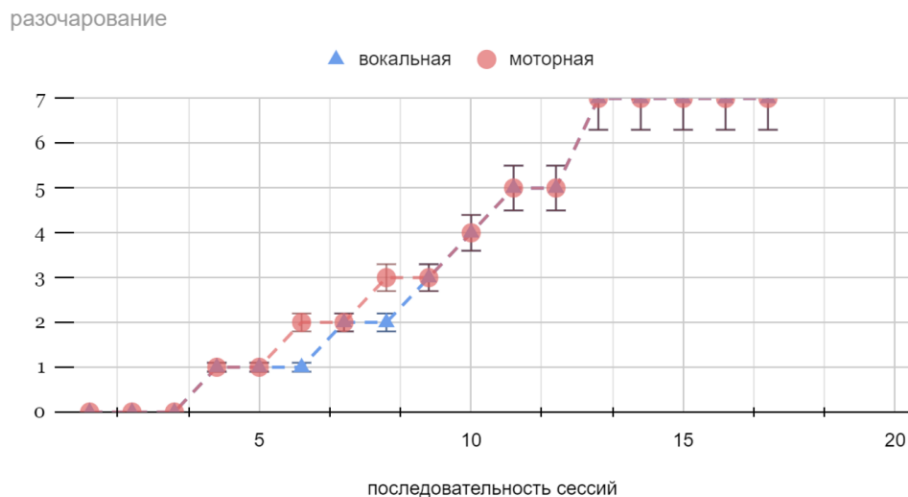
Рис. 2. Динамика числа адекватных (эмпатийных) моторных и вокальных реакций на проявление радости/счастья в учебной ситуации

Третья категория предъявляемых ситуаций объединяла в себе аффективные состояния разочарования, фрустрации, то есть состояния, возникающие перед лицом нарушения ожидаемого развития событий. Нам представляется, что более тонкая дифференциация подобных стимулов возможна лишь в длительном процессе обучения.

Девочка К. (имеется навык сотрудничества)

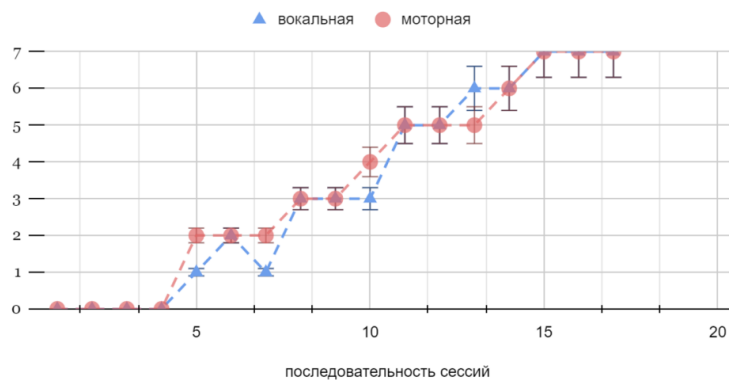

Девочка В. (имеется навык сотрудничества)

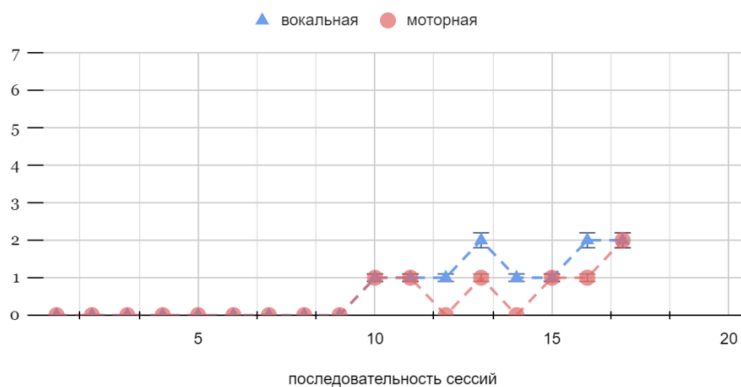
Мальчик А. (имеется навык сотрудничества)

разочарование

Мальчик Ю. (навык сотрудничества не развит)

Разочарование

Мальчик У. (навык сотрудничества не развит)

Разочарование

Мальчик М. (навык сотрудничества не развит)

Разочарование

Рис. 3. Динамика числа адекватных эмпатических моторных и вокальных реакций на проявление разочарования/фрустрации в учебной ситуации

Интересно, что у некоторых участников с навыком сотрудничества наблюдалось спонтанное проявление контекстуальных эмпатических ответов, содержащих в себе отличное от тренируемого вербальное поведение. Так, девочка К. могла спонтанно фиксировать аффективные проявления: «Ой! Тебе грустно!», «Не грусти, давай поиграем в другую игру». Девочка В. часто использовало побудительные предложения: «Надо починить сумку!», «Тебе нужна помощь!».

Обсуждение результатов и выводы

Генерализация эмпатического ответа на новые стимулы в реальных условиях произошла у всех детей, имеющих навык сотрудничества. Дети, не обладающие этим навыком, показали лишь незначительное увеличение количества эмпатических реакций. Тем не менее тенденция к сдвигу в сторону выработки таких реакций наметилась. Это очень важно, поскольку здесь мы сталкиваемся с одним из «тупиковых» моментов в работе с детьми с РАС. Для помощи ребенку необходимо учесть его особенности и в процессе социального взаимодействия и организации сотрудничества в рамках этого взаимодействия вписать его в социум с учетом этих его особенностей. Чтобы это произошло, необходим контекст социального взаимодействия. Но если ребенок не включается в процесс социального взаимодействия, то оказание помощи ему ставится под вопрос. Результаты нашего исследования показывают, что упорные попытки налаживания сотрудничества рано или поздно должны увенчаться успехом, пусть на первый взгляд не очень значительным, но имеющим потенциал дальнейшего развития.

Диагностика начального уровня эмпатического реагирования показала, что у детей может быть реакция, в том числе аффективная, на предлагаемую

эмоционально насыщенную ситуацию, но зачастую эта реакция оказывается неуместной, неадекватной. Основной дефицит, стоящий за отсутствием или слабым развитием эмпатии, заключается в неумении соотносить контекст ситуации и уместность определенной реакции (даже при наличии данной реакции в поведенческом репертуаре).

В целом, наши результаты показали, что дети с аутизмом в возрасте 7–8 лет могут научиться демонстрировать социально значимые навыки эмпатического реагирования в предварительных игровых условиях и что эти навыки могут распространяться на ситуации и игрушки, не предназначенные для обучения, а также на ситуации в естественных условиях. Речь идет о возможности соотносить контекст и уместность определенной реакции. Иначе говоря, мы можем заключить, что эмпатическое реагирование доступно детям с РАС.

В то же время мы приходим к выводу, что для людей с РАС характерна рассогласованность в проявлении аффективных реакций, в том числе эмпатических, что предопределяет трудности в восприятии таких проявлений другими людьми. Согласованность в проявлении эмпатического реагирования подразумевает контекстуальное единство зрительного контакта, мимических проявлений, интонационного сопровождения, вокального и моторного проявления. Как показывают результаты данного исследования, мы можем помочь детям и взрослым с РАС проявлять контекстуальные компоненты эмпатического реагирования. Интеграции эмпатических проявлений в согласованный аффективный ответ в данном исследовании не наблюдалось. Насколько такая интеграция принципиально достижима и каковы пути и перспективы формирования согласованного эмпатического реагирования – это вопрос для будущих исследований.

В данном контексте возникает вопрос: может ли наличие рассогласованности в проявлении аффекта исключать наличие сопереживания со стороны ребенка или взрослого с РАС. С нашей точки зрения, наличие даже отдельных компонентов эмпатического реагирования может рассматриваться как показатель наличия сопереживания у человека с РАС, и развитие такого реагирования является важнейшим аспектом абилитации людей с РАС. Что касается специфики внутренних переживаний, сопровождающих внешние эмпатические реакции, – это отдельная сложнейшая задача, требующая глубокого изучения.

Проявление эмпатии является социально значимым навыком для любых детей, в том числе для детей с аутизмом, поскольку оно повышает их способность участвовать в других важных видах просоциального поведения [Rheingold, Nay, 1980]. Дети с аутизмом, которые демонстрируют соответствующую заботу и интерес, когда другие грустят, радуются или расстроены, скорее всего, будут способны к построению адекватного взаимодействия со сверстниками и членами семьи. Результаты нашей работы подтверждают выводы предыдущих исследований о том, что методы прикладного анализа поведения эффективны для улучшения сложных социальных навыков, таких как эмпатия, у детей с аутизмом. Это позволяет работать в направлении разви-

тия эмпатического реагирования – дефицита, чрезвычайно часто отмечаемого, но редко оказывающегося целью коррекции у детей с РАС.

Список литературы/References

Ambler P.G., Eidels A., Gregory C. Anxiety and aggression in adolescents with autism spectrum disorders attending mainstream schools // *Res. Autism Spectr. Disord.* 2015. Vol. 18. P. 97–109.

Argott P. et al. Increasing the use of empathic statements in the presence of a non-verbal affective stimulus in adolescents with autism // *Res. Autism Spectr. Disord.* 2008. Vol. 2, № 2. P. 341–352.

Bailey S.L. Stimulus overselectivity in learning disabled children. // *J. Appl. Behav. Anal.* 1981. Vol. 14, № 3. P. 239–248.

Buffington D.M. et al. Procedures for Teaching Appropriate Gestural Communication Skills to Children with Autism // *J. Autism Dev. Disord.* 1998. Vol. 28, № 6. P. 535–545.

Charlop M. et al. Using the picture exchange communication system (PECS) with children with autism: Assessment of PECS acquisition, speech, social-communicative behavior, and problem behavior // *J. Appl. Behav. Anal.* 2002. Vol. 35. P. 213–231.

Charlop M.H., Walsh M.E. Increasing autistic children's spontaneous verbalizations of affection: an assessment of time delay and peer modeling procedures. // *J. Appl. Behav. Anal.* 1986. Vol. 19, № 3. P. 307–314.

Charman T. et al. Infants with autism: an investigation of empathy, pretend play, joint attention, and imitation // *Dev. Psychol.* 1997. Vol. 33, № 5. P. 781–789.

Daou N., Vener S.M., Poulson C.L. Analysis of three components of affective behavior in children with autism // *Res. Autism Spectr. Disord.* 2014. Vol. 8, № 5. P. 480–501.

de Waal F.B.M. Putting the altruism back into altruism: the evolution of empathy // *Annu. Rev. Psychol.* 2008. Vol. 59. P. 279–300.

Decety J., Michalska K.J. Neurodevelopmental changes in the circuits underlying empathy and sympathy from childhood to adulthood // *Dev. Sci.* 2010. Vol. 13, № 6. P. 886–899.

Findlay L.C., Girardi A., Coplan R.J. Links between empathy, social behavior, and social understanding in early childhood // *Early Child. Res. Q.* 2006. Vol. 21, № 3. P. 347–359.

Frith C.D., Frith U. Mechanisms of Social Cognition // *Annu. Rev. Psychol.* 2012. Vol. 63, № 1. P. 287–313.

Gena A. et al. Training and Generalization of Affective Behavior Displayed by Youth with Autism // *J. Appl. Behav. Anal.* 1996. Vol. 29, № 3. P. 291–304.

Gena A., Couloura S., Kymissis E. Modifying the Affective Behavior of Preschoolers with Autism Using In-Vivo or Video Modeling and Reinforcement Contingencies // *J. Autism Dev. Disord.* 2005. Vol. 35, № 5. P. 545–556.

Harris S.L., Handleman J.S., Alessandri M. Teaching youths with autism to offer assistance. // J. Appl. Behav. Anal. 1990. Vol. 23, № 3. P. 297–305.

Iwata B.A. et al. Toward a Functional Analysis of Self-Injury // J. Appl. Behav. Anal. 1994. Vol. 27, № 2. P. 197–209.

Rheingold H.L., Hay D.F., West M.J. Sharing in the Second Year of Life // Child Dev. [Wiley, Society for Research in Child Development], 1976. Vol. 47, № 4. P. 1148–1158.

Schrandt J.A., Townsend D.B., Poulson C.L. Physical Activity in Homes 13 Teaching Empathy Skills to Children with Autism // J. Appl. Behav. Anal. 2009. Vol. 42, № 1. P. 17–32.

Sigman M.D. et al. Responses to the Negative Emotions of Others by Autistic, Mentally Retarded, and Normal Children // Child Dev. [Wiley, Society for Research in Child Development], 1992. Vol. 63, № 4. P. 796–807.

Szalavitz M., Perry B.D. Born for love: why empathy is essential – and endangered. 1st ed. New York, NY: William Morrow, 2010. 374 p.

Yirmiya N. et al. Empathy and Cognition in High-Functioning Children with Autism // Child Dev. [Wiley, Society for Research in Child Development], 1992. Vol. 63, № 1. P. 150–160.

Информация об авторах

Первушина Ольга Николаевна, кандидат психологических наук, заведующая кафедрой психологии личности, заместитель директора Института медицины и психологии им. Зельмана Новосибирского государственного университета, директор Междисциплинарного центра прикладного анализа поведения

Scopus Author ID 57190754195

RSCI AuthorID 406156

Гилёва Дарья Ивановна, бакалавр психологии (Новосибирск, Россия)

Information about the Authors

Olga N. Pervushina, PhD, Head of the Department of Personality Psychology, Deputy Director of the V. Zelman Institute for the Medicine and Psychology of Novosibirsk State University, Director of the Interdisciplinary Center for Applied Behavior Analysis

Scopus Author ID 57190754195

RSCI AuthorID 406156

Dariya I. Gileva, Bachelor of Psychology (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 18.07.2022;

одобрена после рецензирования 03.08.2022; принята к публикации 05.08.2022

The article was submitted 18.07.2022; approved after reviewing 03.08.2022;

accepted for publication 05.08.2022

Научная статья

УДК 159.9.072

DOI 10.25205/2658-4506-2022-15-1-27-37

Исследование связи перфекционизма с субъективным благополучием

Андрей Михайлович Голубев¹,
Мария Владимировна Котова²

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹drew719@mail.ru

²mariya_kotova@bk.ru

Анотация

В настоящей работе представлены результаты исследования связи субъективного благополучия с позитивным и негативным перфекционизмом, проведенного на выборке из 238 человек. Анализ результатов происходил с учетом влияния социальной желательности и пола испытуемых. Были выявлены обратные корреляционные взаимосвязи между шкалами субъективного благополучия и показателями «негативного» перфекционизма. Эти связи были наиболее выражены в группе женщин. Корреляции благополучия с перфекционизмом, ориентированным на себя, в общей выборке обнаружены не были, однако в группе мужчин такая связь, возможно, существует.

Ключевые слова

перфекционизм, субъективное благополучие, многомерная шкала перфекционизма, мотивация одобрения

Для цитирования

Голубев А. М., Котова М. В. Исследование связи перфекционизма с субъективным благополучием // Reflexio. 2022. Т. 15, № 1. С. 27–37. DOI 10.25205/2658-4506-2022-15-1-27-37

Study of the Relationship between Perfectionism and Subjective Well-Being

Andrey M. Golubev¹, Maria V. Kotova²

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹drew719@mail.ru

²mariya_kotova@bk.ru

Abstract

This paper presents the results of studying the relationship between subjective well-being and perfectionism on data samples from 238 people. The analysis of the results was carried out taking into

© Голубев А. М., Котова М. В., 2022

account the influence of social desirability and gender of the subjects. Correlations were found between the scales of subjective well-being and the indicators of “negative” perfectionism. These relationships were the most pronounced in women group. In the general sample, no correlation of well-being with self-oriented perfectionism was found. However, in the group of men such relationship may exist.

Keywords

perfectionism, subjective well-being, multidimensional scale of perfectionism, approval motivation

For citation

Golubev A. M., Kotova M. V. Study of the Relationship between Perfectionism and Subjective Well-Being. *Reflexio*, 2022, vol. 15, no. 1, pp. 27–37. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2022-15-1-27-37

Введение

В психологии проблематика перфекционизма имеет особое значение. Стремление к совершенству, желание быть безупречным и соответствовать высоким стандартам часто становится главной идеей человека в современном обществе, ориентированном на достижения и социальный успех.

Изначально перфекционизм активно изучался в рамках клинической психологии и психиатрии и рассматривался как дисфункциональная личностная характеристика человека. В различных исследованиях были установлены связи перфекционизма с выраженными проблемами на работе и в семье, деструктивными формами поведения, прокрастинацией, депрессивными и тревожными расстройствами, неблагоприятным прогнозом в терапии пациентов [Гараян, Холмогорова, 2018].

В психологии достаточно долго господствовали одномерные представления о перфекционизме. В 1978 году Хамачек предложил рассматривать две его формы: нормальный и невротичный перфекционизм. Первая отражала склонность получать от реализации своих перфекционистских устремлений удовольствие, а вторая – страдать [Hamachek, 1978]. Развивая эту идею, исследователи давали разные названия этим формам: здоровый и нездоровый перфекционизм, позитивный и негативный, активный и пассивный, адаптивный и неадаптивный, функциональный и дисфункциональный, позитивное стремление и неадекватная оценка [Stoeber, Otto, 2006].

Разработка первых инструментов измерения позволило исследователям всесторонне изучать этот феномен. Стали появляться различные многомерные модели, описывающие отдельные аспекты этого конструкта. Появившееся множество различных концепций и подходов в целом сходило в понимании того, какие основные аспекты определяют позитивные и негативные формы перфекционизма. Высокие стандарты и ориентированный на себя перфекционизм ассоциировался с позитивной формой конструкта, а страх перед ошибками и неудачами, склонность сомневаться в действиях, социально предписываемый перфекционизм – с негативной [Hewitt, Flett, 1991; Гараян, Холмогорова, 2018]. Однако если при эмпирическом изучении негативного перфекционизма исследователи приходили к согласующимся выводам, то позитивная форма в исследованиях давала неоднозначные результаты [Hewitt

et al., 2017]. Следует также отметить, что среди психологов много таких, кто ставит под сомнение саму мысль о том, что перфекционизм может быть позитивным. Таким образом, актуальность изучения структуры перфекционизма сохраняется и в настоящее время.

Субъективное благополучие так же, как и перфекционизм, является сложным и неоднозначным понятием. Его связывают с высоким уровнем удовлетворенности в жизни, преобладанием позитивных эмоций над негативными. Некоторые модели рассматривают этот конструкт как совокупность позитивного функционирования, определяя его понятием психологического благополучия [Голубев, Дорошева, 2017]. Исследования связи субъективного благополучия с перфекционизмом проводились различными исследователями. Анализ результатов таких исследований вскрыл некоторые противоречия, возможно, связанные с использованием разных наборов методик или же концептуальной неоднозначностью. Так, в исследовании А. А. Золотаревой (использовалась авторская методика оценки двух форм перфекционизма) патологический перфекционизм отрицательно коррелировал со шкалами К. Рифф, Э. Динера и С. Любомирски, а нормальный перфекционизм показал значимые прямые корреляции с теми же опросниками субъективного благополучия [Золотарева, 2012]. В исследовании И. О. Южаковой, где использовалась многомерная шкала HF-MPS, шкала К. Рифф психологического благополучия имела значимые обратные корреляции со шкалами социально предписанного перфекционизма и перфекционизма, ориентированного на других. Однако связи с перфекционизмом, ориентированным на себя, обнаружено не было [Южакова и др., 2019], что согласуется и с некоторыми зарубежными исследованиями. В статье Н. Г. Гаранян [Гаранян, Холмогорова, 2018] шкала высоких стандартов имела невысокую, но значимую прямую связь с тревожностью, а клиническая (тревожные и депрессивные расстройства) и контрольная группы по этой шкале не отличались.

Следует также отметить, что при исследовании связей между перфекционизмом и другими конструктами часто не контролируется влияние мотивации одобрения на коэффициенты корреляций. Как известно, установка на социально желаемые ответы зависит не только от ситуации тестирования, но и от социальной привлекательности самого исследуемого конструкта. Для респондента может быть предпочтительнее снижать негативный и повышать позитивный перфекционизм. Кроме того, само понятие перфекционизма в некотором смысле пересекается с мотивацией одобрения. Таким образом, поскольку социальная желательность отражает склонность отвечать не так, как есть на самом деле, а так, как кажется социально одобряемым, то она может выступать в качестве побочной переменной в исследованиях перфекционизма.

Другой важный фактор, который следует учитывать при исследованиях перфекционизма – роль пола (и/или гендера). Несмотря на то, что в литературе иногда указывают на то, что пол человека практически не оказывает существенного влияния на уровень перфекционизма, половые особенности

респондентов могут отражаться на связях перфекционизма с другими конструктами.

Соответственно, в рамках данного исследования были поставлены следующие задачи:

- 1) еще раз рассмотреть связь между субъективным благополучием и двумя формами перфекционизма;
- 2) проконтролировать влияние социальной желательности на результаты исследования связей;
- 3) изучить характер изучаемых связей с учетом пола испытуемых.

Методы исследования

Для оценки уровня перфекционизма и его аспектов были использованы две методики: Многомерная шкала перфекционизма П. Хьюитта и Г. Флетта (HF MPS) и трехфакторный опросник перфекционизма, разработанный Н. Г. Гаранян и А. Б. Холмогоровой.

Многомерная шкала перфекционизма является одной из самых востребованных методик оценки перфекционизма в мире. П. Хьюитт и Г. Флетт определяли перфекционизм как склонность к превосходству во всем. Они выделили три аспекта данного конструкта, которые и были заложены в шкалы опросника MPS: 1) перфекционизм, ориентированный на себя, 2) перфекционизм, ориентированный на других, и 3) социально предписанный перфекционизм. Адаптация методики в России была осуществлена И. И. Грачёвой [Грачёва, 2006]. Русскоязычный вариант методики показал хорошие психометрические свойства. Факторный анализ подтвердил трехфакторную структуру опросника.

Трехфакторный опросник перфекционизма Н. Г. Гаранян и А. Б. Холмогоровой стал результатом многолетних исследований, позволивших редактировать и улучшить первоначальную версию методики [Гаранян, Холмогорова, 2018]. Опросник содержит 18 вопросов и шкалы, выявленные с помощью факторного анализа: 1) «Высокие стандарты и требования к себе», 2) «Озабоченность оценками со стороны других», 3) «Негативное селектирование». Структура шкал опросника, согласно авторам, соответствует современным представлениям о психологической структуре перфекционизма. Опросник имеет приемлемые показатели внутренней согласованности ($> 0,7$).

Для исследования субъективного благополучия использовались три методики: Оксфордский опросник счастья (OHQ) М. Аргайла, Опросник субъективного благополучия (SW) С. Любомирски и Шкала удовлетворенности жизнью (SWLS) Э. Динера.

Оксфордский опросник счастья – относительно компактная методика, направленная на оценку единого фактора благополучия, отражающего такие его аспекты, как: позитивное отношение к жизни, себе и другим людям, наличие увлечений и интересов. Адаптация русскоязычной версии опросника

осуществлена А. М. Голубевым и Е. А. Дорошевой [Голубев, Дорошева, 2017]. Методика имеет высокую внутреннюю согласованность и приемлемую ретестовую надежность в интервале трех месяцев. Конструктивная валидность подтверждена факторным и корреляционным анализом.

Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера и Шкала субъективного счастья С. Любомирски представляют очень простые и прямые способы оценки субъективного благополучия. Методики обладают хорошими психометрическими свойствами. Адаптация русскоязычных вариантов опросников произведена Д. А. Леонтьевым и Е. Н. Осиным. Была показана достаточно высокая внутренняя согласованность и ретестовая надежность методик [Осин, Леонтьев, 2020].

Для контроля социальной желательности испытуемым предлагалось также заполнить Опросник мотивации одобрения Д. Марлоу и Д. Краун. Шкала состоит из утверждений, которые отражают незначительные социально одобряемые поведенческие установки, и не содержит вопросов, оценивающих патологические проявления. Методика часто используется для оценки неискренности в ответах. На русский язык шкала переведена Ю. Л. Ханиным в 1974.

Выборка

В исследовании принимало участие 238 человек, из них 74 мужчины и 164 женщины в возрасте от 21 до 59 лет (средний возраст 34,5 года). Исследование проводилось дистанционно, респонденты заполняли опросники в электронном виде.

Результаты исследования

Показатели опросников значимо не коррелировали с возрастом испытуемых, за исключением шкалы высоких стандартов Н. Г. Гаранян и А. Б. Холмгородовой ($r = -0,13$; $p < 0,05$).

1. Исследование связи между субъективным благополучием и перфекционизмом.

Предварительно изучив связь социальной желательности с опросниками, мы обнаружили, что практически все шкалы перфекционизма значимо коррелировали со шкалой мотивации одобрения: перфекционизм, ориентированный на себя ($r = 0,14$; $p < 0,05$), на других ($r = -0,23$; $p < 0,01$), шкала высоких стандартов ($r = 0,17$; $p < 0,01$), озабоченности оценками со стороны других ($r = -0,26$; $p < 0,01$), негативного селектирования ($r = -0,25$; $p < 0,01$). Со шкалой Д. Марлоу и Д. Краун также коррелировали показатели субъективного благополучия: оксфордский опросник счастья ($r = 0,29$; $p < 0,01$), шкала С. Любомирски ($r = 0,19$; $p < 0,01$). Вероятно, рассматриваемые конструкты обладают свойством социальной привлекательности, и для ее контроля мы рассчитывали частные коэффициенты корреляций (см. табл.).

Частные корреляции (контроль социальной желательности)
между шкалами субъективного благополучия и перфекционизма

	OHQ	SW	SWLS
<i>Hewitt-Flett MPS:</i>			
Перфекционизм, ориентированный на себя	0,03	–0,09	–0,09
Перфекционизм, ориентированный на других	–0,09	–0,11	–0,05
Социально предписанный перфекционизм	–0,36**	–0,40**	–0,33**
Итоговый показатель перфекционизма MPS	–0,15*	–0,23**	–0,18**
<i>Трехфакторный опросник перфекционизма Н. Г. Гаранян и А. Б. Холмогоровой:</i>			
Озабоченность оценками со стороны других	–0,50**	–0,36**	–0,32**
Высокие стандарты и требования к себе	0,20**	0,06	0,03
Негативное селектирование	–0,56**	–0,43**	–0,37**
Итоговый показатель перфекционизма 3-ОП	–0,43**	–0,35**	–0,32**

Примечание. OHQ – Оксфордский опросник счастья, SW – Шкала субъективного благополучия Любомирски, SWLS – Шкала удовлетворенности жизнью Динера.

* Значимость на уровне 0,05.

** Значимость на уровне 0,01.

Значимые обратные корреляции с субъективным благополучием, как и ожидалось, наблюдались с итоговыми баллами перфекционизма обоих опросников. Однако отдельные аспекты перфекционизма (перфекционизм, ориентированный на себя и на других) не коррелировали ни с одним опросником благополучия. Шкала высоких стандартов трехфакторного опросника Н. Г. Гаранян и А. Б. Холмогоровой имела прямую корреляционную связь только с Оксфордским опросником счастья, с другими опросниками такая связь не была обнаружена. Полученные результаты относительно перфекционизма, который рассматривается как негативная форма, согласуются с большинством литературных данных. Более высокая его выраженность сопровождается более низкими значениями субъективного благополучия. Отсутствие связей я-ориентированного перфекционизма в нашем исследовании предполагает, что эта форма может сопровождаться как высоким, так и низким уровнем субъективного благополучия. Перфекционизм, ориентированный на себя, представляет внутренне мотивированную его форму и ассоциирован с целеустремленностью и мотивацией достижения [Виндекер, Иргашева, 2014], что способствует личностной автономии и успешности в деятельности. С другой стороны, чрезмерно высокие требования, предъявляемые к себе, могут приводить к неустойчивой самооценке и неадекватной самокритичности. Ряд исследователей сходится во мнении, что люди с высоким уровнем перфекционизма, в том числе и я-ориентированным (позитивная форма), склонны акцентировать внимание на негативных стимулах и при ин-

терпретации событий, связанных с достижениями и возможным несовершенством, давать отрицательную оценку и предполагать неблагоприятный исход [Howell, 2017].

2. Половые различия в соотношениях перфекционизма и субъективного благополучия.

Для исследования средней выраженности перфекционизма в зависимости от пола и уровня субъективного благополучия мы использовали двухфакторный дисперсионный анализ. Выделение групп по уровню субъективного благополучия осуществлялось на основе показателей трех опросников одновременно. В группы с высоким и низким уровнем благополучия вошли испытуемые, у которых по всем трем опросникам результаты совпадали (относительный уровень в каждом опроснике оценивался на основе медианы). Испытуемые с неоднозначными результатами из анализа исключались (85 человек). В итоге группу с высоким уровнем благополучия составили 74 респондента (53 женщины и 21 мужчина), а группу с низким уровнем – 79 респондентов (54 женщины и 25 мужчин). Мы анализировали результаты только по трехфакторному опроснику перфекционизма Н. Г. Гаранян и А. Б. Холмогоровой. Для всех переменных соблюдалось равенство дисперсий ошибок.

Мы также рассмотрели вариант дисперсионного анализа групп, в которых были исключены результаты испытуемых, получивших высокие баллы по шкале социального одобрения Марлоу. Однако из-за маленького объема некоторых групп (9 мужчин с высоким уровнем благополучия), высокой диспропорции по численности, а также выявленной значимости при проверке равенства дисперсий ошибок к полученным результатам следует относиться с осторожностью. Результаты дисперсионных анализов представлены в формате факторных схем на рисунке ниже.

Изолированное влияние фактора пола обнаружено не было, однако взаимодействие факторов пола и субъективного благополучия было значимым для всех трех аспектов перфекционизма. Значимость различий, за исключением шкалы высоких стандартов, сохранялась и при анализе групп, отобранных с учетом уровня социального одобрения. Основные различия по шкалам озабоченности оценками со стороны других и негативного селектирования в зависимости от уровня субъективного благополучия наблюдались в основном у женщин, тогда как у мужчин они были менее выражены или, возможно, отсутствовали вообще. Для шкалы высоких стандартов наблюдалась обратная ситуация. Таким образом, чем более выражен негативный перфекционизм у женщин, тем меньше их уровень субъективного благополучия. У мужчин же высокий уровень позитивного перфекционизма, вероятно, ассоциируется с большей выраженностью субъективного благополучия. Наблюдаемые различия, возможно, связаны с особенностями личностной мотивации и разным отношением к неудачам у мужчин и женщин.

Грачева И. И. Адаптация методики «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 6. С. 73–81.

Золотарева А. А. Перфекционизм в структуре саморегуляции личности // Психология и психотехника. 2012, № 3(42). С. 58–68.

Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 117–142.

Южакова И. О., Басалаева Н. В., Желонкина Ю. Н., Сластухина О. А., Виталева Я. В. Взаимосвязь показателей перфекционизма и психологического благополучия у студентов экономических специальностей // Российский экономический интернет-журнал. 2019. № 3. С. 91.

Hamachek D. E. Psychodynamics of normal and neurotic perfectionism // Psychology. 1978. No. 15. Pp. 27–33.

Hewitt P., Flett G., Mikail S. Perfectionism. A relational approach to conceptualization, assessment and treatment. New York: The Guilford Press, 2017. 336 p.

Hewitt P., Flett G., Turnbull-Donovan W., Mikail S. F. The Multidimensional Perfectionism Scale: Reliability, Validity, and Psychometric Properties in Psychiatric Samples // Psychological Assessment. 1991. Vol. 3(3). Pp. 464–468.

Howell J. A. *An Examination of Cognitive Biases and Imagery in Perfectionism*. Doctoral thesis, Curtin University [Online]. Perth, Western Australia. URL: <https://espace.curtin.edu.au/bitstream/handle/20.500.11937/54167/Howell%20Joel%202017%203%20years.pdf>.

Judge T. A., Erez A., Bono J. E., Thoresen C. J. Are Measures of Self-Esteem, Neuroticism, Locus of Control, and Generalized Self-Efficacy Indicators of a Common Core Construct? // Journal of Personality and Social Psychology. 2002. Vol. 83. Pp. 693–710.

Stoeber J., Otto K. Positive Conceptions of Perfectionism: Approaches, Evidence, Challenges // Personality and Social Psychology Review. 2006. Vol. 10, no. 4. Pp. 295–319.

References

Vindeker O. S., Irgasheva K. A. Issledovanie vzaimosvyazi perfekcionizma i motivacii dostizheniya (na primere studencheskoj vyborki). *Privolzhskij nauchnyj vestnik*, 2014, no. 5(33), pp. 151–156.

Garanyan N. G., Holmogorova A. B. Faktornaya struktura i psihometricheskie pokazateli oprosnika perfekcionizma. Razrabotka trekhfaktornoj versii. *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya* 2018, no. 26(3), pp. 8–32. (in Russ.)

Golubev A. M., Dorosheva E. A. Aprobaciya “Oksfordskogo oprosnika schast'ya” na rossijskoj vyborke. *Psihologicheskij zhurnal*, 2017, no. 38(3), pp. 112–122. (in Russ.)

Gracheva I. I. Adaptaciya metodiki "Mnogomernaya shkala perfekcionizma" P.H'yuita i G.Fletta. *Psihologicheskij zhurnal*, 2006, no. 27(6), pp. 73–81. (in Russ.)

Zolotareva A. A. Perfekcionizm v strukture samoregulyacii lichnosti. *Psihologiya i psihotekhnika*, 2012, no. 42(3), pp. 58–68. (in Russ.)

Osin E. N., Leont'ev D. A. Kratkie russkoyazychnye shkaly diagnostiki sub"ektivnogo blagopoluchiya: psihometricheskie harakteristiki i sravnitel'nyj analiz. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2020, no. 1, pp. 117–142. (in Russ.)

Yuzhakova I. O., Basalaeva N. V., Zhelonkina Yu. N., Slastihina O. A., Vitaleva Ya. V. Vzaimosvyaz pokazatelej perfekcionizma i psihologicheskogo blagopoluchiya u studentov ekonomicheskikh special'nostej. *Rossijskij ekonomicheskij internet-zhurnal*, 2019, no. 3, p. 91. (in Russ.)

Hamachek D. E. Psychodynamics of normal and neurotic perfectionism. *Psychology*, 1978, no. 15, pp. 27–33.

Hewitt P., Flett G., Mikail S. Perfectionism. A relational approach to conceptualization, assessment and treatment. New York: The Guilford Press, 2017. 336 p.

Hewitt P., Flett G., Turnbull-Donovan W., Mikail S. F. The Multidimensional Perfectionism Scale: Reliability, Validity, and Psychometric Properties in Psychiatric Samples. *Psychological Assessment*, 1991, vol. 3(3), pp. 464–468.

Howell J. A. *An Examination of Cognitive Biases and Imagery in Perfectionism*. Doctoral thesis, Curtin University [Online]. Perth, Western Australia. URL: <https://espace.curtin.edu.au/bitstream/handle/20.500.11937/54167/Howell%20Joel%202017%203%20years.pdf>.

Judge T. A., Erez A., Bono J. E., Thoresen C. J. Are Measures of Self-Esteem, Neuroticism, Locus of Control, and Generalized Self-Efficacy Indicators of a Common Core Construct? *Journal of Personality and Social Psychology*, 2002, vol. 83, pp. 693–710.

Stoeber J., Otto K. Positive Conceptions of Perfectionism: Approaches, Evidence, Challenges. *Personality and Social Psychology Review*, 2006, vol. 10, no. 4, pp. 295–319.

Информация об авторах

Голубев Андрей Михайлович, старший преподаватель кафедры психологии личности Института медицины и психологии им. Зельмана Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)
RSCI AuthorID 208105

Котова Мария Владимировна, студент Центра психологии Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Information about the Authors

Andrey M. Golubev, Senior Lecturer, Department of Personality Psychology,
Institute of Medicine and Psychology. Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)
RSCI AuthorID 208105

Maria V. Kotova, student of the Psychology Center, Novosibirsk State University
(Novosibirsk, Russia)

*Статья поступила в редакцию 24.03.2022;
одобрена после рецензирования 27.04.2022; принята к публикации 30.04.2022
The article was submitted 24.03.2022; approved after reviewing 27.04.2022;
accepted for publication 30.04.2022*

Мотивация к психотерапии и ее связь с типом привязанности и спецификой ценностно-мотивационной сферы

**Марина Юрьевна Сараева¹, Юлия Викторовна Сарычева²
Ирина Владимировна Пономаренко³, Ирина Викторовна Лазюк⁴
Ирина Александровна Матвеева⁵**

Новосибирский государственный медицинский университет
Новосибирск, Россия

¹markowvka@gmail.com

²julia_sar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4325-3935>

³i.v_ponomarenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4473-4519>

⁴iren8002@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9512-9816>

⁵irina_kurus@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3520-0446>

Аннотация

В настоящей статье рассматривается проблема малого количества обращений за психотерапевтической помощью при существовании потребности в ней. Параметры ценностно-мотивационной сферы индивида и характеристика привязанности могут выступать в качестве факторов, влияющих на улучшение этого показателя. Был исследован 41 испытуемый юношеского и молодого возраста, из них 20 человек имели опыт обращения за психотерапевтической помощью, 21 – не имел. Из общей выборки 28 человек отметили у себя желание или потребность обратиться за такой помощью. В результате проведенного исследования была выявлена специфика ценностно-мотивационной сферы в группах людей, обращающихся и не обращающихся за психотерапевтической помощью, и обнаружена взаимосвязь между фактором обращения за психотерапевтической помощью и потребностью в ней с параметрами привязанности и ценностными ориентациями.

Ключевые слова

мотивация к психотерапии, тип привязанности, ценностно-мотивационная сфера, мотивация достижения успеха, мотивация избегания неудач

Для цитирования

Сараева М. Ю., Сарычева Ю. В., Пономаренко И. В., Лазюк И. В., Матвеева И. А. Мотивация к психотерапии и ее связь с типом привязанности и спецификой ценностно-мотивационной сферы // Reflexio. 2022. Т. 15, № 1. С. 38–47. DOI 10.25205/2658-4506-2022-15-1-38-47

Motivation to Participate in Psychotherapy and Its Connection with the Type of Attachment and Specificity of the Value and Motivational Sphere

Marina Yu. Saraeva¹, Yulia V. Sarycheva², Irina V. Ponomarenko³,
Irina V. Lazyuk⁴, Irina A. Matveeva⁵

Novosibirsk State Medical University
Novosibirsk, Russian Federation

¹markowvka@gmail.com

²julia_sar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4325-3935>

³i.v_ponomarenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4473-4519>

⁴iren8002@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9512-9816>

⁵irina_kurus@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3520-0446>

Abstract

This article discusses the problem of low demand for psychotherapeutic consulting despite the need of it. The parameters of the value-motivational sphere of an individual and the characteristics of attachment can be the factor influencing the increase in number of people seeking for psychological aid. The study involved 41 participants: 20 of them had the experience of obtaining such aid and 21 did not. Among 41 respondents, 28 showed a desire or need to get psychological aid. As a result, in a group of people who received and did not seek for psychotherapeutic consulting, a specificity of the value and motivational sphere was identified and a connection between the factors of seeking for psychological aid and in it was detected.

Keywords

motivation to psychotherapy, type of attachment, value-motivational sphere, motivation to achieve success, motivation to avoid failures

For citation

Saraeva M. Yu., Sarycheva Yu. V., Ponomarenko I. V., Lazyuk I. V., Matveeva I. A. Motivation to Participate in Psychotherapy and Its Connection with the Type of Attachment and Specificity of the Value and Motivational Sphere. *Reflexio*, 2022, vol. 156, no. 1, pp. 38–47. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2022-15-1-38-47

Введение

Актуальность исследования данной темы обусловлена тем, что крайне важно увеличивать количество обращений людей за психотерапевтической помощью в ситуациях, когда она необходима. В течение последних лет данный вид терапевтического воздействия стал доступнее для населения. Развитие новых информационных технологий позволяет оказывать психотерапевтическое воздействие даже дистанционно, а развитие самой психологической науки повысило качество подготовки новых специалистов в этой области и эффективность их работы.

Информирование населения о возможности получить такого рода помощь в перспективе улучшит качество жизни тех, кто нуждается в психологической помощи, но не обращается за ней по тем или иным причинам.

Также нам представляется важным сформировать представление о мотивационных характеристиках современных пациентов, обращающихся за по-

мощью психотерапевтов. Описание специфики этой группы людей в дальнейшем можно использовать для повышения качества психотерапевтических услуг. Существуют исследования, отмечающие значимое влияние мотивационных характеристик на эффективность психотерапии [Карвасарский, 2006; Шустов, 2019], на вероятность обращения за помощью [Бронфман, Агаркова, 2015]. Мотивация является важной составляющей в психотерапевтических подходах экзистенциально-гуманистической направленности.

Наше предположение заключается в том, что наиболее высокий уровень мотивации к психотерапии более характерен для людей, обращающихся за психотерапевтической помощью и имеющих надежные характеристики привязанности и ценности, связанные со сферой отношений.

Цель данного исследования – выявить наличие определить особенности взаимосвязи между мотивацией к психотерапии и параметрами личностной мотивации, типами привязанности и ценностными ориентациями.

Материалы и методы исследования

В данном исследовании выборку составил 41 испытуемый юношеского и молодого возраста: 31 женщина и 9 мужчин. Средний возраст в выборке составляет $20,78 \pm 3,04$ лет. В этом возрасте люди обладают относительно сформированной мотивационной системой, которая еще способна видоизменяться под влиянием внешних факторов, что очень важно для данного исследования. Результаты исследования с большей эффективностью можно будет использовать при работе с данной возрастной категорией. Основную группу составили лица, имеющие опыт психотерапии (20 человек – 15 женщин и 5 мужчин, средний возраст – $20,65 \pm 3,82$). В группу сравнения вошли лица, не имеющие опыта психотерапии (21 человек – 17 женщин и 4 мужчин, средний возраст – $20,90 \pm 2,14$). Исследование проводилось с октября по ноябрь 2021 года.

Для получения необходимых данных и характеристики мотивации к психотерапии был составлен авторский опросник. Для исследования характеристик мотивации была использована методика «Опыт близких отношений» К. Бреннан и Р. К. Фрейли в адаптации К. В. Казанцевой. Изучение ценностно-мотивационной сферы производилось с помощью методик «Диагностика мотивации достижения» А. Мехрабиан (адаптация М. Ш. Магомед-Эминова) и «Ценностные ориентации» М. Рокича (адаптация А. Гоштауса, М. А. Семенова, В. А. Ядова). Статистическая обработка проводилась с использованием непараметрической статистики (U-критерий Манна – Уитни, гамма-корреляция и критерий Фишера) и статистического пакета (STATISTICA 10.0). Уровень критической значимости различий $p = 0,05$.

Результаты и обсуждение

На основании авторского опросника, исследующего факторы, были выделены две группы обращающихся и не обращающихся за психотерапевтической помощью.

Большинство респондентов (28 человек, 68,29 %) отмечают потребность или желание обратиться за психотерапевтической помощью, однако только половина (48 %) хотя бы раз в жизни пользовалась услугами психотерапевта. Полученные данные свидетельствуют о том, что потребность в психотерапии отмечается у большего количества людей, чем способны обратиться за ней по различным причинам. Из 21 человека, который не ходил на психотерапию, потребность отмечается у 11 (52,38 %), ее отсутствие отметили 10 человек (47,62 %). Наиболее часто в качестве причины не обращения за психотерапевтической помощью среди тех, кто не ходил на психотерапию, но чувствует потребность и желание, называли финансовый фактор (9 человек из 11, 81,82 %). Вторая по распространенности причина – «тяжело решиться» (8 человек, 72,73 %).

Среди 20 человек, которые ходили на психотерапию, в качестве причин, мешающих обратиться за помощью, 10 испытуемых (50 %) назвали финансовые причины, также половина испытуемых обозначила отсутствие и сложность при поиске хороших специалистов. Отсутствие времени отметили 3 испытуемых (15 %), 5 испытуемых (25 %) указали на трудности при принятии решения обратиться за помощью.

Структура факторов, препятствующих или осложняющих обращение за психотерапевтической помощью, во всей выборке характеризуется следующим образом: наиболее распространены финансовые причины (на них указали 19 человек, 46,35 %) и отсутствие хороших специалистов (отметили 15 респондентов, 36,59 %), реже респонденты ссылались на отсутствие времени (6 человек, 14,63 %).

Причины желания/потребности обратиться за психотерапевтической помощью характеризуется следующим: наиболее распространены чувство страха и тревоги, которое отметили 16 респондентов (39,02 %); второй по частоте причиной стала потеря смысла жизни (15 респондентов, 36,59 %); реже упоминаются отношения с людьми (13 респондентов, 31,71 %), сложное травматичное событие и переживание острого стресса (11 респондентов, 26,83 %), трудности с самооценкой выделили 8 респондентов (19,51 %). Зависимости как причина обращения за психологической помощью в данной выборке практически не представлены (2,44 %). Причины завершения психотерапии следующие: чаще всего респонденты негативно оценивали специалистов, с которыми они работали (30,43 %), 6 опрошенных (26,09 %) прервали психотерапию по финансовым причинам, из-за временных затруднений или из-за отсутствия желаемого эффекта от психотерапии. И только 4 респондента (17,39 %) завершили психотерапию потому, что достигли целей обращения за помощью.

В выборке преобладает средний уровень мотивации достижения, отсутствует доминирование одного из двух мотивов. Существенных различий в характеристиках у двух выделяемых для исследования групп не выявлено. Также не выявлено значимых различий при определении типа ведущего типа привязанности.

Установлено, что в группе лиц, обращающихся за психотерапевтической помощью, наиболее приоритетные ценности это: материально обеспеченная жизнь (14 человек; 70 %), познание (9 человек; 45 %), свобода (15 человек; 75 %), рациональность (14 человек; 70 %), широта взглядов (11 человек; 55 %). Отвергаемыми, незначительными ценностями в данной группе были названы: аккуратность (13 человек, 65 %), высокие запросы (13 человек; 65 %), нетерпимость к своим и чужим недостаткам (14 человек; 70 %).

В группе лиц, не обращающихся за психотерапевтической помощью, в приоритете оказались следующие ценности: здоровье (14 человек; 66,67 %), образованность (13 человек; 61,9 %). Отмечаемое высокое значение ценности здоровья в выборке может быть связано с тем, что часть людей отмечают у себя потребность в обращении за психотерапевтической помощью, но не имеют возможности ее получить.

Отвергаемыми, незначительными ценностями в данной группе были названы: счастье других (17 человек; 80,95 %), высокие запросы к жизни (15 человек; 71,43 %), нетерпимость к своим и чужим недостаткам (19 человек; 90,48 %).

При проведении статистической обработки с помощью непараметрического гамма-критерия была установлена прямая взаимосвязь между обращением за психотерапевтической и ценностью терпимости ($r = 0,39$ при $p \leq 0,05$), ценностью творчества ($r = 0,44$ при $p \leq 0,05$), ценностью познания и ценностью счастья других людей ($r = 0,35$ при $p \leq 0,05$). Выявлена обратная взаимосвязь между фактом обращения за психотерапевтической помощью и ценностью здоровья ($r = -0,34$ при $p \leq 0,05$), ценностью жизнерадостности ($r = -0,34$ при $p \leq 0,05$), ценностями воспитанности ($r = -0,42$ при $p \leq 0,05$) и аккуратности ($r = 0,35$ при $p \leq 0,05$), ценностью любви ($r = 0,35$ при $p \leq 0,05$). Все взаимосвязи характеризуются заметным уровнем тесноты корреляционных связей.

В ходе анализа была выявлена прямая взаимосвязь между ценностью активной деятельной жизни и обращением к психотерапевту ($r = 0,59$ при $p \leq 0,05$) и между отмечаемой потребностью в психотерапии ($r = 0,36$ при $p \leq 0,05$). Также установлена взаимосвязь между обращением за психотерапевтической помощью и потребностью в ней ($r = 0,67$ при $p \leq 0,05$), что характеризует умеренную тесноту корреляционной связи и является ожидаемой взаимосвязью.

При углубленном анализе мотивации к психотерапии был выделен ряд дополнительных групп. При сравнении группы людей, которые отмечают у себя потребность в психотерапии, и тех, у кого ее нет, по параметрам тревожности

($r = 0,001$ при $p \leq 0,05$), избегания ($r = 0,0004$ при $p \leq 0,05$) и мотивации достижения ($r = 0,002$ при $p \leq 0,05$) определены существенные различия. Выявлена значительная разница между показателями привязанности в группах людей, которые отмечают у себя потребность в психотерапии, и тех, кто в ней не нуждается, определены существенные различия по параметрам тревожности и избегания. Людям, чувствующим потребность в данном виде помощи, свойственны более надежные характеристики параметров привязанности.

Мы выявили прямую взаимосвязь между потребностью в психотерапии и ценностью удовольствия ($r = 0,46$ при $p \leq 0,05$), ценностью познания ($r = 0,42$ при $p \leq 0,05$), ценностью творчества ($r = 0,50$ при $p \leq 0,05$) и терпения ($r = 0,36$ при $p \leq 0,05$), ценностью рационализма ($r = 0,37$ при $p \leq 0,05$) и ценность материально обеспеченной жизни ($r = 0,37$ при $p \leq 0,05$), ценностью широты взглядов ($r = 0,43$ при $p \leq 0,05$).

Выявлена обратная взаимосвязь между потребностью в психотерапии и ценностью счастья других ($r = -0,36$ при $p \leq 0,05$), ценностью здоровья ($r = -0,59$ при $p \leq 0,05$) и ценностью любви ($r = -0,43$ при $p \leq 0,05$). Эти данные соотносятся с аналогичными результатами для фактора обращения за психотерапевтической помощью и, предположительно, могут быть объяснены аналогичными причинами.

Полученные данные свидетельствуют о существовании особенностей ценностно-мотивационной сферы в выделяемых в ходе исследования группах и прямой взаимосвязи между параметрами привязанности и фактором потребности в психотерапии.

Выводы

1. Установлено, что у 68,29 % испытуемых выявлена потребность в психотерапии, при этом реально обращаются за помощью лишь 48 %. Наиболее распространенным фактором, препятствующим обращению за психотерапевтической помощью, стали финансовые затруднения и сложность найти хорошего специалиста в этой области. Среди лиц, не имеющих опыта психотерапии, распространенным фактором, препятствующим обращению, стали трудности при принятии решения об обращении за помощью. Наиболее распространенной причиной обращения к психотерапевту является переживание тревоги и страха. Негативная оценка специалиста – самая распространенная причина завершения психотерапии.

2. Установлено, что обращение за психотерапевтической помощью прямо пропорционально связано с ценностями терпимости, творчества, познания и счастья других людей и обратно пропорционально связано с ценностью здоровья, жизнерадостности, воспитанности, аккуратности и любви. Выявлено, что потребность в психотерапии прямо пропорционально связана с ценностью активной деятельной жизни, удовольствия, познания, творчества и терпения, рационализма и материально обеспеченной жизни, широты взглядов

При сравнении по параметрам тревожности и избегания группы людей, которые отмечают у себя потребность в психотерапии, и тех, у кого ее нет, в мотивации достижения были определены существенные различия.

Выявлена обратная взаимосвязь между потребностью в психотерапии и параметрами привязанности (тревожностью и избеганием). Она свидетельствует о более надежных параметрах привязанности у лиц, обращающихся за психотерапией.

3. Установлено, что в группе лиц, не обратившихся к психотерапевту, значительно выше параметры боязливой привязанности (сочетание тревожности и избегания в межличностных отношениях). В группах обратившихся и не обратившихся за психотерапией преобладает средний уровень мотивации достижения, различий не выявлено. У лиц, прибегающих к помощи психотерапии, выше ценность активной деятельности, творчества, терпимости к мнению других людей, умению прощать их ошибки и заблуждения. Лица, не обращающиеся за помощью, выше ценят аккуратность и воспитанность.

Список литературы

Агарков В. А., Бронфман С. А., Голованова Д. И. Представления об эффективности психотерапии у клиентов центров психологической помощи и пациентов отделения пограничных психических расстройств // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. 2019. № 3. С. 79–86.

Агарков В. А., Бронфман С. А., Безденежных Б. Н., Черненко А. М. Влияние факторов социального окружения на представления пациентов об эффективности психотерапевтической помощи // Вестник новых медицинских технологий. 2015. № 4. С. 36.

Агарков В. А., Бронфман С. А., Божко С. А., Шерина Т. Ф., Гуртовенко И. Ю. Влияние социально-психологических факторов и особенностей культуры на ожидания российских пациентов от психотерапии // Вестник новых медицинских технологий. 2014. № 1. С. 204.

Бура Л. В., Везетиу В. В. Проблема структуры мотивационной сферы личности // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 65-1. С. 325–328.

Дубинина А. С. Роль эмоциональной привязанности к матери в психологическом развитии ребенка // Universum: психология и образование. 2019. № 4(58). С. 1–1.

Зиновьева Д. М. Межпоколенческая передача «Надежной привязанности» как ресурс психологического благополучия // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2017. № 4. С. 361–366.

Павлова О. С., Шапатулина О. В. Роль Психологического аспекта в формировании комплаентности у пациентов // Universum: психология и образование. 2020. № 11(77). С. 17–19.

Diamond D., Frank Y. The patient therapist relationship: implications of attachment theory, reflective functioning and research // *Sante mentale au Quebec*. 2008. Vol. 33, no. 1. Pp. 61–87.

Liddell B. J., Bronte S. C. Attachment buffers the physiological impact of social exclusion // *PloS one*. 2018. Vol. 13. No. 9. Pp. 130–140.

Malerstein A. J. Comparison of Attachment theory and Cognitive-Motivational Structure theory // *American journal of psychotherapy*. 2016. Vol. 59. No. 4. Pp. 307–317.

Talia A. et al. Advances in research on attachment-related psychotherapy processes: seven teaching points for trainees and supervisors // *Research in psychotherapy*. 2019. Vol. 22. no. 319. Pp. 405.

References

Agarkov V. A., Bronfman S. A., Golovanova D. I. Expectations towards effectiveness of psychotherapy among the clients of counselling centers and patients of a psychiatric ward. *Journal of New Medical Technologies*, 2019, no. 3, pp. 79–86.

Agarkov V. A., Bronfman S. A., Bezdenzhnyh B. N., Chernenko A. M. The influence of social environment on patient concept on psychotherapeutic intervention efficacy. *Bulletin of new medical technologies*, 2015, no. 4, p. 36.

Agarkov V. A., Bronfman S. A., Bozhko S. A., Sherina T. F., Gyrtovenko I. J. The influence of socio-psychological and cultural factors on the expectations of russian patients from the psychotherapy. *Bulletin of new medical technologies*, 2014, no. 1, p. 204.

Bura L. V., Vezetiu V. V. The problem of the structure of the personal motivation sphere. *Problems of modern teacher education*, 2019, no. 65(1), pp. 325–328.

Dubinina A. S. The role of emotional attachment to the mother in the psychological development of the child. *Universum: psychology and education*. 2019, no. 4(58), pp. 1–1.

Zinovyeva D. M. Intergenerational transmission of «Reliable Attachment» as a resource of psychological Well-Being. *Developmental Psychology, ser. Educational Acmeology*, 2015, 2017, no. 4, pp. 361–366.

Pavlova O. C., Shapatina O. V. The role of the psychological aspect in the formation of compliance in patients. *Universum: psychology and education*, 2020, no. 11(77), pp. 17–19.

Diamond D., Frank Y. The patient therapist relationship: implications of attachment theory, reflective functioning and research. *Sante mentale au Quebec*, 2008, vol. 33, no. 1, pp. 61–87.

Liddell B. J., Bronte S. C. Attachment buffers the physiological impact of social exclusion. *PloS one*, 2018, vol. 13, no. 9, pp. 130–140.

Malerstein A. J. Comparison of Attachment theory and Cognitive-Motivational Structure theory. *American journal of psychotherapy*, 2016, vol. 59, no. 4, pp. 307–317.

Talia A. et al. Advances in research on attachment-related psychotherapy processes: seven teaching points for trainees and supervisors. Research in psychotherapy, 2019, vol. 22, no. 319, pp. 405.

Информация об авторах

Сараева Марина Юрьевна, студентка факультета социальной работы и клинической психологии Новосибирского государственного медицинского университета (Новосибирск, Россия)

Сарычева Юлия Викторовна, кандидат медицинских наук, доцент кафедры психиатрии, наркологии, психотерапии и клинической психологии Новосибирского государственного медицинского университета (Новосибирск, Россия)

Author ID 430151

Пономаренко Ирина Владимировна, старший преподаватель кафедры психиатрии, наркологии, психотерапии и клинической психологии Новосибирского государственного медицинского университета (Новосибирск, Россия)

Author ID 1126312

Лазюк Ирина Викторовна, старший преподаватель кафедры психиатрии, наркологии, психотерапии и клинической психологии Новосибирского государственного медицинского университета (Новосибирск, Россия)

Author ID 1073103

Матвеева Ирина Александровна, старший преподаватель кафедры психиатрии, наркологии, психотерапии и клинической психологии Новосибирского государственного медицинского университета (Новосибирск, Россия)

Information about the Authors

Marina Yu. Saraeva, student of the specialty “Clinical Psychology” of the Novosibirsk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Novosibirsk, Russia)

Yulia V. Sarycheva, Candidate of Medical Sciences, Associate Professor of the Department of Psychiatry, Narcology, Psychotherapy and Clinical Psychology, Novosibirsk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Novosibirsk, Russia)

Author ID 430151

Irina V. Ponomarenko, Senior Lecturer of the Department of Psychiatry, Narcology, Psychotherapy and Clinical Psychology of the Novosibirsk State Medical

University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Novosibirsk, Russia)

Author ID 1126312

Irina V. Lazyuk, Senior Lecturer of the Department of Psychiatry, Narcology, Psychotherapy and Clinical Psychology of the Novosibirsk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Novosibirsk, Russia)

Author ID 1073103

Irina A. Matveeva, Senior Lecturer of the Department of Psychiatry, Narcology, Psychotherapy and Clinical Psychology of the Novosibirsk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Novosibirsk, Russia)

Author ID 847148

*Статья поступила в редакцию 02.09.2022;
одобрена после рецензирования 18.09.2022; принята к публикации 22.09.2022
The article was submitted 02.09.2022; approved after reviewing 18.09.2022;
accepted for publication 22.09.2022*

Научная статья

УДК 159.9

DOI 10.25205/2658-4506-2022-15-1-48-65

Взаимосвязь интолерантности к неопределенности, тревоги и расстройств пищевого поведения

**Люцина Ильинична Пинаева¹,
Марина Владимировна Злобина²**

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹lyutsina.pinayeva@mail.ru

²m.zlobina@g.nsu.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема взаимосвязи интолерантности к неопределенности, тревоги и расстройств пищевого поведения. Последние тесно связаны с тревогой и тревожными расстройствами. В свою очередь, существуют данные о том, что интолерантность к неопределенности служит основой для возникновения тревожных расстройств и тревоги. Это дает основание предположить, что взаимосвязь между тревогой и расстройствами пищевого поведения обусловлена интолерантностью к неопределенности. На первом этапе было обследовано 94 девушки, на втором этапе – 325 девушек. В результате проведенного исследования была подтверждена связь тревоги с интолерантностью к неопределенности и склонностью к расстройствам пищевого поведения. Это выражалось в виде тенденции негативно реагировать на эмоциональном, когнитивном и поведенческом уровне на неопределенные ситуации и события, а также в форме межличностной интолерантности к неопределенности как стремления к ясности и контролю в межличностных отношениях.

Ключевые слова

расстройства пищевого поведения, интолерантность к неопределенности, тревога, тревожность

Для цитирования

Пинаева Л. И., Злобина М. В. Взаимосвязь интолерантности к неопределенности, тревоги и расстройств пищевого поведения // Reflexio. 2022. Т. 15, № 1. С. 48–65. DOI 10.25205/2658-4506-2022-15-1-48-65

© Пинаева Л. И., Злобина М. В., 2022

Relationships between Intolerance of Uncertainty, Anxiety and Eating Disorders

Lucina I. Pinaeva¹, Marina V. Zlobina²

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹lyutsina.pinayeva@mail.ru

²m.zlobina@g.nsu.ru

Abstract

The article is devoted to the problem of relationships between intolerance of uncertainty, anxiety and eating disorders. Eating disorders, anxiety and anxiety disorders are highly comorbid. At the same time, intolerance of uncertainty is considered a transdiagnostic factor for anxiety disorders. It can be assumed that the relationships between eating disorders and anxiety could be mediated by intolerance of uncertainty. Two phases of a study has been conducted. In the first phase we surveyed 94 women, in the second phase—325 women. The connection between anxiety, intolerance of uncertainty and eating disorders was confirmed. Eating disorders correlate with intolerance of uncertainty as a tendency to react negatively on an emotional, cognitive and behavioral level to uncertain situations and events, and also interpersonal intolerance of uncertainty as a desire for clarity and control in interpersonal relationships.

Keywords

eating disorders, intolerance of uncertainty, anxiety, anxiety disorder

For citation

Pinaeva L. I., Zlobina M. V. Relationship between the Intolerance of Uncertainty, Anxiety and Eating Disorders. *Reflexio*, 2022, vol. 15, no. 1, pp. 48–65. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2022-15-1-48-65

Введение

Проблема неопределенности не нова для психологической науки. Существуют исследования, демонстрирующие влияние негативного отношения к неопределенности (интолерантность к неопределенности) сразу на несколько аспектов жизни человека, а именно: принятие решений, поведение, выстраивание межличностных отношений, эмоциональное состояние, способность воспринимать окружающий мир. Ряд исследований свидетельствует о тесной взаимосвязи интолерантности к неопределенности и психических расстройств. В их числе и расстройства пищевого поведения.

Под пищевым поведением понимается ценностное отношение к пище и ее приему, стереотип питания в обыденных условиях и в ситуации стресса, ориентация на образ собственного тела и деятельность по его формированию [Малкина-Пых, 2007]. Расстройства пищевого поведения (РПП) – это класс психогенно обусловленных поведенческих синдромов, связанных с нарушениями в приеме пищи. К расстройствам приема пищи относят нервную анорексию, нервную булимию, психогенное переедание и др. [Малкина-Пых, 2007; Менделевич, 2007; Douma et al., 2021; Valente et al., 2020]

Расстройства пищевого поведения тесно связаны с тревогой и тревожными расстройствами. Существуют данные [Konstantellou et al., 2011; Kesby

et al., 2019], свидетельствующие о высокой коморбидности расстройств пищевого поведения и тревожных расстройств. С другой стороны, в зарубежных исследованиях активно развивается подход, который рассматривает в качестве ключевого фактора для возникновения и развития тревоги и тревожных расстройств интолерантность к неопределенности (ИТН). Если ИТН является основой для возникновения и развития тревоги, то взаимосвязь расстройств пищевого поведения и тревоги также может быть обусловлена ее влиянием. Если это действительно так, то психотерапевтическая работа с пациентами с РПП может быть направлена на повышение их устойчивости к ситуациям неопределенности. Установление этой взаимосвязи позволит выявить психотерапевтические мишени при работе с пациентами данной группы, а также группы риска.

В отечественной психологии отсутствуют исследования, посвященные взаимосвязи интолерантности к неопределенности, расстройств пищевого поведения и тревоги. Исходя из этого, целью данной статьи стала проверка обусловленности взаимосвязи склонности к расстройствам пищевого поведения и тревожности интолерантностью к неопределенности.

Интолерантность к неопределенности, тревога, тревожные расстройства и расстройства пищевого поведения

В зарубежной психологии конструкт интолерантности к неопределенности описывается термином *intolerance uncertainty*. Одно из первых определений интолерантности к неопределенности в зарубежной психологии было дано М. Л. Дагасом и коллегами [Dugas et al., 1998]. Под интолерантностью к неопределенности они понимают «способ, которым индивиды воспринимают информацию в неопределенных или двусмысленных ситуациях и отвечают на эту информацию набором когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакций» [Ibid.]. Н. Карлтон [Carleton, 2016], анализируя эволюцию конструкта, приходит к выводу, что ИТН – это диспозициональная характеристика, возникающая из-за негативных убеждений относительно неопределенности и ее последствий [Dugas, Robichaud, 2007]. Ее суть заключается в страхе перед неизвестным [Carleton, 2012], в котором возможность наступления негативного события считается угрожающей независимо от вероятности его возникновения [Carleton et al., 2007]. В отечественной психологии конструкт интолерантности к неопределенности представлен в работах Т. В. Корниловой [Корнилова, 2003; Корнилова, Чумакова, 2014].

Большое количество зарубежных исследований свидетельствует о том, что интолерантность к неопределенности является центральным компонентом тревожного состояния, а неспособность переносить неизвестность – сильнейший фактор уязвимости, связанный с рядом психических расстройств (см., например, [Carleton, 2016; Konstantellou, Reynolds, 2010; Kesby et al., 2019; Renjan et al., 2016; Sternheim et al., 2011]).

Центральным и основополагающим компонентом неопределенности, по Н. Карлтону, является страх неизвестности. Также считается, что это самый сильный, врожденный вид страха. Карлтон утверждает, что он может выступать в роли основного компонента тревоги и быть фундаментальным компонентом всех тревожных расстройств. Предполагается, что интолерантность к неопределенности (ИТН) проявляется в неспособности индивида переносить состояние, вызванное отсутствием информации, что поддерживает состояние неопределенности. Так, в конструкте ИТН различают *триггерный стимул* (неизвестное), *ответную реакцию* (страх перед неизвестным) и *неспособность переносить негативное воздействие неизвестного*. Карлтон утверждает, что уменьшить негативные последствия неопределенности возможно благодаря контролю. Контроль создает уверенность в том, что имеющиеся у человека ресурсы позволят избежать негативного события и его последствий. Соответственно, попытки расширить контроль являются реакцией преодоления страха перед неизвестностью [Carleton, 2016].

Неопределенные ситуации рассматриваются интолерантным к неопределенности человеком как непременно угрожающие его жизни, а отсутствие контроля над неопределенными ситуациями порождает страх и беспокойство [Carleton, 2012]. С повышением уровня неопределенности преодолевать ее и управлять ей становится все труднее, что приводит к повышенной бдительности в отношении сигналов угрозы. Таким образом, интолерантность к неопределенности становится центральным компонентом тревожного состояния, а неспособность переносить неизвестность является сильным фактором уязвимости, который связан с возникновением и развитием ряда психических расстройств, в том числе расстройств пищевого поведения [Konstantellou, Reynolds, 2010; Kesby et al., 2019; Renjan et al., 2016; Sternheim et al., 2011].

Несмотря на то, что в отечественной психологии отсутствуют исследования, посвященные взаимосвязи интолерантности к неопределенности и расстройств пищевого поведения, ряд зарубежных данных свидетельствует о тесной взаимосвязи этих конструктов. Так, в исследовании В. Ренджан и коллег [Renjan et al., 2016] было показано, что интолерантность к неопределенности не только непосредственно связана с расстройствами пищевого поведения, но и может увеличивать чувствительность к тревоге. Поскольку лица, интолерантные к неопределенности, часто воспринимают ее как стресс и угрозу, они нередко прибегают к ряду дезадаптивных стратегий поведения, таких как беспокойство, навязчивые сомнения и избегание. Эти стратегии дают чувство контроля и уверенности в избежании негативных последствий неопределенных ситуаций. Желание контролировать большую часть своей жизни часто сопровождается расстройствами пищевого поведения. Такое стремление к контролю проявляется в жестких правилах в отношении еды, веса и физической формы. Благодаря соблюдению ограничений человек снижает уровень тревоги. Как указывают Ренджан и коллеги, тревожные расстройства и расстройства пищевого поведения являются высоко коморбидными; кроме того, тревожные

расстройства могут предшествовать расстройствам пищевого поведения у людей с проблемным отношением к еде, особенно у девушек. Авторы выделяют несколько основных характеристик РПП: переоценка своего питания, веса, физической формы, а также чрезмерный контроль за этими показателями.

В исследовании А. Константеллу и М. Рейнольдса [Konstantellou, Reynolds, 2010] рассматривалась связь интолерантности к неопределенности и генерализованного тревожного расстройства (ГТР) как наиболее распространенного тревожного расстройства. В их исследовании уровень беспокойства как основной параметр ГТР у лиц с РПП был повышен по сравнению с представителями здоровой контрольной группы. В другом исследовании А. Константеллу показала, что интолерантность к неопределенности связана не только с генерализованным тревожным, обсессивно-компульсивным и социальным тревожным расстройствами, но и с чрезмерным беспокойством [Konstantellou et al., 2011].

Связь между интолерантностью к неопределенности, РПП и ГТР также была продемонстрирована в исследовании Л. Штернхайма, Х. Стартап и У. Шмидт. Авторы установили, что основным источником неопределенности был страх негативной оценки со стороны окружающих, влекущий за собой чувство несовершенства. Чувство тревоги и потери контроля у пациентов с нервной анорексией приводило к сильному желанию увеличить контроль еще больше, что проявлялось в чрезмерной организации и планировании [Sternheim et al., 2011].

Результаты, полученные в исследовании Дж. Кесби и коллег [Kesby et al., 2019], подтверждают выдвинутую ранее идею о том, что ИНТ является трансдиагностической переменной, влияющей на развитие ряда психологических расстройств. Особенно тесно интолерантность к неопределенности связана с тревожным расстройством. По данным Дж. Кесби и коллег, примерно две трети пациентов с нервной анорексией соответствуют диагностическим критериям тревожного расстройства, при этом наличие сопутствующих тревожных симптомов повышает вероятность того, что лечение будет неэффективным. Дж. Кесби и соавторы полагают, что причиной переедания является снижение уровня контроля у интолерантных к неопределенности пациентов с РПП. Люди слишком концентрируются на еде, собственном весе, форме, соблюдая для этого жесткие диеты в попытке обрести уверенность в жизни. С течением времени жесткие правила в питании могут быть нарушены в силу естественных физиологических процессов и потребностей организма. «Срывы» (эпизоды неконтролируемого переедания) и следующее за ними чувство вины, неуверенности и беспокойства по поводу возможного увеличения веса приводят к еще более строгим ограничениям в питании, чем до эпизода переедания.

Таким образом, существующие данные свидетельствуют в пользу нашего предположения о том, что интолерантность к неопределенности, тревога и расстройства пищевого поведения представляют собой тесно связан-

ные конструкты. Центральным компонентом неопределенности является неизвестность. Страх неизвестности, лежащий в основе интолерантности к неопределенности, – базовый человеческий страх. В попытках уменьшить беспокойство и снизить неопределенность человек прибегает к ряду дезадаптивных стратегий, в числе которых чрезмерный контроль отдельных сфер своей жизни (в том числе сферы пищевого поведения). Контролируя свой вес, питание, фигуру человек, с одной стороны, достигает временного ощущения определенности по крайней мере в отдельных областях своей жизни. С другой стороны, чрезмерный контроль данных аспектов (в совокупности с рядом других факторов) приводит к возникновению и развитию расстройств пищевого поведения. Нарушение установленных правил питания (поскольку соблюдение чрезмерно жестких диет и ограничений в питании зачастую оказывается невозможным) приводит к еще большему увеличению тревоги, чувству потери контроля и, как следствие, дальнейшему наращиванию контроля и развития нарушений и пищевом поведении. Исходя из этого, мы предположили, что одним из значимых факторов возникновения и развития расстройств пищевого поведения может служить интолерантность к неопределенности. Для проверки данного предположения нами было проведено исследование, в ходе которого мы изучили взаимосвязь ИТН, тревоги, тревожности и склонности к РПП. Исследование проводилось в два этапа.

Первый этап исследования

Процедура

Опросники предъявлялись в онлайн-формате с использованием сервиса Google Forms. Для математико-статистической обработки данных использовался статистический пакет IBM SPSS Statistics 26.

Выборка

На первом этапе в исследовании приняли участие 94 девушки в возрасте от 17 до 36 лет ($M = 21,7$, $Sd = 27,2$). Из 94 человек у 27 есть высшее образование, у 67 человек неоконченное высшее образование: 51 студентка из новосибирских вузов и 16 студенток из других вузов России.

Методики

1. Новый опросник толерантности к неопределенности Т. В. Корниловой (НТН) [Корнилова, Чумакова, 2014].

Опросник представляет собой русскоязычную методику, предназначенную для измерения толерантности к неопределенности, интолерантности к неопределенности и межличностной интолерантности к неопределенности. Методика разработана в 2009 году Т. В. Корниловой. Опросник включа-

ет 33 пункта. Испытуемому предлагается выразить степень своего согласия/несогласия с каждым пунктом в соответствии с 7-балльной шкалой Лайкерта от «полностью не согласен» до «полностью согласен».

2. Интегративный тест тревожности (ИТТ), личностная форма.

Методика разработана 2005 году А. П. Бизюком, Л. И. Вассерманом и Б. В. Иовлевым на базе института им. Бехтерева [Бизюк и др., 2005]. Опросник включает две шкалы: личностной и ситуативной тревожности, каждая шкала содержит 15 утверждений. Испытуемому предлагается оценить степень выраженности своего состояния по каждому из утверждений по шкале от 0 до 3, где 0 – отсутствие данного состояния, 3 – чрезвычайная степень выраженности состояния.

3. Тест отношения к приему пищи (Eating Attitudes Test, EAT-26).

Методика разработана в 1979 году Институтом психиатрии Кларка Университета Торонто [Мешкова, Николаева, 2017]. Опросник включает 26 утверждений, испытуемому предлагается оценить степень своего согласия с каждым из утверждений по 6-балльной шкале Лайкерта от 1 до 6, где 1 – никогда, 6 – постоянно. Опросник используется с целью выявления «группы риска», то есть склонности к таким расстройствам пищевого поведения, как анорексия и булимия.

4. Голландский опросник пищевого поведения (DEBQ).

Методика разработана в 1986 году голландскими психологами для выявления ограничительного и эмоциогенного пищевого поведения [Михайлова и др., 2019]. Опросник включает 33 утверждения, которые группируются по трем шкалам: эмоциогенного, экстернального и ограничительного пищевого поведения.

Результаты

На первом этапе исследования был проведен корреляционный анализ данных с использованием коэффициента корреляции Спирмена. Были получены следующие результаты.

Как и ожидалось, показатель личностной тревожности по ИТТ был положительно связан с показателем склонности к расстройствам пищевого поведения EAT-26 ($0,397$; $p < 0,001$), с показателем эмоциогенного (но не ограничительного и экстернального) пищевого поведения по опроснику DEBQ ($0,310$; $p < 0,001$), с показателем межличностной интолерантности к неопределенности по опроснику НТН ($0,477$; $p < 0,001$). Вопреки нашим ожиданиям, показатель интолерантности к неопределенности, измеряемый опросником НТН, не имел ни положительных, ни отрицательных связей ни с одним показателем.

Показатель межличностной интолерантности к неопределенности (НТН) был слабоположительно связан с ограничительным пищевым поведением по опроснику DEBQ ($0,237$; $p < 0,05$).

Полученные результаты представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Корреляция показателей склонности к расстройствам пищевого поведения и тревожности (коэффициент корреляции Спирмена)

Table 1

Correlation of Eating Attitude (EAT-26 and DEBQ) and Anxiety (ITT) Scores (Spearman Correlation)

	ИТТ (общий показатель)	ЭД	ФОБ	ОП	АСТ	СЗ
EAT-26	0,327**	0,276*	0,431**	0,401**	0,026	–0,005
DEBQ1	0,215*	0,256*	0,319**	0,236*	–0,014	–0,048
DEBQ2	0,160	0,126	0,167	0,124	0,189	–0,140
DEBQ3	0,103	–0,040	0,007	0,159	–0,073	0,137

Примечание: EAT-26 – Тест отношения к приему пищи; DEBQ1 – шкала эмоционального пищевого поведения (Голландский опросник пищевого поведения); DEBQ2 – шкала экстернального пищевого поведения (Голландский опросник пищевого поведения); DEBQ3 – шкала ограничительного пищевого поведения (Голландский опросник пищевого поведения); ИТТ – Интегративный тест тревожности, шкала личностной тревожности (общий показатель); ЭД – эмоциональный дискомфорт; ФОБ – фобический компонент (ИТТ); ОП – тревожная оценка перспективы (ИТТ); АСТ – астенический компонент (ИТТ); СЗ – социальная защита (ИТТ).

*Значимость на уровне 0,05.

**Значимость на уровне 0,01.

Таблица 2

Корреляция показателей интолерантности к неопределенности и тревожности (коэффициент корреляции Спирмена)

Table 2

Correlation of Intolerance of Uncertainty (NTN) and Anxiety (ITT) Scores (Spearman Correlation)

	ИТТ (общий показатель)	ЭД	АСТ	ФОБ	ОП	СЗ
МИТН	0,488**	0,291**	0,223*	0,358**	0,413**	0,393**
ИНТ	0,084	0,149	0,021	0,043	0,048	0,004

Примечание: МИТН – межличностная интолерантность к неопределенности (Новый опросник толерантности к неопределенности Корниловой); ИНТ – интолерантность к неопределенности; ИТТ – Интегративный тест тревожности; ЭД – эмоциональный дискомфорт; АСТ – астенический компонент; ФОБ – фобический компонент; ОП – тревожная оценка перспективы; СЗ – социальная защита.

*Значимость на уровне 0,05.

**Значимость на уровне 0,01.

Обнаружены связи между показателем интолерантности к неопределенности по опроснику НТН Т. В. Корниловой по шкале «Межличностная интолерантность к неопределенности» с показателями склонности к расстройствам пищевого поведения по опроснику EAT-26 и по Голландскому опроснику пищевого поведения по шкале «Ограничительное пищевое поведение» (DEBQ3) (табл. 3).

Таблица 3

Корреляция показателей склонности к расстройствам пищевого поведения и интолерантности к неопределенности (коэффициент корреляции Спирмена)

Table 3

Correlation of Eating Attitude (EAT-26 and DEBQ) and Intolerance of Uncertainty (NTN) Scores (Spearman Correlation)

	EAT-26	DEBQ1	DEBQ2	DEBQ3
МИТН	0,206*	0,098	0,008	0,240*
ИТН	0,051	0,016	-0,064	0,062

Примечание: EAT-26 – Тест отношения к приему пищи; DEBQ3 – Голландский опросник пищевого поведения (шкала ограничительного пищевого поведения); МИТН – межличностная интолерантность к неопределенности; ИТН – интолерантность к неопределенности (Новый опросник толерантности к неопределенности Корниловой).

*Значимость на уровне 0,05.

Таблица 4

Частная корреляция показателей склонности к расстройствам пищевого поведения и тревоги при контроле показателя межличностной интолерантности к неопределенности

Table 4

Partial Correlation of Eating Attitude (EAT-26) and Anxiety (ИТТ) Scores under Controlling the Interpersonal Intolerance of Uncertainty (NTN)

	EAT-26
МИТН	ИТТ
	0,332**

Примечание: МИТН – межличностная интолерантность к неопределенности (Новый опросник толерантности к неопределенности Корниловой); ИТТ – интегративный тест тревожности (общий показатель); EAT-26 – Тест отношения к приему пищи.

*Значимость на уровне 0,05.

**Значимость на уровне 0,01.

По результатам расчета частной корреляции при контроле показателя интолерантности к неопределенности по опроснику НТН Т. В. Корниловой связи между показателями склонность к расстройствам пищевого поведения и пока-

зателем личностной тревожности сохранились (табл. 4). Это свидетельствует о том, что интолерантность к неопределенности не обуславливала в нашем исследовании связь между расстройствами пищевого поведения и личностной тревожностью.

Полученные результаты говорят о том, что гипотеза об обусловленности связи между интолерантностью к неопределенности и склонностью к расстройствам пищевого поведения не подтвердилась. Мы предположили, что одной из причин подобного результата могло стать различие в используемых в отечественном и зарубежных исследованиях инструментах. В частности, это касается опросников, направленных на оценку интолерантности к неопределенности, измеряющих различные стороны данного конструкта. В связи с этим нами было принято решение провести второй этап исследования с использованием методик, которые применялись в зарубежных исследованиях.

Второй этап исследования

Процедура

На втором этапе исследования сбор данных осуществлялся как очно, так и в онлайн-формате с использованием сервиса Google Forms. Для математико-статистической обработки данных использовался статистический пакет IBM SPSS Statistics 26.

Выборка

На втором этапе в исследовании приняли участие 325 девушек в возрасте от 17 до 45 лет ($M = 22,9$, $Sd = 44,7$), из них 149 студенток новосибирских вузов, 35 – студентки других вузов России. Школьницы 11-го класса составили 26 респондентов. Пять человек – студентки российских колледжей, один человек получает дополнительное образование.

Методики

1. Шкала интолерантности к неопределенности (Intolerance of Uncertainty Scale) IUS-12.

Шкала IUS-12 представляет собой модификацию оригинальной версии опросника IUS, впервые предложенную Фристоном [Shihata et al., 2016]. Интолерантность к неопределенности с позиции авторов методики выступает как диспозиционная характеристика, связанная с чрезмерным беспокойством и тревогой о будущих неопределенных событиях. Первоначальный вариант шкалы был разработан на французском языке для и содержал 24 вопроса, направленных на оценку реакции на неопределенные ситуации и события. Сокращенный вариант методики был разработан в 2007 году Н. Карлтоном [Carleton et al., 2007]. Опросник включает 12 утверждений, каждое оценивается по шкале Лайкерта от 1 («совсем не характеризует меня») до 5 («пол-

ностью характеризует меня»)). Перевод опросника на русский язык выполнен психологами и научными сотрудниками Научно-исследовательского института нейронаук и медицины СО РАН. На данный момент проводится апробация методики на русскоязычной выборке.

2. Тест отношения к приему пищи (Eating Attitudes Test, EAT-26).

Методика разработана в 1979 году Институтом психиатрии Кларка Университета Торонто [Мешкова, Николаева, 2017]. Опросник включает 26 утверждений, испытуемому предлагается оценить степень своего согласия с каждым из утверждений по 6-балльной шкале Лайкерта от 1 до 6, где 1 – никогда, 6 – постоянно. Опросник применяется для выявления «группы риска», то есть склонности к таким расстройствам пищевого поведения, как анорексия и булимия.

3. Шкала депрессии, тревоги и стресса (Depression Anxiety and Stress Scale-21, DASS-21) С. Ловибонда и П. Ловибонда.

Шкала DASS-21 является одной из наиболее распространенных шкал оценки психологического дискомфорта в современном мире. DASS-21 содержит три шкалы самоотчета, предназначенные для диагностики депрессии, тревоги и стресса. Шкала депрессии направлена на оценку таких состояний, как дисфория, безнадежность, обесценивание жизни, самоуничтожение, апатия и ангедония. Шкала тревоги оценивает степень вегетативного возбуждения, напряжения скелетных мышц, ситуативную тревогу и субъективный опыт переживания тревожных состояний. Шкала стресса чувствительна к хроническому неспецифическому возбуждению и диагностирует трудности с расслаблением, нервное возбуждение и раздражительность [Золоторева, 2004].

Результаты

В результате корреляционного анализа были получены следующие результаты: обнаружена статистически значимая корреляционная связь между показателем склонности к расстройствам пищевого поведения опросника EAT-26 и показателем тревоги по опроснику DASS-21, между показателем интолерантности к неопределенности по опроснику IUS-12 и показателем тревожности по опроснику DASS-21, между показателем склонности к расстройствам пищевого поведения по опроснику EAT-26 и показателем интолерантности к неопределенности по опроснику IUS-12 (табл. 5).

По результатам расчета частной корреляции, при контроле показателя интолерантности к неопределенности по опроснику IUS-12 связи между показателем расстройства пищевого поведения и показателем тревоги сохранились (табл. 6). Это свидетельствует о том, что интолерантность к неопределенности не обуславливает связь между склонностью к расстройствам пищевого поведения и тревогой.

Таблица 5

Корреляция показателей склонности к расстройствам пищевого поведения, тревожности и толерантности к неопределенности (коэффициент корреляции Спирмена)

Table 5

Correlation of Eating Attitude (EAT-26), Anxiety (DASS-21) and Intolerance of Uncertainty (IUS-12) Scores (Spearman Correlation)

	EAT-26	DASS-21 (тревога)	DASS-21 (депрессия)	DASS-21 (стресс)
EAT-26		0,446**	0,443**	0,427**
IUS-12	0,343**	0,539**	0,533**	0,545**

Примечание: EAT-26 – Тест отношения к приему пищи; DASS-21 – шкала депрессии, тревоги и стресса; IUS-12 – Тест интолерантности к неопределенности.

**Значимость на уровне 0,01.

Таблица 6

Частная корреляция показателей склонности к расстройствам пищевого поведения и тревоги при контроле показателя интолерантности к неопределенности

Table 6

Partial Correlation of Eating Attitude (EAT-26) and Anxiety (ITT) Scores under Controlling the Intolerance of Uncertainty (IUS-12)

	EAT-26
IUS-12	DASS-21 (тревога)
	0,363**

Примечание: IUS-12 – шкала интолерантности к неопределенности; EAT-26 – Тест отношения к приему пищи; DASS-21 – шкала депрессии, тревоги и стресса.

**Значимость на уровне 0,01.

Обсуждение

Полученные результаты частично подтверждают имеющиеся в литературе данные о том, что расстройства пищевого поведения тесно связаны с тревогой, тревожностью и интолерантностью к неопределенности. В нашем исследовании, как и предполагалось, интолерантность к неопределенности (измеряемая шкалой интолерантности к неопределенности IUS-12) оказалась связана с тревогой и тревожностью. Межличностная интолерантность к неопределенности также оказалась связана с тревогой. Действительно, интолерантность к неопределенности может являться центральным компонентом тревожного состояния, а неспособность переносить неизвестность выступает

сильнейшим фактором уязвимости, связанным с возникновением и развитием тревоги и тревожных расстройств.

Вопреки нашим ожиданиям, интолерантность к неопределенности, измеряемая Новым опросником толерантности к неопределенности, в нашем исследовании не была связана ни с одним показателем. Подобный результат можно объяснить исходя из самого феномена.

Интолерантность к неопределенности – сложный конструкт, отражающий тенденцию негативно реагировать на неопределенные ситуации и события на эмоциональном, когнитивном и поведенческом уровне. В англоязычной литературе существуют два схожих термина, которые на русский язык часто переводятся одинаково: интолерантность к неопределенности (*intolerance of uncertainty*) и интолерантность к двусмысленности, двойственности (*intolerance of ambiguity*). Интолерантность к двусмысленности отражает негативное отношение к неопределенным событиям настоящего, тогда как интолерантность к неопределенности означает тенденцию реагировать негативно на неопределенность будущего. С позиции Т. В. Корниловой интолерантность к неопределенности отражает стремление к ясности, упорядоченности, к принятию неопределенных ситуаций [Корнилова, 2003]. Можно предположить, что разные психодиагностические инструменты фиксируют различные аспекты интолерантности к неопределенности и интолерантности к двусмысленности.

Наше предположение об обусловленности связи тревожности и склонности к расстройствам пищевого поведения интолерантностью к неопределенности также не подтвердилось. Поскольку полученные нами на первом этапе исследования результаты могли быть связаны с особенностями измерительных инструментов, мы приняли решение провести второй этап исследования с использованием методик, которые наиболее широко применяются в зарубежных исследованиях. Однако и в этом случае значимая связь между склонностью к расстройствам пищевого поведения и тревогой сохранилась, хотя и стала меньше. Возможным объяснением несовпадения результатов нашего и зарубежного исследования может также служить различие в исследовательских выборках. Наше исследование проводилось на неклинической выборке, тогда как в ряде зарубежных исследований обусловленность взаимосвязи расстройств пищевого поведения и тревоги интолерантностью к неопределенности была продемонстрирована именно на клинических выборках [Konstantellou et al., 2011; Renjan et al., 2016; Sternheim et al., 2011]. Можно предположить, что обусловленность взаимосвязи между тревогой и расстройствами пищевого поведения будет проявляться только на клинической выборке, а в случае склонности к расстройствам пищевого поведения такой обусловленности не наблюдается.

Заключение

Несмотря на то, что наша гипотеза об обусловленности взаимосвязи склонности к расстройствам пищевого поведения с тревожностью не была подтверждена, мы можем сделать ряд выводов.

Склонность к расстройствам пищевого поведения не была связана с интолерантностью к неопределенности как стремлением к ясности и контролю, но оказалась связана с интолерантностью к неопределенности как тенденцией негативно реагировать на эмоциональном, когнитивном и поведенческом уровне на неопределенные ситуации и события, а также межличностной интолерантностью к неопределенности как стремлением к ясности и контролю в межличностных отношениях. Данный результат дает основание предположить, что интолерантность к неопределенности является сложным, многомерным конструктом, и разные компоненты этого сложного конструкта могут иметь различные взаимосвязи с другими переменными, в том числе со склонностью к расстройствам пищевого поведения.

Ограничением данного исследования стало отсутствие данных клинической выборки. Отсутствие обусловленности интолерантностью к неопределенности взаимосвязи между тревожностью и склонностью к расстройствам пищевого поведения на неклинической выборке ставит вопрос о характере связей между этими тремя переменными и механизмах развития психопатологий. Дальнейшим направлением исследования может стать проверка обусловленности взаимосвязи расстройств пищевого поведения и тревоги и тревожности интолерантностью к неопределенности на клинической выборке и сравнение результатов с данными, полученными на неклинической выборке.

Список литературы

Бизюк А. П., Вассерман Л. И., Иовлев Б. В. Применение интегративного теста тревожности (ИТТ). Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В. М. Бехтерева, 2005.

Золоторева А. А. Систематический обзор психометрических свойств шкалы депрессии, тревоги и стресса (DASS-21) // Журнал Обозрение психиатрии и медицинской психологии. 2020. № 2. С. 26–37.

Карсон Р., Батчер Дж., Минека С. Анормальная психология. Питер, 2004. 1160 с.

Корнилова Т. В. Риск и принятие решений: психология неопределенности. РГНФ №14-46-93004, 2003.

Корнилова Т. В., Чумакова М. А. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология. 2014. Т. 7, № 1. С. 92–110.

Малкина-Пых И. Г. Терапия пищевого поведения. Эксмо, 2007. 1040 с.

Матушанская А. Г., Алишев Б. С. Толерантность к неопределенности и смежные психологические конструкты когнитивной психологии // Ученые

записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2011. Т. 153, кн. 5. С. 25–33.

Руководство по аддиктологии / Под ред. В. Д. Менделевича СПб.: Речь, 2007. 768 с.

Мешкова Т. А., Николаева Н. О. Опыт применения теста пищевых аттитюдов (ЕАТ-26) на выборке студенток Москвы // Журнал Психиатрия. 2017. № 1. С. 24–41.

Михайлова А. П., Иванова Д. А., Штрахова А. В. Вопросы квалификации и психологической диагностики пищевого поведения в норме и при его нарушениях // Журнал Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2019. Т. 12, № 1. С. 97–117.

Клиническая психология / Под ред. М. Перре, У. Бауманна. Питер, 2007. 1312 с.

Репина Н. В., Воронцов Д. В., Юматова И. И. Основы клинической психологии // Питер, 2003.

МКБ-10 [Электронный ресурс] URL: <https://mkb-10.com>.

Carleton R. N. Into the unknown: A review and synthesis of contemporary models involving uncertainty. *Journal of Anxiety Disorders*. 2016. Vol. 39. Pp. 30–43.

Carleton R. N. The intolerance of uncertainty construct in the context of anxiety disorders: theoretical and practical perspectives // *Expert Reviews*. 2012. Vol. 12, no. 8. Pp. 937–947.

Carleton R. N., Norton P. J., Asmundson G. J. Fearing the unknown: A short version of the Intolerance of Uncertainty Scale // *Journal of Anxiety Disorders*. 2007. Vol. 21, no. 1. Pp. 105–117.

Carleton R. N., Sharpe D., Asmundson G. Anxiety sensitivity and intolerance of uncertainty: Requisites of the fundamental fears // *Journal Behaviour Research and Therapy*. 2007. Vol. 45, no. 10. Pp. 2307–2316.

Douma E. R., Valente M., Syurina E. V. Developmental pathway of orthorexia nervosa: Factors contributing to progression from healthy eating to excessive preoccupation with healthy eating. Experiences of Dutch health professionals // *Journal Appetite*. 2021. Vol. 158, no. 1.

Dugas M. L., Gagnon F., Ladouceur R., Freeston M. H. Generalized anxiety disorder: a preliminary test of a conceptual model // *Journal Behaviour Research and Therapy*. 1998. No. 2. Pp. 215–226.

Dugas M. L., Robichaud M. Cognitive-behavioral treatment for generalized anxiety disorder: From science to practice. Routledge, 2006. 264 p.

Ferrell E. L., Watford T. S., Braden A. Emotion regulation difficulties and impaired working memory interact to predict boredom emotional eating. Bowling Green State University, 2019.

Frenkel-Brunswick E. Tolerance towards ambiguity as a personality variable // *The American Psychologist*. 1948. No. 3. Pp. 108–143.

Grenier S., Barrette A., Ladouceur R. Intolerance of Uncertainty and Intolerance of Ambiguity: Similarities and differences // *Personality and Individual Differences*. 2005. No. 3. Pp. 593–600.

Kesby A., Maguire S., Vartanian L. R., Grisham J. R. Intolerance of uncertainty and eating disorder behaviour: Piloting a consumption task in a non-clinical sample // *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. 2019. No. 65. 101492.

Konstantellou A., Campbell M., Eisler I., Simic M., Treasure J. Testing a cognitive model of generalized anxiety disorder in the eating disorders // *Journal of Anxiety Disorders*. 2011. No. 25. Pp. 864–869.

Konstantellou A., Reynolds M. Intolerance of uncertainty and metacognitions in a non-clinical sample with problematic and normal eating attitudes // *Eating Behaviors*. 2010. No. 11. Pp. 193–196.

Renjan V., McEvoy P. M., Handley A. K., Fursland A. Stomaching uncertainty: Relationships among intolerance of uncertainty, eating disorder pathology, and comorbid emotional symptoms // *Journal of Anxiety Disorders*. 2016. No. 41. Pp. 88–95.

Shihata S., McEvoy P. M., Mullan A. B., Carleton R. N. Intolerance of uncertainty in emotional disorders: What uncertainties remain? // *Journal of Anxiety Disorders*. 2016. No. 41. Pp. 115–124.

Sternheim L., Startup H., Schmidt U. An experimental exploration of behavioral and cognitive-emotional aspects of intolerance of uncertainty in eating disorder patients // *Journal of Anxiety Disorders*. 2011. No. 25. Pp. 806–812.

Valente M., Brenner R., Cesuroglu T., Bunders-Aelen J., Syurina E. V. «And it snowballed from there»: The development of orthorexia nervosa from the perspective of people who self-diagnose // *Journal Appetite*. 2020. No. 155.

References

Bizyuk A. P., Wasserman L. I., Iovlev B. V. *Primenenie integrativnogo testa trevozhnosti (ITT) [Application of the integrative anxiety test]*. Sankt-Peterburgskij nauchno-issledovatel'skij psihonevrologicheskij institut im. V. M. Behtereva, 2005. (in Russ.)

Carleton R. N. Into the unknown: A review and synthesis of contemporary models involving uncertainty. *Journal of Anxiety Disorders*, 2016.

Carleton R. N. The intolerance of uncertainty construct in the context of anxiety disorders: theoretical and practical perspectives. *Expert Reviews*, 2012.

Carleton R. N., Norton P. J., Asmundson G. J. Fearing the unknown: A short version of the Intolerance of Uncertainty Scale. *Journal of Anxiety Disorders*, 2007.

Carleton R. N., Sharpe D., Asmundson G. Anxiety sensitivity and intolerance of uncertainty: Requisites of the fundamental fears. *Journal Behaviour Research and Therapy*, 2007.

Carson R., Butcher J., Mineka S. *Anormal'naja psihologija [Abnormal psychology]*. Spb.: Piter, 2004 (in Russ.).

Douma E. R., Valente M., Syurina E. V. Developmental pathway of orthorexia nervosa: Factors contributing to progression from healthy eating to excessive preoccupation with healthy eating. Experiences of Dutch health professionals. *Journal Appetite*, 2021.

Dugas M. L., Gagnon F., Ladouceur R., Freeston M. H. Generalized anxiety disorder: a preliminary test of a conceptual model. *Journal Behaviour Research and Therapy*, 1998, no. 2.

Dugas M. L., Robichaud M. Cognitive-behavioral treatment for generalized anxiety disorder. *From science to practice*, 2007.

Ferrell E. L., Watford T. S., Braden A. Emotion regulation difficulties and impaired working memory interact to predict boredom emotional eating. Bowling Green State University, 2019.

Frenkel-Brunswick E. Tolerance towards ambiguity as a personality variable. *The American Psychologist*, 1948, no. 3.

Grenier S., Barrette A., Ladouceur R. Intolerance of Uncertainty and Intolerance of Ambiguity: Similarities and differences. *Personality and Individual Differences*, 2005, no. 3.

Kesby A., Maguire S., Vartanian L. R., Grisham J. R. Intolerance of uncertainty and eating disorder behaviour: Piloting a consumption task in a non-clinical sample. *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*, 2019, no. 65.

Konstantellou A., Campbell M., Eisler I., Simic M., Treasure J. Testing a cognitive model of generalized anxiety disorder in the eating disorders. *Journal of Anxiety Disorders*, 2011, no. 25.

Konstantellou A., Reynolds M. Intolerance of uncertainty and metacognitions in a non-clinical sample with problematic and normal eating attitudes. *Eating Behaviors*, 2010, no. 11.

Kornilova T. V. Risk i prinjatje reshenij: psihologija neopredelennosti [Risk and Decision - making: The Psychology of Uncertainty] RGNF No14-46-93004. 2003. (in Russ)

Kornilova T. V., Chumakova M. A. Shkaly tolerantnosti i intolerantnosti k neopredelennosti v modifikacii oprosnika S. Badnera [Scales of tolerance and intolerance to uncertainty in the modification of the S. Badner questionnaire] *Jeksperimental'naja psihologija*, 2014, no. 7(1), pp. 92–110. (in Russ)

Malkina-Pykh I. G. Terapija pishheвого povedenija [Eating behavior therapy] Eksmo, 2007. (in Russ)

Matushanskaya A. G., Alishev B. S. Tolerantnost' k neopredelennosti i smezhnye psihologicheskie konstrukty kognitivnoj psihologii [Uncertainty Tolerance and Related Psychological Constructs of Cognitive Psychology]. *Gumanitarnye nauki*, 2011, no. 153(5). (in Russ)

Mendelevich V. D. Rukovodstvo po addiktologii [Guide to Addictology] Spb.: Rech, 2007. (in Russ)

Meshkova T. A., Nikolaeva N. O. Opyt primenenija testa pishhevyyh attitudov (EAT-26) na vyborke studentok Moskvy [Experience of using the eating attitudes test (EAT-26) on a sample of female students in Moscow]. *Psihiatrija*, 2017, no. 1. (in Russ)

Mikhailova A. P., Ivanova D. A., Shtrakhova A. V. Voprosy kvalifikacii i psihologicheskoy diagnostiki pishheвого povedenija v norme i pri ego narushenijah

[Issues of qualification and psychological diagnosis of eating behavior in the norm and in the violations]. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2019. (in Russ)

Mezhdunarodnaja klassifikacija boleznej 10-go peresmotra [The International Classification of Diseases 10 revision] (in Russ). URL: <https://mkb-10.com>

Perret M., Baumann W. Klinicheskaja psihologija [Clinical psychology]. Spb.: Piter, 2007. (in Russ)

Renjan V., McEvoy P. M., Handley A. K., Fursland A. Stomaching uncertainty: Relationships among intolerance of uncertainty, eating disorder pathology, and comorbid emotional symptoms. *Journal of Anxiety Disorders*, 2016, no. 41.

Repina N. V., Vorontsov D. V., Yumatova I. I. Osnovy klinicheskoy psihologii [Foundations of Clinical Psychology]. Spb.: Piter, 2003. (in Russ)

Shihata S., McEvoy P. M., Mullan A. B., Carleton R. N. Intolerance of uncertainty in emotional disorders: What uncertainties remain? *Journal of Anxiety Disorders*, 2016, no. 41.

Sternheim L., Startup H., Schmidt U. An experimental exploration of behavioral and cognitive-emotional aspects of intolerance of uncertainty in eating disorder patients. *Journal of Anxiety Disorders*, 2011, no. 25.

Valente M., Brenner R., Cesuroglu T., Bunders-Aelen J., Syurina E. V. «And it snowballed from there»: The development of orthorexia nervosa from the perspective of people who self-diagnose. *Journal Appetite*, 2020, no. 155.

Zolotareva A. A. Sistematskij obzor psihometricheskikh svojstv shkaly depressii, trevogi i stressa (DASS-21) [Systematic Review of the Psychometric Properties of the Depression, Anxiety and Stress Scale (DASS-21)]. *Zhurnal Obozrenie psikiatrii i medicinskoj psihologii*, 2020, no. 2. (in Russ)

Информация об авторах

Пинаева Люцина Ильинична, бакалавр психологии (Новосибирск, Россия)

Злобина Марина Владимировна, старший преподаватель кафедры психологии личности Института медицины и психологии им. Зельмана Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

RSCI AuthorID 959328

Information about the Authors

Lucina I. Pinaeva, Bachelor of Psychology (Novosibirsk, Russian Federation)

Marina V. Zlobina, Senior lecturer of the Section of Personality Psychology at the V. Zelman Institute for the Medicine and Psychology of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

RSCI AuthorID 959328

Статья поступила в редакцию 08.10.2022;

одобрена после рецензирования 23.10.2022; принята к публикации 28.10.2022

The article was submitted 08.10.2022; approved after reviewing 23.10.2022;

accepted for publication 28.10.2022

Научная статья

УДК 159.9; 316

DOI 10.25205/2658-4506-2022-15-1-66-87

Принятие ограничений в эпоху пандемии COVID-19: дискурс постматериализма, культ безопасности и другие объяснения

Николай Сергеевич Первушин

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

nickd17@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4413-0205>

Аннотация

Пандемия COVID-19 привела к использованию разными странами небывалых ограничительных мер. Принуждение к самоизоляции, социальное дистанцирование, ограничение общения и передвижения, удаленный формат работы и учебы, локдауны, принудительная (по сути) вакцинация, обязательное ношение масок и перчаток, QR-коды, и необходимость тестирования – все это элементы новой реальности. Мы можем рассматривать такие меры как действия в чрезвычайной, критической, неопределенной ситуации, которая вынуждает человека к отказу от части своих прав и свобод ради спасения жизней. Однако наблюдаются различия по странам в плане строгости и продолжительности коронавирусных ограничений. Особенно серьезными оказались ограничения в странах Евросоюза и Дальнего Востока. Азиатские страны уже имели опыт борьбы с подобными бедствиями. Кроме того, для них характерен ряд культурных черт, который способствует лояльному принятию и соблюдению норм новой реальности. Для западных стран ограничения вступают в противоречие с базовыми принципами свободы, устройства государства, соотношения частного и общественного. Отсюда возникает необходимость осмысления феномена продолжительного отказа от части прав, свобод и практик ради идеи личной и общественной безопасности.

В статье приводятся разные возможные трактовки наблюдаемого феномена: человечество становится альтруистичнее; христианские представления о нравственности способствуют идее самоограничения для пользы обществу; представление о высокой ценности человеческой жизни; большее доверие государству и его институтам. Наиболее продуктивным с точки зрения автора представляется рассмотрение роли распространения постматериалистского дискурса в развитых странах. Идея отказа от части выгод и практик ради определенных идей и ценностей (экология, концепция устойчивого развития, разнообразие, альтруизм, социальная ответственность бизнеса и пр.) оказывается уже инкорпорированной в общественное сознание европейцев. Несогласие с этим дискурсом приводит к маргинализации ковид-диссидентов. Таким образом, в контексте пандемии COVID-19 дискурс постматериализма способствовал и введению, и принятию продолжительных чрезвычайных ограничивающих мер.

© Первушин Н. С., 2022

Материалистский дискурс, напротив, приводит к скептическому отношению к необходимости строгих карантинных мер и их неприятию.

Ключевые слова

COVID-19, пандемия, постматериализм, материализм, ковид-диссиденты, дискурс, ценности, доверие, безопасность

Для цитирования

Первушин Н. С. Принятие ограничений в эпоху пандемии COVID-19: дискурс постматериализма, культ безопасности и другие объяснения // Reflexio. 2022. Т. 15, № 1. С. 66–87. DOI 10.25205/2658-4506-2022-15-1-66-87

Acceptance of Restrictions during the COVID-19 Pandemic: Post-Materialist Discourse, the Cult of Security and Other Explanations

Nikolay S. Pervushin

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

nickd17@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4413-0205>

Abstract

The COVID-19 pandemic has led to the use of unprecedented restrictive measures by different countries. Forced self-isolation, social distancing, restrictions on communication and movement, remote work and study, forced (in fact) vaccination, lockdowns, mandatory usage of special masks and gloves, QR codes and the need for testing are all elements of the new reality. We can consider such measures as actions in an emergency, critical, uncertain situation that forces a person to surrender part of his/her rights and freedoms in order to save lives. However, there are differences across countries in terms of the severity and duration of coronavirus restrictions.

Restrictions in the countries of the European Union and the Far East were especially serious. Asian countries have already had experience in dealing with such disasters. In addition, they are characterized by a number of cultural features that contribute to the loyal acceptance and observance of the norms of the new reality. For Western countries, restrictions contradict basic principles of freedom, the structure of the state, the relationship between the private and the public. Therefore, the need arises to comprehend the phenomenon of prolonged renunciation of part of the rights, freedoms and practices for the sake of the idea of personal and public security.

The article presents various possible interpretations of the observed phenomenon: humanity is becoming more altruistic; Christian ideas about morality promote the idea of self-limitation for the benefit of society; the idea of the high value of human life; greater confidence in the state and its institutions. From the author's point of view, the most productive is the consideration of the role of the spread of post-materialist discourse in developed countries. The idea of renunciation of part of the benefits and practices for the sake of certain ideas and values (ecology, the concept of sustainable development, diversity, altruism, social responsibility of business, etc.) is already incorporated into the public consciousness of Europeans. Disagreement with this discourse leads to the marginalization of covid-dissidents. Thus, in the context of the COVID-19 pandemic, the discourse of post-materialism has facilitated both the introduction and adoption of prolonged emergency restrictive measures. The materialist discourse, on the contrary, leads to skepticism about the need for strict quarantine measures and their rejection.

Keywords

COVID-19, pandemic, post-materialism, materialism, covid-dissidents, discourse, values, trust, security, safety

For citation

Pervishin N. S. Acceptance of Restrictions during COVID-19 Pandemic: Post-Materialist Discourse, the Cult of Security and Other Explanations. *Reflexio*, 2022, vol. 15, no. 1, pp. 66–87. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2022-15-1-66-87

Введение

В конце 2019 года на человечество обрушилась пандемия COVID-19, которая привела к использованию разными странами беспрецедентных мер по противодействию распространению вируса, снижению нагрузки на систему здравоохранения, сохранению жизни и здоровья населения. Руководства разных стран вводили строжайшие ограничения: контроль за перемещением, запрет на работу определенных учреждений, запрет проведения массовых мероприятий, запрет покидать определенную территорию, режим самоизоляции, социальное дистанцирование. Обязательными стали маски и респираторы; где-то требовалось носить перчатки. В дальнейшем были введены ковид-паспорта и QR-коды, которые должны подтверждать наличие антител у переболевших/привитых или отсутствие заражения. Многие категории граждан были вынуждены перейти на удаленную работу или учебу. Бизнес больше не мог функционировать в привычном формате и столкнулся с необходимостью либо адаптироваться к новым условиям, либо терпеть убытки. Больницы вынуждены были перепрофилироваться и отменять плановые осмотры.

Особенно строгими ограничения были в первой половине 2020 года, когда ситуацию пандемии коронавируса можно было охарактеризовать как ситуацию неопределенности, высокого риска или критическую. И правительства, и отдельные люди, и ученые не вполне понимали с чем именно они столкнулись, насколько серьезны последствия заражения как для отдельного человека, так и в глобальном масштабе. Этой высокой неопределенностью были вызваны многие меры, которые постфактум можно интерпретировать как избыточные или абсурдные (запрет гулять вне границ определенной территории, обязательное ношение перчаток, введение комендантского часа, использование маски в собственном автомобиле и пр.). Тем не менее это свидетельствует, что первая волна переживалась миром как масштабное всемирное бедствие, которое требует самых серьезных мер. В России с июня 2020 года антиковидные меры преимущественно ослабевали, не было строгих локдаунов, хотя вторая и третья волны оказались гораздо масштабнее как по заражаемости, так и по смертности [Our World in Data, 2022; Johns Hopkins University, 2022]. В большинстве западных стран меры ослабевали или ужесточались вновь в зависимости от текущей эпидемической обстановки вплоть до весны 2022 года [Our World in Data, 2022]. В Китае меры оставались такими же строгими вплоть до конца 2022 года – введение локдаунов, изоляция городов, районов и домов с зараженными) [Ibid.]. Мы видим разные паттерны противодействия пандемии, и необходимо объяснить это различие.

Исследовательский вопрос заключается в том, почему многие страны мира использовали продолжительные ограничения после первой волны пандемии. В особенности нас интересуют развитые западные страны, для которых вводимые ограничения номинально противоречат базовым ценностям и принципам взаимоотношений гражданина и государства. Подчинение коронавирусным ограничениям подразумевает временный отказ от части свобод (перемещения, собраний, слова, предпринимательства и пр.) и делегирование государству полномочий, которые имеют признаки авторитарного контроля и не вполне соответствуют формальным демократическим принципам. Кроме того, необходимо отразить, почему в России после относительно успешного прохождения первой волны пандемии (во вторую и третью волны уровень и заболеваемости, и смертности был существенно выше) ограничения перестали быть строгими, а их соблюдение стало опциональным [Our World in Data, 2022; Johns Hopkins University, 2022]. Важно понять, лежит ли ответственность за успехи или неудачи в борьбе с пандемией исключительно на властях той или иной страны, или же мы можем найти культурные предпосылки, приводящие к выбору определенной стратегии противодействия распространению заболевания.

В целом мы можем представить ситуацию борьбы с пандемией на индивидуальном уровне как ситуацию принесения в жертву части своих свобод, практик, желаний, привычек, в крайних случаях – источника средств к существованию ради личного и общественного блага. Человеку предлагается временно отказаться от привычного образа жизни и комфорта ради собственной безопасности, спасения жизни других людей, снижения нагрузки на систему здравоохранения и более скорого выхода страны и мира из пандемии и той новой реальности, которую она порождает. Весь мир оказался перед этой дилеммой. Казалось бы, глобальное бедствие, касающееся всех, предполагает общее скоординированное понимание ситуации и совместный поиск путей его преодоления. Но в действительности государства и люди интерпретировали ситуацию по-разному и действовали соответственно. Так, Н. Чатер описывает три стратегии государств в плане информирования населения об угрозе COVID-19: «буря в стакане воды» (вирус не так страшен, паниковать не нужно); «сдерживание потока» (принимать меры нужно, так как это снижает скорость распространения вируса и нагрузку на медицинские учреждения и дает время на разработку и внедрение в гражданский оборот вакцины); «дом в огне» (нужны незамедлительные максимально строгие ограничения) [Chater, 2020]. Для преобладающего российского дискурса, например, характерен переход от «сдерживания потока» к «буре в стакане» [Первушин, 2022], для европейских стран – преимущественно «сдерживание потока», для Китая, Японии, Кореи – скорее «дом в огне». Чем же можно объяснить такое разное восприятие ситуации и соответствующие ему ограничения?

Возможные объяснения

Восточные культуры

Для жителей большинства азиатских стран пандемия COVID-19 не стала такой неожиданностью, как для жителей европейских и американских стран, поскольку до этого многие из них уже сталкивались с распространением опасных респираторных вирусов (ближневосточный респираторный синдром, атипичная пневмония). Соответственно, многие принципы поведения и ограничения в ситуации распространения опасного заболевания уже были усвоены. Так, практика ношения масок с высокой степенью защиты в государствах Юго-Восточной Азии оторвана от эпидемической обстановки (осенью 2022 года именно студенты из Китая и Кореи продолжали носить маски в стенах университета (НГУ) и за его пределами). Идея, что мы живем в среде, где существуют опасные респираторные вирусы или где в воздухе могут содержаться опасные для здоровья примеси, была широко распространена и до текущей пандемии. Это существенно отличает страны Азии от западных стран, в которых в январе – феврале 2020 года наблюдалось нечто похожее на события фильма «Не смотрите наверх» (реж. А. Маккей, 2021), где показана сатира на действия человечества в условиях приближения кометы к Земле: нежелание замечать проблему и признавать ее, неготовность к принятию резких решительных мер, неспособность к международному сотрудничеству, распространение теорий заговора и пр.

Кроме того, само по себе относительно покорное принятие жестких контролирующих мер в Азии можно связать с такими показателями культурных измерений, как коллективизм (признание главенства общего интереса над частным), высокая дистанция власти (признание правоты начальства априори), относительно низкая индულгенция (значителен внешний социальный контроль) [Hofstede, 2015]. Такой набор характеристик располагает к интерпретации новых ограничений как правильных, справедливых и не предполагающих широкой общественной дискуссии о допустимости вмешательства государства в частную жизнь отдельных граждан и притеснения их прав и свобод. Так или иначе, именно в восточных странах последствия пандемии в плане заболеваемости и избыточной смертности оказались гораздо менее серьезными, чем в Европе и Америке [Our World in Data, 2022; Johns Hopkins University, 2022].

Экономические факторы

Для принятия мер по борьбе с распространением пандемии и обеспечения их выполнения государству необходимы и экономические предпосылки. Не во всех странах люди могут не ходить на работу, уйти на «удаленку»; не каждое государство может выделить поддержку населению для сдерживания темпов распространения вируса; не везде одинакова доступность масок, антисептиков, тестов на антитела и вакцин. Чтобы существенные каран-

тинные меры (локдауны, введение дистанционной работы или учебы) были возможными, население должно быть обеспечено гаджетами, компьютерами, высокоскоростным интернетом; существенная часть работников должна трудиться не в производственном или аграрном секторе экономики; у государства должны быть ресурсы для помощи населению, системе здравоохранения и вынужденно остановленным предприятиям.

Беднейшие страны мира не имеют возможности контролировать распространение вируса, как это делают в Европе и странах Азии [Oxfam, 2021]. Таким образом, значимость общемировой проблемы в беднейших странах нельзя интерпретировать так же, как в развитых. В условиях нехватки чистой воды и продовольствия, ограниченного доступа к медицинским услугам, бедности и распространенности других опасных болезней SARS-CoV-2 становится одним из множества рисков, которые сопровождают жизнь человека в беднейших странах Африки и Азии. Объяснимо, почему ООН считает необходимым, чтобы развитые страны поставляли вакцины в Африку, делая акцент на проблеме неравенства (обеспеченные могут защититься локдаунами, удаленной работой, качественными масками и вакцинами, а бедные рискуют постоянно)¹.

Впрочем, внутри отдельных (в том числе наиболее развитых) стран тоже существует проблема неравенства: кто-то может перейти на «удаленку», а кто-то вынужден или не работать, или терпеть убытки [Oxfam, 2021]. Отсюда возникает необходимость государственной поддержки временно неработающих предприятий и их сотрудников; например, работников бюджетной сферы и обучающихся необходимо обеспечить средствами коммуникации. Без адекватной помощи у людей, находящихся в условиях пандемии, возникает разное восприятие ситуации: кто-то действительно отказывается от части своих свобод, подстраивается под ситуацию, но продолжает работать/учиться. Другие же по сути лишаются работы или возможности получить образование. После первой волны COVID-19 и появления относительной определенности происходящего экономические риски для них оцениваются как более важные, чем риски столкновения с вирусом. Существует также неравенство в жилищных условиях, когда при дистанционной работе квартиры предлагается воспринимать как офисы (в стесненных условиях труднее работать). К. Гаазе отмечает, что из-за ограничительных мероприятий и распространения удаленной работы возникает проблема исчезновения свободного времени и праздности, которые были важнейшими правами современного человека [Гаазе, 2020]. Для одних меры могут быть спасением, а для других – катастрофой.

Религиозные факторы

Основная религия развитых стран Запада – христианство. Один из основных библейских тезисов – поступай с другими так, как хотел бы, чтобы

¹ Генсек ООН назвал недостаток вакцин в Африке мировым позором. РИА Новости. 01.11.2021. URL: <https://ria.ru/20211101/vaktsiny-1757205610.html> (дата обращения: 28.11.2022).

они поступали в отношении тебя; не поступай с другими так, как не хотел бы, чтобы они поступили в отношении тебя (золотое правило нравственности). Этот принцип присутствует и в других религиях: исламе, иудаизме, индуизме, конфуцианстве; античной философии [Апресян², 2008, с. 194–212]. Если руководствоваться этим принципом в условиях пандемии, то он прозвучит как «мы бы не хотели, чтобы нас заразили, и не хотели бы сами стать распространителем вируса для других». Отсюда можно проследить лояльность в отношении антиковидных мероприятий и атрибутов (масок, QR-кодов, прививочных сертификатов, тестов и пр.). Папа Римский Франциск назвал вакцинацию «этическим долгом» каждого и подал пример другим, хотя католики и обеспокоены этическим аспектом использования вакцины, при тестировании которой использовались «клеточные линии, полученные путем абортов»³.

Тем не менее, как это ни парадоксально, в России и Индии, например, обрядовые аспекты религии в период пандемии вступали в определенный конфликт с «золотым правилом нравственности». Церкви и обряды превратились в источник широкого распространения коронавируса, заразилось и умерло большое количество священнослужителей.⁴ В Индии фестиваль Кумбха Мела и праздник Холи посетили миллионы человек, после чего в стране заболеваемость и смертность побила рекорды.⁵ В Малайзии религиозные деятели призывали к социальному дистанцированию, но убежденность в том, что «Бог – это наш щит», спровоцировала массовые собрания с последующей вспышкой заболеваемости [Tan et al., 2022]. Наблюдалось нежелание части верующих адаптироваться к новым условиям. Вместе с тем распространялись и новые формы религиозной активности (онлайн-службы, просмотр религиозных мероприятий по телевизору, онлайн-уроки и пр.) [Newport, 2020]. Встречалось и сопротивление вакцинации, и навязывание «правильной» с религиозной точки зрения вакцины со скандальной репутацией и вопросами к наличию эффективности («ЭпиВакКорона») [Kibongani Volet et al., 2022].

Доверие государству

Недооценка угрозы пандемии или ковид-скептицизм характерны для стран с низким доверием к правительству, системе здравоохранения и государственным институтам в целом (обобщенный индекс политической поддержки), хотя есть и исключения (в Японии доверие государственным институтам низкое, но отношение к пандемии крайне серьезное) [Ценности в кризис, 2021]. Дефицит доверия к государственным институтам – препятствие для эффектив-

² Входит в реестр лиц-иноагентов в РФ.

³ Папа: «Вакцинация – это долг для всех». (Vatican News. 11.01.2021. URL: <https://www.vaticannews.va/ru/world/news/2021-01/papa-vakzinazia-eto-dolg-dla-vseh.html>).

⁴ В Москве за год умерло в три раза больше священников и монахов, чем годом ранее. (Интерфакс. 24.12.2022. URL: <https://www.interfax.ru/russia/742777>).

⁵ В Индии заявили о «коронавирусном шторме» после нового мирового рекорда. (РБК. 25.04.2021. URL: <https://www.rbc.ru/society/25/04/2021/608591939a794736cb6cb3dd>).

ного взаимодействия в таких критических ситуациях, как пандемия COVID-19 [Тартаковская, 2021]. Высокое доверие правительству и государственным институтам напротив – предпосылка для принятия коронавирусных ограничений и следования им [Ценности в кризис, 2021]. Однако строгие ограничения вводились и в европейских странах с невысоким показателем доверия правительству (Испания, Португалия, Великобритания, Греция и др.). Можно предположить, что поскольку в развитых западных странах дистанция власти невелика, зависимость политиков от общественных настроений выше. Из-за этого неадекватность властей в плане борьбы с пандемией (как недостаточная эффективность, так и избыточность ограничений) может привести к смене правящих сил на ближайших выборах. Так, Б. Джонсон и Д. Трамп подверглись критике за недостаточно серьезное отношение к пандемии, занижение степени угрозы, недостаток ограничительных мер и непоследовательность (британский премьер участвовал в вечеринке в период коронавирусных ограничений). Эти события могли послужить триггером для выбора американцами Дж. Байдена на президентских выборах, а также для отставки Б. Джонсона.

Противоречивость информации в государственных медиаресурсах, рассогласованность и непоследовательность при принятии и реализации защитных мер, подозрения в сокрытии информации еще сильнее усугубили проблему доверия к СМИ и государственным институтам в России, что в конечном счете приводит к распространению конспирологических теорий, нежеланию соблюдать ограничения и негативному отношению к перспективе вакцинации [Макушева, Нестик, 2020; Первушин, 2020].

Пассионарные этносы?

Если обратиться к широко известной и критикуемой теории Л. Гумилева о пассионарности, можно обнаружить ряд общих черт с наблюдаемым в развитых западных странах продолжительным отказом от части прав, свобод и практик в период пандемии ради общественного блага и «пассионарным этносом». Под пассионарностью понимается «избыток биохимической энергии живого вещества, порождающий жертвенность, часто ради иллюзорных целей» [Гумилев, 2001]. В контексте пандемии мы наблюдаем эту жертвенность: люди готовы изменить свою жизнь, причинить себе существенные неудобства, временно лишиться себя части привычного и субъективно важного ради идеи борьбы с COVID-19, уменьшением заболеваемости и смертности.

Тем не менее существует и ряд ограничений в интерпретации ситуации с помощью этой теории. Пандемия хотя и стимулирует смену форм активности (замена офлайн на онлайн и домашние варианты работы/образования/досуга/коммуникации) и адаптации к карантинным условиям, подразумевает чаще не всплеск активности, а ее подавление (не ходить, не посещать, не ездить, не встречаться, не собираться и пр.). Кроме того, снизить нагрузку на медицинскую систему, уменьшить количество болеющих и умирающих,

обезопасить себя и близких (личная заинтересованность), выиграть время на разработку вакцины – вполне четкие, а не иллюзорные цели. По Гумилеву, пассионариев (носителей пассионарности) в обществе много не бывает, а в ситуации борьбы с COVID-19 практически всех жителей западных стран вынуждают идти на жертвы [Гумилев, 2001]. Кроме того, он считал, что европейские народы находятся «на спаде», а Россия «на подъеме» пассионарности, но в ситуации пандемии именно европейцы продолжительный промежуток времени проявляли жертвенность, в то время как в РФ она была сопоставима по масштабу лишь в первую волну пандемии COVID-19 (до июня 2020 года). Вышесказанное не позволяет сделать вывод, что жертвенность в эпоху пандемии это проявление пассионарности.

Культ безопасности

У. Бек ввел в социологический дискурс концепцию «общества риска». Сами по себе риски существовали всегда, но современные риски вызваны скорее не естественными угрозами, а развитием человечества (опасные новые технологии без должной рефлексии последствий их использования, глобализация, повышенная мобильность людей, товаров и идей) [Бек, 2000]. Мир стал взаимосвязан и взаимозависим: экологические, военные, гуманитарные, эпидемические, экономические и иные проблемы одной части мира теперь являются проблемой для мира в целом [Там же]. За вспышкой вируса в китайском Ухане последовало продолжительное столкновение и переживание угрозы всей планетой.

Понимание мира как постоянного источника рисков и угроз влечет за собой различные меры, которые подразумевают отказ от части прежних прав и свобод. Д. Коцюбинский в работе «Новый тоталитаризм XXI века» [2022] проанализировал феномен отступления от классических западных идей о правах и свободах в сторону культа безопасности. Эту позицию разделяют Е. Шульман⁶ и Н. Беспалова: «Начиная с трагического события, 11 сентября 2001 года, современная эпоха была переформатирована проблемой обеспечения безопасности жизни. Двадцать лет спустя мы уже можем сказать, что безопасность – главная ценность XXI века» [Шульман, Беспалова, 2020]. Представления об угрозе глобального потепления и возможной экологической катастрофе «предполагают непрерывное, “24/7” самотестирование человека на предмет экологичности или, напротив, неэкологичности (“токсичности”) его повседневного поведения» [Коцюбинский, 2020]. В связи с этим необходимы объявляющиеся борьба с изменением климата и загрязнением окружающей среды, переход на возобновляемые источники энергии и осознанное потребление [Там же]. По мнению Коцюбинского, наблюдаемые в развитых странах меры и доминирующий экологический дискурс скорее приводят к от-

⁶ Входит в реестр лиц-иноагентов в РФ.

казу от части прав и свобод ради представления о безопасности, а не способствуют реальному решению глобальных экологических проблем [Там же].

Коцюбинский анализирует случаи отказа от свобод и в других сферах, происходящие в наиболее выраженной форме в развитых странах в XXI веке [Там же]. Идея о важности безопасности в Интернете приводит к деанонимизации пользователей, блокировке нежелательных юзеров и медиаресурсов, ограничивается свобода слова и самовыражения (цензура в социальных сетях, блокировка Роскомнадзором и иными контролирующими органами определенных СМИ). Представления об общественной безопасности приводят к повсеместному внедрению сканирующих рамок и досмотров, прослушки и видеонаблюдения. Идея важности безопасности меньшинств приводит к квотированию и распределению мест в университетах и рабочих мест не по академическим и профессиональным качествам.

Коцюбинский анализирует борьбу с коронавирусом аналогичным образом: карантинные меры все больше забирают свободы и права людей ради представления о безопасности («информационный (а по сути – пропагандистский) акцент делался и продолжает делаться не столько на прагматическом решении проблем, которые уже возникли сегодня и, очень возможно, повторятся завтра, сколько на максимально быстром и полном достижении “безопасного будущего”») [Там же]. Вместе с тем многие из этих мер впоследствии признаются неэффективными. На ковид-диссидентов при этом навешивают клеймо маргиналов, штрафуют, запрещают говорить и протестовать [Там же]. За ограничениями в свободе перемещения, собрания и выборе формата работы или досуга следует ограничение свободы слова. Стоит отметить, что в выводах Коцюбинского не разделяются понятия *safety* и *security*. Первая дефиниция делает акцент на ценности сохранения жизни и здоровья себя и других, а другая – на контроле. Когда мы говорим о расходах на полицию, армию, спецслужбы и другие контролирующие институты, имеется в виду важность *security*; когда о расходах на медицину, очистке воды, заботе об условиях труда – речь о ценности здоровья (*safety*). Автор, подвергая критическому анализу отказ западных стран от свойственных им свобод в пользу контроля, скорее всего, имеет в виду *security*. Но можем ли мы представить, что в развитых странах Запада люди приняли ограничения именно ради контроля над их жизнями, а не ради ценностей здоровья, представлении о значимости жизни каждого отдельного человека?

Таким образом, современный мир предполагает повышенную рискогенность. Человек стремится преодолеть эти риски, но его усилия продуцируют новые риски с неизвестными последствиями. Различия в интерпретации рисков могут быть связаны с их количеством в той или иной среде. В странах с относительно невысоким количеством автомобильных аварий, низким уровнем преступности и насилия глобальные риски могут восприниматься как более актуальные, чем в странах, где людям приходится сталкиваться с подобными рисками ежедневно (преступность, аварии, экономические риски, вопросы

продовольствия и чистой воды и пр.). Общая рискогенность среды размывает важность отдельно взятого риска, поэтому для одних он является значимым элементом картины мира, а для других в большей степени фоновым процессом. Это же применимо и в рамках отдельных стран: богатые могут частично огородить себя от многих рисков, в частности, риска заболеть, а бедные вынуждены жить с этим [Oxfam, 2021]. О. Яницкий характеризует Россию как «общество всеобщего риска» и констатирует феномен «нормализации рисков», когда столкновение граждан со множеством рисков – часть повседневности [Яницкий, 2004].

Изменение и дифференциация восприятия «цены человеческой жизни»

По мнению Б. Кагарлицкого⁷, существует значительная диспропорция между вводимыми карантинными мерами и их последствиями (экономическими, психологическими и пр.) и опасностью вируса на уровне популяции [Кагарлицкий, 2020]. Еще никогда так долго люди не ставили безопасность выше экономических интересов. Шульман и Беспалова считают, что «человеческая жизнь стала настолько дорога, что никакое правительство в мире не может себе позволить человеческие потери, если общество считает, что их можно было бы предотвратить» [Шульман, Беспалова, 2020]. Чрезвычайно строгие меры можно интерпретировать как признание жизни и здоровья населения той или иной страны ценностями с беспрецедентно высоким приоритетом, которые стоят выше, чем экономическая целесообразность или определенные права и свободы. Эта оценка подкрепляется экономической поддержкой населения, особенно в развитых странах. Жизнь, хорошее состояние здоровья и благополучие жителей интерпретируются как ключевой источник благосостояния государства. Тезис «люди – новая нефть» реализовывался и в России, но больше в первую волну пандемии COVID-19. После июня 2020 года акцент был смещен на спасение экономики.

Также существуют достаточно циничные с гуманистической точки зрения попытки измерить стоимость жизни в той или иной стране [Keller et al., 2021]. Так, в Таиланде цена жизни оценивается исследователями в 200 тыс. фунтов стерлингов, в Великобритании – 2,4 млн, а в Германии – 12,3 млн [Stickings, Elsom, 2020]. Это можно сравнить с оценкой экономических последствий карантинных мероприятий. Исходя из таких соображений, можно заключить, что чем выше цена жизни человека в стране, тем выше экономическая обоснованность ограничений в период пандемии.

Помимо внешних аналитических оценок цены жизни и важности карантинных мер существует внутреннее осознание значимости человеческой жизни. Примерами могут служить внутренняя критика президентов Д. Трампа и Ж. Болсанару и премьер-министра Б. Джонсона из-за недостаточности коро-

⁷ Входит в реестр лиц-иноагентов в РФ.

навирусных ограничений; протесты против проведения Олимпиады в Токио в условиях карантинных мероприятий и пр.

Уменьшение насилия

В работе *The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined* С. Пинкер описывает и объясняет процесс уменьшения насилия в мире [Pinker, 2011]. По его мнению, сегодня самый мирный период в истории человечества. На данный процесс повлияли пять факторов: появление современных национальных государств, торговля, феминизация, глобализация и космополитизм, рационализация. В некоторых исключительных случаях Пинкер, тем не менее, допускает важность применения насильственных средств: «Насилие всегда плохо, если только оно не помогает предотвратить еще большее насилие» [Ibid.]. Насильственное внедрение коронавирусных ограничений может быть оправдано стремлением, чтобы как можно меньше людей столкнулись с вирусом.

Если воспринимать заражение коронавирусом как своеобразную форму насилия⁸, то предотвращение такого события – дальнейшее проявление процесса уменьшения насилия в мире. Национальное государство (Левиафан) выдвигает новые правила жизни в ковидной реальности и следит за их выполнением с использованием наказаний (штрафы) и поощрений (государственная поддержка, обоснование моральности ограничения). Наказания могут быть настолько суровыми, что даже при несогласии с этими правилами (убежденность, что вирус не столь опасен и меры нужно отменить) человеку как рациональному агенту выгоднее соблюдать регламент. Технологический прогресс обеспечил возможность перехода на удаленные формы занятости и обучения; расширились возможности онлайн-доставки и других услуг; развитие мирной торговли способствует кооперации ради достижения общей цели (все выполняют требования, и это должно приближать к выходу из острой фазы пандемии). Дискурс феминизма культивирует избегание вовлечения в опасные рискованные ситуации («самки предпочитают держаться в стороне от рискованных предприятий, которые могут оставить их детей сиротами») [Ibid.]. Космополитизм приводит к тому, что «наше собственное благополучие теперь так тесно зависит от благополучия окружающих и наоборот», поэтому человеку некомфортно находиться в среде, где люди массово заражаются, попадают в больницы и умирают [Ibid.]. Рационализация подразумевает поиск решения проблемы с помощью науки и рационального мышления. В период пандемии большой авторитет и власть получили эпидемиологи, вирусологи и врачи; Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) и другие организации и институты. Предполагается, что в вопросах распространения вирусов и лечения

⁸ В начале пандемии в РФ вводилась уголовная и административная ответственности для нарушителей карантина, невыполнение санитарных и эпидемиологических правил, распространение фейков о коронавирусе.

болезней, эти категории специалистов должны ориентироваться лучше, чем традиционные лидеры мнений – политики, священники, актеры, певцы, спортсмены, блогеры и т. д.

В период пандемии некоторые страны показали, что они «становятся лучше» (развитые), избегая насилия в форме заражения окружающих; другие временно становились лучше, а потом откатывались назад (прекращение строгих мер после первой волны); у третьих «улучшения» не наблюдалось (беднейшие). По-видимому, экономические условия (благополучие, удовлетворенность базовыми потребностями) – важная предпосылка для реализации тезиса Пинкера об улучшении людей.

Материализм и постматериализм

Р. Инглхарт ввел в научный оборот термин «постматериализм», под которым подразумевается переход от свойственных капиталистическому обществу материальных ценностей (доходы, потребление, безопасность) к доминированию ценностей свободы, самовыражения, заботе об окружающей среде, равенстве и пр. [Inglehart, 1977]. Постматериалисты – осознанные потребители: они не хотят, чтобы товар вредил экологии, ухудшал здоровье работников завода или жителей прилегающей территории, они стараются продлить жизнь предмета или отдать его на переработку. Их волнуют проблемы неравенства, дискриминации меньшинств [Ibid.]. Для постматериалистов важно сохранить планету для будущих поколений, им близка так называемая концепция устойчивого развития. Она подразумевает экологически рациональное использование ресурсов, направленное на сохранение планеты и возможность удовлетворять потребности будущих поколений [United Nations General Assembly, 1987]. Постматериалисты смотрят на современность как будто из будущего. Одним из идейных продолжений этого течения является концепция лонгтермизма, предложенная британским философом У. МакАскиллом [MacAskill, 2022]. Основная идея: человек должен жить сегодня, не исходя из текущих интересов и приоритетов, а исходя из приоритета будущих поколений [Ibid.]. Для лонгтермистов неприемлемыми оказываются практически любые глобальные риски [Ibid.]. Подобное видение мира в значительной степени демонстрируют И. Маск и Б. Гейтс, деятельность которых связана с беспокойством по поводу изменения климата и перспектив выживания человечества.

Одной из центральных проблем постматериалистов сегодня является борьба с глобальным потеплением. Их борьба сталкивается с интересами материалистов внутри своих стран и в глобальном масштабе. Пока беднейшие страны думают о собственном выживании сегодня, им трудно думать о будущих поколениях и выживании планеты.

Р. Инглхарт и К. Вельцель предложили для международных сравнений использовать диаграмму, содержащую две шкалы: «выживание vs самовыражение» и «секулярные vs рациональные ценности» [Inglehart, Welzel, 2005].

Они обнаружили различия между стран: более всего постматериализм распространен в протестантской Европе и англоязычных странах, менее всего – в странах Африки и азиатских исламских государствах [Ibid.]. Россия относится к смешанному типу: для нее актуальны рационализм и ценности выживания [World Values Survey, 2022]. Выраженный постматериализм оказывается характерен для стран, в которых жители не озабочены вопросами выживания, поиском средств к существованию и пр. При этом относительно высокий уровень доходов не обязательно ведет к распространению постматериализма (Катар, Саудовская Аравия) [Ibid.].

World Values Survey (WVS, всемирный обзор ценностей) предлагает не диаграмму, а индекс постматериализма, состоящий из четырех компонентов: 1) автономия (независимость и воображение), 2) равенство (между мужчинами и женщинами в сфере образования, политического лидерства и руководства предприятиями), 3) выбор (сексуальные, брачные и репродуктивные установки) и 4) голос (свобода слова, участие граждан в политике и местном самоуправлении) [World Values Survey, 2022; Вельцель, 2017]. Исследование 2017–2022 годов показало, что в России 51,8 % – материалисты, 41,7 % относятся к смешанному типу и 3,5 % – постматериалисты (это один из самых низких показателей среди всех обследуемых стран) [Ibid.]. Для сравнения: в Италии: 20,8 % материалистов, 57 % – смешанный тип, 17,3 % – постматериалисты [Ibid.]. Заметно преобладание смешанного типа и постматериалистов в странах Западной Европы, США, Канаде, Австралии и Новой Зеландии. В целом по выборке преобладает смешанный тип, что говорит о постепенном распространении дискурса постматериализма и в других странах.

В исследовании WVS присутствуют и другие вопросы, позволяющие проанализировать страны в плане их отличий по оси «материализм vs постматериализм». Так, респондентам предлагалось выбрать, что важнее: защита окружающей среды или экономический рост и создание новых рабочих мест [Ibid.]. Защиту окружающей среды предпочли 71,2 % исландцев, 44,5 % россиян, 67,7 % грузин, 69,2 % колумбийцев, 68,2 % китайцев, что в целом свидетельствует о распространении постматериалистской идеи о важности спасения планеты [Ibid.]. Инглхарт установил, что постматериализм сильнее выражен у более молодых поколений, поэтому с течением времени, вероятно, будет происходить все большее распространение постматериализма в разных обществах [Inglehart, 1977].

Еще один вопрос предполагал выбор наиболее важных целей для страны: высокий уровень экономического роста, сильная армия, свобода слова и попытка сделать наши города и сельскую местность привлекательнее [World Value Survey, 2022]. В России 47,2 % опрошенных выбрали как главную цель экономический рост; 32,1 % – армию; 15,4 % – свободу слова; 2,8 % – желание облагородить города и сельскую местность [Ibid.]. Это говорит о доминировании в РФ материалистской установки с акцентом на экономическом благополучии и безопасности (security). Для сравнения: в Швейцарии экономический

рост выбрали 28,3 % респондентов; армию – 7,2 %; свободу слова – 43,1 %; желание облагородить окружающую обстановку – 17,4 % [Ibid.]. Очевидна бóльшая относительно РФ выраженность постматериалистских установок. Таким образом, масштабное лонгитюдное исследование WVS дает представление о том, что дискурс постматериализма внедряется в разные страны все больше, однако сильна и дифференциация между странами.

Исследователи ВШЭ выявили, что успех распространения вакцинации в той или иной стране связан с распространенностью постматериализма в ней ($r = 0,7$) [Ценности в кризис, 2021]. Другая команда исследователей из ВШЭ обнаружила, что те, для кого характерны просоциальные ценности, более восприимчивы к информации о том, что вирус имеет опасность для окружающих [Chmel et al., 2021]. Для тех, кто не разделяет просоциальные ценности, значимой для соблюдения всех ограничений оказывается информация, что вирус опасен непосредственно для них самих [Ibid.]. Акцентирование в СМИ на высоких рисках для здоровья при заражении ведет к усиленной поддержке антиковидных мероприятий и неадекватно высокой оценке летальности вируса, что, по мнению авторов, создает угрозу для демократии в самых разных странах [Ibid.]. Здесь мы можем прийти к умозаключению, что российские государственные СМИ вели не вполне адекватную и эффективную кампанию по освещению проблемы пандемии COVID-19, поскольку транслируемый дискурс носил успокаивающий характер («не стоит бояться вируса») и апеллировал к просоциальным ценностям («сиди дома – спасай жизни»). В обществе с низкой распространенностью постматериализма это воспринимается как повод для пренебрежительного отношения к ограничительным мерам, возможности заразиться и стать источником заражения для других. Такая искаженная картина мира приводит к недовольству коронавирусными ограничениями и их игнорированию, митингам против онлайн-обучения, нежеланию вакцинироваться, распространению конспирологических версий происходящего («вируса нет, над нами ставят эксперименты и хотят установить тотальный контроль») [Первушин, 2020]. Среди прочих факторов это привело к тому, что Россия стала одним из мировых лидеров по абсолютному (второе место после Индии) и относительному показателям (второе место после Болгарии) избыточной смертности (только за два первых года пандемии избыточная смертность в стране превысила 1 млн человек) [Our World in Data, 2022; Johns Hopkins University, 2022].

Данные исследований показывают, что дискурс постматериализма способствует одобрению коронавирусных ограничений. Безопасность (safety) для себя, окружающих и вообще в мире – приоритетная ценность в этом дискурсе, глобальная проблема, ради которой временно стоит отказаться от части своих прав, желаний и свобод.

Подобное поведение – характерный атрибут постматериализма. Происходит отказ от невозобновляемых, «грязных» и опасных источников энергии,

переход на использование электромобилей, сортировка мусора.⁹ Идеи о равенстве и необходимости разнообразия приводят к отказу от оценки работника исключительно по его профессиональным качествам. Голливудская индустрия должна транслировать важность идеи разнообразия, поэтому кастинг предполагает квотирование. Высокие налоги и увеличение поддержки партий «зеленых» в странах Евросоюза – косвенное проявление постматериализма, ведь предполагается, что налоги идут на общественные блага. Так или иначе, постматериалистский дискурс содержит в себе возможность и даже необходимость ставить некие общественные или глобальные интересы выше собственного комфорта и привычного образа жизни. Отсюда проистекает широкое одобрение антиковидных ограничений в странах, где широко распространен постматериализм.

Сопротивление этому дискурсу может быть опасно в таких странах. Владельцы «грязных» производств будут либо платить гигантские штрафы, либо закрываться. Те, кто отрицает важность феминизма и борьбы с изменением климата, как минимум подвергнутся социальному неодобрению. Ковид-диссиденты и ковидоскептики будут восприниматься как маргиналы. Так, итальянский философ Дж. Агамбен критиковал то, как серьезно мир реагирует на вирус с относительно невысокой летальностью, вакцинацию и введение «зеленых паспортов», что вызвало всплеск негативных комментариев в его адрес среди западных интеллектуалов (Жижек, Браттон, Сотирис и пр.) [Агамбен, 2021; Тороева, 2021]. Дискурс постматериализма в развитых западных странах становится социальным фактом, имеющим внешнюю принудительную силу и контролирующим индивидуальное поведение [Дюркгейм, 1995].

В России подобные выступления не встречают широкого порицания. Напротив, популярны выступления доктора А. Мясникова, политолога С. Белковского, экономиста С. Делягина и других, кто критикует строгие ограничения, порицает западные страны за еще более серьезные меры, занижает угрозу опасности встречи с вирусом. В риторике активно применяются термины «ковидобесие», «коронабесие», «популярная болезнь», «намордники», «шмурдяк», которые демонстрируют близость к ковид-диссидентству. Широкий одобрительный отклик получило анонимное «письмо бельгийских врачей», призывающее к отмене карантина и признанию его более вредным, чем вирус. Даже среди просвещенной российской общественности наблюдается довольно настороженное отношение к введенным из-за коронавируса ограничениям, что можно наблюдать в сборнике «Прощай, COVID?» [Гаазе, 2020], упомянутой нами в начале статьи работе Коцюбинского [2022] и наиболее рейтинго-

⁹ Примечательно, что в результате локдаунов и других ограничений уменьшилось потребление электроэнергии, улучшилось качество воздуха, снизился уровень шума в Мировом океане, так что массовый переход на удаленную работу и учебу не только препятствует распространению вируса, но и помогает базовой цели постматериалистов – решению экологических проблем (Coronavirus pandemic leading to huge drop in air pollution. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2020/mar/23/coronavirus-pandemic-leading-to-huge-drop-in-air-pollution?fbclid=IwAR3nIZyRuunqa3JuhFCQOeY75pkwZ7Ky-ocW8QCMpdqkc545c4h0bB31cB0>).

вых отечественных философских журналах. В этом можно усмотреть преобладание материалистского дискурса среди отечественных мыслителей.

Заключение

Мы попытались объяснить феномен принятия или неприятия передачи части прав и свобод ради борьбы с пандемией COVID-19. Нельзя объяснить происходящее каким-то одним фактором, скорее речь идет об их сочетании. Наиболее содержательными оказываются объяснения, учитывающие культурные измерения, экономические факторы и распространенность материализма/постматериализма в том или ином обществе. Дискурс постматериализма оказывается важен для следования новым правилам, но в обществах с неудовлетворенными базовыми потребностями он не наблюдается. Для выбора способа информирования населения о пандемии оказывается важен учет ценностных предпочтений аудитории.

В контексте пандемии наличие представления о важности жертвенности ради достижения значимой глобальной цели имело функциональный характер. Эта готовность отказа от части важного и привычного одновременно является и силой общества, и представляет потенциальную опасность для него. Можем ли мы быть уверены, что некая глобальная цель всегда обоснована? Не рискуем ли мы в будущем жертвовать правами, свободами и комфортом просто потому, что так принято и заложено в дискурсе?

Список литературы

Агамбен Дж. Граждане второго сорта. Центр политического анализа [Электронный ресурс]. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/grazhdane-vtorogo-sorta> (дата обращения: 28.11.2022).

Апресян Р. появлении понятия «золотое правило» // *Этическая мысль.* 2008. № 8. С. 194–212.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М. Прогресс-Традиция, 2000.

Вельцель К. Рождение свободы. М.: ВЦИОМ, 2017.

Гаазе К. COVID-19 и будущее свободного времени // *Прощай, COVID?* / Под ред. К. Гаазе, В. Данилова, И. Дуденковой, Д. Кралечкина, П. Сафронова. М.: Издательство Института Гайдара, 2020.

Гумилев Л. Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2001.

Дюркгейм Э. Социология, ее метод, предмет и предназначение. М.: Канон, 1995.

Кагарлицкий Б. Виноват ли вирус? // *Прощай, COVID?* / Под ред. К. Гаазе, В. Данилова, И. Дуденковой, Д. Кралечкина, П. Сафронова. М.: Издательство Института Гайдара, 2020.

Коцюбинский Д. «Новый тоталитаризм» XXI века. Уйдет ли мода на безопасность и запреты, вернется ли мода на свободу и право? СПб.: Стратегия, 2022.

Макушева М., Несник Т. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 427–447. doi 10.14515/monitoring.2020.6.1770

Моргунов Б., Тельнова И., ЩигOLEв Б. Анализ влияния пандемии новой коронавирусной инфекции на загрязнение атмосферного воздуха и снижение выбросов загрязняющих веществ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/377998000.pdf> (дата обращения: 28.11.22).

Первушин Н. «Двойные послания» (double bind) в российских медиа в период эпидемии COVID-19 // Reflexio. 2020. Т. 13, № 2. С. 44–65. doi 10.25205/2658-4506-2020-13-2-44-65

Первушин Н. Медиафера в период пандемии COVID-19: региональные и дискурсивные различия в установлении повестки дня // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 277–300. doi 10.14515/monitoring.2022.3.1984

Тартаковская И. Доверие перед лицом пандемии: в поисках точки опоры // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 2. С. 68–89. doi:10.19181/socjour.2021.27.2.8087

Тороева Д. Народ против Агамбена: Что превратило модного философа в опасного фрика? [Электронный ресурс]. URL: <https://gorod-812.ru/narod-protiv-agambena-cto-prevratilo-modnogo-filosofa-v-opasnogo-frika/> (дата обращения: 28.11.2022).

Ценности в кризис. Проект «Динамика ценностей и установок в период пандемии COVID-19 в сравнительной перспективе» [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/data/2021/10/05/1460516987/Human_Capital_NCMU_Digest_2_Values_In_Crisis_2021.pdf (дата обращения: 28.11.2022).

Шульман Е., Беспалова Н. Nation States в условиях пандемии // Прощай, COVID? / Под ред. К. Гаазе, В. Данилова, И. Дуденковой, Д. Кралечкина, П. Сафронова. М.: Издательство Института Гайдара, 2020.

Яницкий О. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции. Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 5–15.

Chater N. (2020). Facing up to the uncertainties of COVID-19. *Nat Hum Behav*. 4, 439. URL: <https://www.nature.com/articles/s41562-020-0865-2> (accessed: 28.11.2022)

Chmel K, Klimova A, Savin N. The effect of risk framing on support for restrictive government policy regarding the COVID-19 outbreak // PLoS ONE. 2021. No. 16(10). P. e0258132. doi 10.1371/journal.pone.0258132

COVID-19 Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University (JHU) [Online]. URL: <https://origin-coronavirus.jhu.edu/map.html> (accessed on: 28.11.2022)

Excess mortality during COVID-19. *Our world in Data* [Online]. URL: <https://ourworldindata.org/excess-mortality-covid> (accessed on: 28.11.2022)

Inglehart R. The Silent Revolution. Princeton University Press, 1977.

Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge University Press, 2005, p. 57.

Hofstede G. Dimension Data Matrix [Online]. URL: [http:// www.geerthofstede.nl/](http://www.geerthofstede.nl/) (accessed on: 28.11.2022)

Keller E, Newman J, Ortman A, Jorm L., Chambers G. (2021). How Much Is a Human Life Worth? A Systematic Review // *Value Health*. 2021. Vol. 24, no. 10. Pp. 1531–1541. doi 10.1016/j.jval.2021.04.003

Kibongani Volet A., Scavone C., Catalán-Matamoros D., Capuano A. Vaccine Hesitancy Among Religious Groups: Reasons Underlying This Phenomenon and Communication Strategies to Rebuild Trust // *Front. Public Health*. 2022. No. 10. P. 824560. doi: 10.3389/fpubh.2022.824560

MacAskill W. What We Owe the Future. London: Oneworld Publications, 2022.

Newport F. Religion and the COVID-19 Virus in the U.S. [Online]. URL: <https://news.gallup.com/opinion/polling-matters/307619/religion-covid-virus.aspx> (accessed on: 28.11.2022)

Pinker S. The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has declined. New York: Viking Books, 2011.

Stickings T., Elsom J. What is a British life worth (and why is it just one fifth of a German's?) £2.4million a person is key number in calculating when to leave lock-down // *Daily Mail*, 2020 [Online]. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-8253381/Value-life-compared-world-amid-coronavirus-crisis.html> (accessed on: 28.11.2022).

The Inequality Virus [Online]. URL: <https://webassets.oxfamamerica.org/media/documents/The-Inequality-Virus-English.pdf> (accessed on: 28.11.2022) doi 10.21201/2021.6409

Ting R. S.-K., Aw Yong Y.-Y., Tan M.-M., Yap C.-K. Cultural Responses to Covid-19 Pandemic: Religions, Illness Perception, and Perceived Stress // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. doi 10.3389/fpsyg.2021.634863

United Nations General Assembly. Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future [Online]. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf> (accessed on: 28.11.2022).

EVS/WVS. – European Values Study and World Values Survey: Joint EVS/WVS 2017-2022 Dataset (Joint EVS/WVS). JD Systems Institute & WVSA. Dataset Version 4.0.0. [Online]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSEVSjoint2017.jsp> (accessed on: 28.11.2022). doi 10.14281/18241.21

References

Apresyan R. About the emergence of the concept of “golden rule”. *Jeticheskaja mysl'*, 2008, no. 8, pp. 194–212. (in Russ.)

Agamben G. Second Class Citizens [Online]. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/grazhdane-vtorogo-sorta> (accessed on: 28.11.2022). (in Russ.)

Beck U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu [Risk Society. Towards a New Modernity]. Moscow, Progress-Tradition, 2000. (in Russ.)

Chater N. Facing up to the uncertainties of COVID-19. *Nat Hum Behav.*, 2020, no. 4, p. 439. URL: <https://www.nature.com/articles/s41562-020-0865-2> (accessed on: 28.11.2022).

Chmel K, Klimova A, Savin N. The effect of risk framing on support for restrictive government policy regarding the COVID-19 outbreak. *PLoS ONE*, 2021, no. 16(10): e0258132. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0258132>

COVID-19 Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University (JHU) [Online]. URL: <https://origin-coronavirus.jhu.edu/map.html> (accessed on: 28.11.2022)

Durkheim E. Sociologija, ee metod, predmet i prednaznachenie [Sociology, its method, subject and destination]. M.: Kanon, 1995. (in Russ.)

Excess mortality during COVID-19 [Online]. Our world in Data. URL: <https://ourworldindata.org/excess-mortality-covid> (accessed on: 28.11.2022).

EVS/WVS. – European Values Study and World Values Survey: Joint EVS/WVS 2017-2022 Dataset (Joint EVS/WVS). JD Systems Institute & WWSA. Dataset Version 4.0.0. [Online]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSEVSjoint2017.jsp> (accessed on: 28.11.2022). doi 10.14281/18241.21

Gaaze K. COVID-19 and the future of leisure time. In: *Goodbye COVID?* Ed. K. Gaaze, V. Danilov, I. Dudenkova, D. Kralechkin, P. Safronov. M.: Publishing house of the Gaidar Institute, 2020. (in Russ.)

Gumilyov L. Ethnogenesis and the Earth's biosphere. St. Petersburg: Crystal, 2001. (in Russ.)

Inglehart R. The Silent Revolution. Princeton University Press, 1977.

Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge University Press, 2005, p. 57.

Hofstede G. Dimension Data Matrix [Online]. URL: <http://www.geerthofstede.nl/> (accessed on: 28.11.2022).

Kagarlitsky B. Is the virus to blame? In: *Goodbye COVID?* Ed. K. Gaaze, V. Danilov, I. Dudenkova, D. Kralechkin, P. Safronov. M.: Publishing house of the Gaidar Institute, 2020. (in Russ.)

Keller E., Newman J., Ortmann A., Jorm L., Chambers G. How Much Is a Human Life Worth? A Systematic Review. *Value Health*, 2021, vol. 24, no. 10, pp. 1531–1541. doi 10.1016/j.jval.2021.04.003

Kibongani Volet A., Scavone C., Catalán-Matamoros D., Capuano A. Vaccine Hesitancy Among Religious Groups: Reasons Underlying This Phenomenon and Communication Strategies to Rebuild Trust. *Front. Public Health*, 2022, no. 10, p. 824560. doi 10.3389/fpubh.2022.824560

Kotsiubinsky D. “New totalitarianism” of the XXI century. Will the fashion for security and prohibitions go away, will the fashion for freedom and right return? St Petersburg: Strategy, 2022. (in Russ.)

MacAskill W. *What We Owe the Future*. London. Oneworld Publications, 2022.

Makusheva M., Nestik T. Socio-Psychological Preconditions and Effects of Trust in Social Institutions in a Pandemic. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2020, no. 6, pp. 427–447. doi 10.14515/monitoring.2020.6.1770 (in Russ.)

Morgunov B., Telnova I., Shchigolev B. Analysis of the impact of the novel coronavirus infection pandemic on air pollution and the reduction of pollutant emissions [Online]. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/377998000.pdf> (accessed on: 28.11.22) (in Russ.)

Newport F. Religion and the COVID-19 Virus in the U.S. [Online]. URL: <https://news.gallup.com/opinion/polling-matters/307619/religion-covid-virus.aspx> (accessed on: 28.11.2022).

Pervushin N. Double Bind in Russian Media during the COVID-19 Epidemic. *Reflexio*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 44–65. doi 10.25205/2658-4506-2020-13-2-44-65 (in Russ.)

Pervushin N. The Media Sphere During the COVID-19 Pandemic: Regional and Discursive Differences in Agenda-Setting. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2022, no. 3, pp. 277–300. doi 10.14515/monitoring.2022.3.1984 (in Russ.)

Pinker S. The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has declined. New York: Viking Books, 2011.

Schulmann E., Besspalova N. Nation States in the context of a pandemic In: *Goodbye COVID?* Ed. K. Gaaze, V. Danilov, I. Dudenkova, D. Kravtchuk, P. Safronov. M.: Publishing house of the Gaidar Institute, 2020. (in Russ.)

Stickings T., Elsom J. What is a British life worth (and why is it just one fifth of a German's?) £2.4 million a person is key number in calculating when to leave lockdown [Online]. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-8253381/Value-life-compared-world-amid-coronavirus-crisis.html> (accessed on: 28.11.2022).

Tartakovskaya I. Trust in the Face of a Pandemic: In Search for a Common Ground. *Sotsiologicheskii Zhurnal*, 2021, vol. 27, no. 2, pp. 68–89. doi 10.19181/socjour.2021.27.2.8087 (in Russ.)

The Inequality Virus [Online]. URL: <https://webassets.oxfamamerica.org/media/documents/The-Inequality-Virus-English.pdf> (accessed on: 28.11.2022). doi 10.21201/2021.6409

Ting R. S.-K., Aw Yong Y.-Y., Tan M.-M., Yap C.-K. Cultural Responses to Covid-19 Pandemic: Religions, Illness Perception, and Perceived Stress. *Frontiers in Psychology*, 2021, vol. 12. doi 10.3389/fpsyg.2021.634863

Toroeva D. People against Agamben: What turned a trendy philosopher into a dangerous freak? [Online]. URL: <https://gorod-812.ru/narod-protiv-agambenachto-prevratilo-modnogo-filosofa-v-opasnogo-frika/> (accessed on: 28.11.2022). (in Russ.)

United Nations General Assembly. Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future. URL: <https://sustainablede->

velopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf (accessed on: 28.11.2022).

Values in crisis. Project “Dynamics of values and attitudes during the COVID-19 pandemic in a comparative perspective” [Online]. URL: https://www.hse.ru/data/2021/10/05/1460516987/Human_Capital_NCMU_Digest_2_Values_In_Crisis_2021.pdf (accessed on: 28.11.2022). (in Russ.)

Welzel C. *Rozhdenie svobody* [Freedom rising], Moscow: VTsIOM, 2017.

World Values Survey 2017–2022 [Online]. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/F00011082-EVS_WVS_Joint_V3_0_Results_by_Country.pdf (accessed on: 28.11.2022). doi 10.14281/18241.19

Yanitsky O. Russia as a Risk Society: Methodology of the Analysis and Concept Outlines. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 2004, no. 2, pp. 228–229. (in Russ.)

Информация об авторе

Первушин Николай Сергеевич, ст. преподаватель кафедры психологии личности Института медицины и психологии им. Зельмана Новосибирского государственного университета, младший научный сотрудник Междисциплинарного центра прикладного анализа поведения ИМПЗ НГУ (Новосибирск, Россия)
AuthorID RSCI 806942

Information about the Author

Nikolay S. Pervushin, senior lecturer of the Section of Personality Psychology of the Zelman Institute for Medicine and Psychology of Novosibirsk State University, junior researcher of the Center for Behavior Analysis at Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)
AuthorID RSCI 806942

*Статья поступила в редакцию 28.11.2022;
одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 18.12.2022
The article was submitted 28.11.2022; approved after reviewing 15.12.2022;
accepted for publication 18.12.2022*

Переводная статья

Самовосприятие, восприятие родителями и метавосприятие межличностной эффективности подростков с расстройствами аутистического спектра¹

Кеннет Д. Локк, Гвен Э. Митчелл

Аннотация

Предпосылки: как подростки с расстройствами аутистического спектра (РАС) воспринимают свои навыки межличностного взаимодействия и насколько точным является это «восприятие самооффективности»? А как они воспринимают оценку их коммуникативных навыков со стороны родителей, и точно ли это «метавосприятие»?

Процедура: мы использовали циркумлекс² шкал межличностной эффективности, чтобы оценить самовосприятие и восприятие родителями эффективности подростков с РАС ($n = 22$) и без РАС ($n = 22$) в широком спектре типов социального поведения, отличающихся по степени субъектности (от настойчивого и контролирующего до робкого и уступчивого) и степени общения (от дружелюбного и готового к сотрудничеству до настороженного и дистанцирующегося). Мы также оценили метавосприятие подростками восприятия их родителей и метавосприятие родителями восприятия подростков.

Результаты: родители подростков с РАС не были уверены в коммуникативных навыках своих детей (особенно касающихся установления контакта с другими и руководства ими), но они правильно предугадывали, что их дети будут выражать большую степень уверенности, чем они. Действительно, подростки с РАС ощущали себя столь же эффективными, как и подростки из контрольной группы, и не осознавали степень, в которой их родители не разделяли их уверенность. Тем не менее, подростки с РАС и подростки из контрольной группы продемонстрировали схожие уровни соответствия между оценками родителей и детей и точности метавосприятия, касающегося условных сильных и слабых сторон подростка.

Выводы: подростки с РАС были слишком уверены в себе, что может защищать их от чувства разочарования, но лишь только если они принимают участие в общественной деятельности, которая может улучшить их социальные навыки. Наблюдаемое согласие относительно условных сильных и слабых сторон может позволить родителям и специалистам использовать сильные стороны для того, чтобы укрепить уверенность подростка в себе, одновременно работая с ним над его слабостями.

¹ Читателю журнала предлагается перевод следующей статьи: Locke, K. D., & Mitchell, G. E. (2016). Self-perceptions, parent-perceptions, and meta-perceptions of the interpersonal efficacy of adolescents with autism spectrum disorder. *Research in Autism Spectrum Disorders*, 31, 19–29. <https://doi.org/10.1016/j.rasd.2016.07.006/> Перевод публикуется с разрешения авторов.

² В оригинале использовано понятие *circumplex*, которое означает циклическую структуру, образованную некоторым набором переменных, изображенных в виде векторов в n -мерном пространстве; поэтому наиболее корректными вариантами перевода были бы словосочетания «циклическая структура» или «круговая модель». Однако вслед за рядом русскоязычных статей (см., к примеру, Малащенко М. Д., Стрижова Е. А. Адаптация методики оценки базового аффекта М. Йик, Дж. А. Расселла и Дж. Х. Штайгера // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 14, № 1. С. 38–60), а также из соображений лаконичности здесь и далее будет использоваться именно транслитерация исходного термина. – Прим. пер.

Благодарность

Мы благодарны всем, кто выразил готовность принять участие, а также Кэрри Холл, Тревору Холлу и Джароду Фитцджеральду за помощь в сборе данных.

1. Введение

Представления о самоэффективности – самоотнесенные восприятия, согласно которым субъект может успешно выполнить некоторое действие или задание [Bandura, 1997]. Соответственно, представления о межличностной самоэффективности – это самоотнесенные восприятия, согласно которым субъект может успешно выполнить некоторые коммуникативные действия или задачи (к примеру, «я могу заставить других выслушать то, что хочу сказать» или «я могу избежать споров»). Развитие позитивной межличностной самоэффективности важно, так как люди склонны пробовать и принимать участие в деятельности, например в игре с другими, и действиях, например внесении предложений, в той мере, в которой они ожидают успеха в этой деятельности и действиях [Bandura, 1997]. В то же время развитие правильной межличностной самоэффективности важно для осознания того, какие типы поведения являются сильными сторонами человека (которые в большей степени приносят положительные результаты), а какие – слабостями (те, над которыми, возможно, они захотят поработать). Устойчивые дефициты в области социальной коммуникации и социального взаимодействия – важнейшие критерии для диагностики расстройств аутистического спектра (РАС; American Psychiatric Association [DSM-5], 2013). Следовательно, если представления подростков об их межличностной самоэффективности правильно отражают их коммуникативные навыки, то подростки с РАС должны сообщать о более низкой межличностной эффективности, нежели их типично развивающиеся сверстники. Но правильно ли осознают подростки с РАС свои сильные и слабые стороны в области коммуникации?

Результаты исследований, посвященных межличностной самоэффективности детей старшего возраста и подростков с РАС, неоднозначны. С одной стороны, в большинстве исследований было показано, что молодые люди с РАС оценивают свои социальные навыки более негативно, чем их ровесники без РАС [Johnson et al., 2009; Vickerstaff et al., 2007]. С другой стороны, молодые люди с РАС могут сомневаться в своей способности осуществлять лишь некоторые отдельные виды социального поведения (к примеру, самоутверждение), а в остальных случаях – нет (к примеру, сотрудничество) [Koning, Magill-Evans, 2001]. Также как минимум одно исследование показало, что молодые люди с РАС и без РАС сообщают об одинаковом уровне социальной компетентности [Lerner et al., 2012]. Важно отметить, что нет свидетельств переоценки своей социальной компетентности подростками в целом; например, подростки без РАС не оценивают свои социальные навыки или черты личности выше, чем их родители и учителя [Johnson et al., 2009;

Koning, Magill-Evans, 2001; Schriber et al., 2014]. Напротив, в ряде исследований молодые люди с РАС оценивали свои социальные навыки значительно выше, чем указывали их родители или учителя [Green et al., 2000; Knott et al., 2006; Koning, Magill-Evans, 2001; Lerner et al., 2012; McMahon, Solomon, 2015; Vickerstaff et al., 2007]. В целом, предыдущие исследования свидетельствуют о том, что молодые люди с РАС могут признавать наличие проблем в социальной сфере, но при этом недооценивать их широту и выраженность.

Шрибер и коллеги [Schriber et al., 2014] описали аналогичные результаты и в случае личностных черт, входящих в «большую пятерку»: молодые люди с РАС оценивали себя более позитивно, чем их родители, но менее позитивно, чем типично развивающиеся молодые люди (в контрольной группе). Авторы также исследовали соответствие между детскими и родительскими оценками двумя дополнительными способами. Во-первых, для каждой черты они вычислили корреляции между родительской оценкой и самооценкой ребенка. Эти корреляции, ориентированные на личностные черты, показывают степень соответствия представлений ребенка и родителя относительно того, какую степень выраженности определенной черты демонстрирует ребенок. Во-вторых, для каждой детско-родительской диады они вычислили корреляцию между профилем самооценок ребенка и профилем оценок ребенка родителем для различных черт. Эти корреляции, ориентированные на диады, показывают степень соответствия между представлениями ребенка и родителя о том, какие черты в большей или меньшей степени характерны для ребенка. Как в группе с РАС, так и в контрольной группе Шрибер и соавторы обнаружили значительную степень соответствия между оценками родителей и детей по обоим показателям. Тем не менее контрольная группа проявила более высокую степень соответствия, ориентированного на диаду (касающегося того, какие черты лучше описывали ребенка), хотя группа с РАС и контрольная группа демонстрировали схожий уровень соответствия между оценками родителей и детей, ориентированного на черты (касающегося оценки ребенка по каждой черте).

Настоящее исследование было разработано таким образом, чтобы опираться на предыдущие работы в двух аспектах. Во-первых, оценивалось не только самовосприятие (то, как подростки воспринимают себя) и родительское восприятие (то, как родители воспринимают своих детей-подростков), но и восприятие восприятий других людей, или *метавосприятие* (Kenny, 1994). В контексте данного исследования метавосприятие относится к: а) восприятию подростками восприятия их родителями межличностной эффективности их детей и б) восприятию родителями самовосприятия их детьми собственной межличностной эффективности. Лица с РАС обычно испытывают затруднения при решении задач, связанных с метарепрезентациями – ментальными репрезентациями ментальных репрезентаций, таких как восприятие, мысли, эмоции и намерения [Grainger et al., 2016]. В частности, лица с РАС склонны

выполнять «метакогнитивные» задачи (включающие репрезентирование ментальных репрезентаций другого), а также задачи на «модель психического» или «чтение мыслей» (включающие репрезентирование ментальных состояний или точек зрения другого человека) хуже, чем типично развивающиеся индивиды [Harré, Frith, 2014; Lombardo, Cohen, 2011]. Поскольку метавосприятие является метарепрезентацией восприятия других людей, лица с РАС могут сталкиваться с трудностями при формировании правильного метавосприятия и отделении последнего от их собственного восприятия.

Во-вторых, в текущем исследовании оценивалась эффективность для типов поведения, находящихся в каждом регионе межличностного циркумплекса, хорошо валидизированной модели для концептуализации и организации межличностных диспозиций и действий [Gurtman, 2009; Wiggins, 2003], включая также диспозиции и действия детей и подростков [Trucco et al., 2014]. Как показано на схеме 1, графически циркумплекс определяется двумя ортогональными осями. Вертикальная («субъектная») ось простирается от межличностной ассертивности, настойчивости, стремления к контролю и уверенности в себе до межличностной робости, уступчивости и стремления к избеганию конфликтов. Горизонтальная («ориентированная на общение») ось охватывает диапазон от стремления к сотрудничеству, дружелюбия, теплоты и эмпатичности до межличностной настороженности, стремления к дистанцированию и отстраненности. Различные исследовательские парадигмы (например, психометрическая, когнитивная, нейроэндокринная) предполагают, что субъектность и ориентация на общение являются важнейшими, фундаментальными измерениями социального познания и поведения [Locke, 2015]. Используя основанные на межличностном циркумплексе показатели межличностной эффективности, настоящее исследование оценивало эффективность для такого спектра типов поведения, который был одновременно уже и шире, чем те, которые обычно рассматриваются в исследованиях социальной компетентности. В частности, если показатели социальных навыков в предыдущих исследованиях включали некоммуникативные виды поведения (в том числе отражающие добросовестность, саморегуляцию и самоконтроль), то текущая работа более сфокусирована на взаимодействиях со сверстниками. Кроме того, в то время как предыдущие исследования обычно концентрировали внимание на коммуникативных видах поведения, расположенных на связанной с общением стороне циркумплекса (например, дружелюбии, экспрессивности и уступчивости), настоящее исследование оценивало эффективность для более широкого спектра типов поведения, включающих также не связанную с общением сторону (например, соревновательность, установление границ и сокрытие чувств).

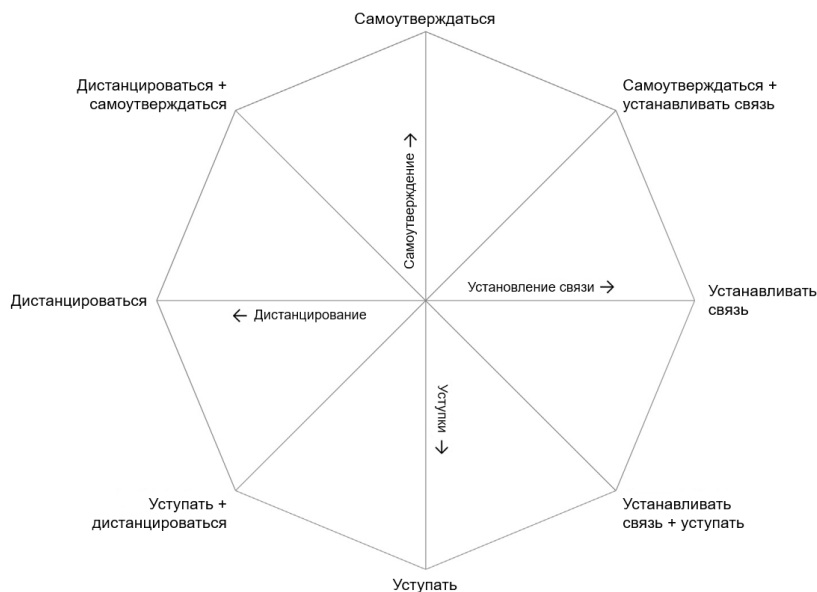

Схема 1. Межличностный циркумплекс

Итак, в настоящем исследовании мы использовали межличностный циркумплекс для оценки самовосприятия и восприятия родителями межличностной эффективности подростков с РАС и без РАС, а также метавосприятия подростков относительно восприятия их родителей и метавосприятия родителей относительно восприятия подростков. Мы провели два типа анализа. Во-первых, мы анализировали *абсолютную* степень соответствия между оценками родителей и детей и метаточность. Метаточность описывает степень того, насколько метавосприятие точно [Vazire, Carlson, 2010], то есть насколько представления подростков и их родителей об оценках друг друга соответствуют реальным оценкам. Во-вторых, вслед за Шрибером и коллегами [Schriber et al., 2014], мы использовали ориентированные на диады и на шкалы корреляции для оценки а) соответствия между детскими и родительскими оценками того, является ли подросток более или менее эффективным на некотором участке циркумплекса *по сравнению* с другими подростками или *в сравнении* с другими участками, и б) метаточность родителей и подростков в предсказании того, будут ли оценки друг друга по конкретной шкале высокими или низкими *относительно* показателей других оценщиков или оценок по другим шкалам. Основываясь на предыдущих исследованиях, мы выдвинули гипотезу, что родители подростков с РАС будут выражать меньшую уверенность в социальных навыках своего ребенка, чем сам ребенок или родители подростков из контрольной группы. Тем не менее, принимая во внимание неоднозначные результаты прошлых исследований, мы не выдвигали гипотез относительно того, выражают ли подростки с РАС меньшую уверенность в своих социаль-

ных навыках, чем подростки из контрольной группы. Мы также предположили, что (поскольку создание точных метарепрезентаций может быть затруднительно для лиц с РАС [Lombardo, Baron-Cohen, 2011]) метавосприятие подростков с РАС будет менее точным (и, возможно, более эгоцентрически согласующимися с их самовосприятием), чем метавосприятие их родителей или подростков из контрольной группы.

2. Процедура

2.1. Участники исследования

Выборку составили 22 подростка с диагнозом РАС по DSM-5 (17 юношей, 5 девушек; 17 представителей европеоидной расы, 2 латиноамериканца, 2 коренных американца, 1 представитель другой этнической принадлежности); 22 подростка, которые, согласно полученной от их родителей информации, не имели РАС (13 юношей, 7 девушек, у 2 участников пол не указан; 16 представителей европеоидной расы, 1 латиноамериканец, 1 коренной американец, 4 представителя другой этнической принадлежности), а также по одному родителю каждого подростка (т. е. 44 родителя). Несмотря на то, что мы стремились набрать как минимум 25 подростков в группу, полученные выборки ($n = 22$ в каждой группе) тем не менее обеспечивают 74 % мощность для обнаружения существенных ($d = 0,8$) различий между подростками с РАС и без РАС, а также 95 % мощность для обнаружения существенных различий между оценками родителей и подростков внутри каждой группы.

Группа с РАС была несколько старше (средний возраст – 14,3 года; $SD = 1,6$; диапазон – 12–18 лет), чем контрольная группа (средний возраст – 13,2 года; $SD = 1,8$; диапазон – 12–17 лет [одно значение было пропущено]), $t(41) = 2,20$, $p = 0,033$, d Коэна = 0,65. Группа с РАС была набрана и прошла исследование в трех клиниках, расположенных на северо-западе Соединенных Штатов, со специализацией на диагностике нарушений развития нервной системы (Центр инвалидности и человеческого развития при Университете Айдахо – Центр детства и юношества; Образовательные и психологические службы – Кларкстон; Северо-западный центр нейроповеденческого здоровья). Клиники задействовали стандартные протоколы оценки, включающие сбор анамнеза, оценку адаптивного функционирования, оценку поведения лицом, осуществляющим уход, и проведение ADOS³ и/или ADI⁴. Диагнозы были подтверждены лицензированными психологами с докторской степенью, работавшими в клиниках на момент проведения исследования. Контрольная группа была набрана и прошла исследование в двух общеобразовательных школах, расположенных воз-

³ ADOS (Autism Diagnostic Observation Schedule, План диагностического обследования при аутизме) – методика, используемая для клинической диагностики РАС. – Прим. пер.

⁴ ADI (Autism Diagnostic Interview, Интервью для диагностики аутизма) – методика, используемая для клинической диагностики РАС. – Прим. пер.

ле одной из клиник. Подростки в обеих группах должны были быть в возрасте от 12 до 18 лет, а также быть способны самостоятельно заполнить опросник, который соответствовал уровню чтения ученика шестого класса (по оценке родителя или врача, знакомого с этим подростком).

2.2. Циркумплекс шкал межличностной эффективности

Циркумплекс шкал межличностной эффективности [Circumplex Scales of Interpersonal Efficacy, CSIE; Locke, Sadler, 2007; Locke, 2011] оценивает уверенность человека в том, что он или она может успешно осуществить тип поведения, связанный с каждой гранью, или октантом⁵, циркумплекса, изображенного на схеме 1. Полная форма CSIE состоит из восьми шкал-октантов, содержащих по четыре пункта. Тем не менее, поскольку пилотное исследование показало, что некоторые дети сочли задание (особенно метаоценивание) трудным, в настоящем исследовании использовалось только по два вопроса из каждой шкалы-октанта, приведенных в таблице 1. Мы специально выбрали пункты, которые ранее продемонстрировали хорошие психометрические характеристики и (поскольку CSIE изначально разрабатывалась на материале студентов колледжей и не использовалась в случае более молодых испытуемых с РАС) были относительно конкретными и простыми для понимания. По мере передвижения по циркумплексу каждая шкала-октант отражает возрастающее слияние двух осевых измерений: например, «высказываться» – действие самоутверждения, «заставить других оставить меня в покое» – дистанцирующее действие, а «сказать другим, когда я раздражен» – смесь самоутверждающего и дистанцирующего. CSIE легко понимает большинство подростков (индекс удобочитаемости Флеша – Кинкейда составляет 6,5); также он продемонстрировал хорошие психометрические характеристики (т. е. надежность, валидность и подтвержденную структуру циркумплекса) в предыдущих исследованиях, проведенных на материалах студенческой выборки и общей выборки населения (см., например, [Hopwood et al., 2011; Locke, Adamic, 2012]). Так, Локк и Сэдлер [Locke, Sadler, 2007] установили, что студенты, продемонстрировавшие более высокий уровень самооэффективности по CSIE в случае ассертивного/субъектного поведения, впоследствии показывали более ассертивное/субъектное поведение во время взаимодействия со студентами, которых прежде не встречали.

⁵ В данном случае октант – это одна из восьми областей, образуемых осями циркумплекса. – Прим. пер.

Таблица 1

Пункты по каждому октанту циркумплекса шкал
межличностной эффективности

Table 1

Items from Each Octant of the Circumplex Scales of Interpersonal Efficacy

Шкала-октант	Пункт
Самоутверждаться	Я могу высказаться, когда мне есть что сказать; Я могу быть настойчивым
Самоутверждаться + дистанцироваться	Я могу одержать верх в любом споре или состязании; Я могу сказать другим, когда я раздражен
Дистанцироваться	Я могу заставить других оставить меня в покое; Я могу быть холодным и недружелюбным, когда этого захочу
Уступать + дистанцироваться	Я могу скрывать свои мысли и чувства; Я могу вести себя тихо
Уступать	Я могу избегать споров; Я могу позволить другим руководить
Уступать + устанавливать связь	Я могу следовать правилам; Я могу быть приятным (хорошим)
Устанавливать связь	Я могу «вписываться»; Я могу понять чувства других
Самоутверждаться + устанавливать связь	Я могу быть лидером; Я могу заставить других выслушать то, что хочу сказать

Примечание. Когда родители оценивали своих детей, в каждом пункте «я» заменялось на «мой ребенок» (что затем требовало внесения нескольких незначительных поправок для согласования подлежащего и сказуемого).

2.2.1. Оценки детей

Подростки сначала оценивали себя по CSIE, им предлагалась следующая инструкция: «Для каждого из следующих вариантов поведения оцените, насколько вы уверены в том, что можете вести себя таким образом со сверстниками»; оценка производилась по 11-балльным шкалам, варьирующим от 0 («совершенно не уверен») до 5 («умеренно уверен») и до 10 («абсолютно уверен»). После ответа на несколько вопросов социально-демографического характера подростки снова заполняли CSIE, но на этот раз их предварительно снабжали иной инструкцией: «Ваш родитель, который помогает нам в этом исследовании, также оценил вас по этим пунктам. Пожалуйста, укажите ниже, как вы думаете, как ваш родитель оценил вас, т. е. насколько ваша

мама или ваш папа уверены в том, что вы можете вести себя таким образом с вашими сверстниками». Шкала ответов для этих метавосприятий была соответствующим образом скорректирована, варьируя от «**моя мама/мой папа** совершенно не уверен, что...» (0) до «**моя мама/мой папа** абсолютно уверен, что...» (10).

2.2.2. Оценки родителей

Родители сначала работали по следующей инструкции: «Для каждого из следующих вариантов поведения оцените, насколько вы уверены в том, что ваш ребенок может вести себя таким образом при взаимодействии со сверстниками». После предоставления социально-демографической и диагностической информации о своем ребенке родители снова заполняли CSIE, но на этот раз их просили «обозначить, как, по вашему мнению, ваш ребенок оценил себя, т. е. насколько ваш ребенок уверен в том, что он или она может вести себя таким образом со сверстниками». Шкала ответов для этих метавосприятий была соответствующим образом скорректирована, варьируя от «**мой ребенок** совершенно не уверен, что...» (0) до «**мой ребенок** абсолютно уверен, что...» (10).

2.3. Процедура

Эксперты заполняли онлайн-опросник. Каждый подросток и один из родителей этого подростка заполняли опросник в печатном виде. Они делали это одновременно, но сидели по отдельности и были заверены, что их ответы не будут доступны друг другу, а также что они не могут быть идентифицированы экспериментаторами (поскольку мы использовали случайным образом приписываемые числа для обозначения и сопоставления опросников родителя и ребенка). Родители и подростки давали письменное информированное согласие. Процедура была одобрена Институциональным наблюдательным советом Университета Айдахо и соответствует этическим стандартам Хельсинкской декларации.

3. Результаты

В таблице 2 показаны средние показатели восприятия и метавосприятия межличностной эффективности подростков с РАС и без РАС и их родителей. Поскольку группа с РАС была несколько старше контрольной группы, мы проверили, коррелирует ли возраст с какими-либо из зависимых переменных, а именно восприятиями детей, восприятиями родителей, метавосприятиями детей, метавосприятиями родителей, метаточностью детей (метавосприятие ребенка – восприятие родителя) и метаточностью родителей (восприятие родителя – восприятие ребенка). Из 48 проверенных корреляций (6 переменных $\times$ 8 шкал) только две были статистически значимыми. Возраст был отрицательно связан с детским метавосприятием самоутверждения, $r(41) = -0,37$, $p = 0,013$, а также поведением по установлению контакта, $r(41) = -0,40$,

$p = 0,009$ (все остальные $r_s \leq 0,29$, все остальные $p_s \geq 0,06$). Кроме того, включение возраста в качестве ковариаты не изменило статистическую значимость обсуждаемых ниже результатов.

Таблица 2

Восприятие и метавосприятие подростками и родителями
межличностной эффективности подростков
с расстройствами аутистического спектра и без них

Table 2

Adolescents' and Parents' Perceptions and Meta-Perceptions of Interpersonal Efficacy
of Adolescents with and without Autism Spectrum Disorder

	РАС		Контрольная группа		$t(42)$	p	d_S Коэна
	M	SD	M	SD			
1	2	3	4	5	6	7	8
Самооценки подростков							
Самоутверждаться	6,36	2,65	7,41	2,30	-1,40	0,170	-0,42
Самоутверждаться + дистанцироваться	6,05	2,02	6,25	1,85	-0,35	0,728	-0,11
Дистанцироваться	5,89	2,43	6,82	2,23	-1,32	0,193	-0,40
Уступать + дистанцироваться	7,59	2,00	7,32	2,04	0,45	0,657	0,13
Уступать	6,09	2,50	7,07	2,12	-1,40	0,169	-0,42
Уступать + устанавливать связь	7,86	2,11	8,07	1,96	-0,33	0,741	0,10
Устанавливать связь	6,14	2,42	7,20	2,19	-1,54	0,132	-0,46
Самоутверждаться + устанавливать связь	5,93	2,74	7,16	2,43	-1,57	0,123	-0,47
Оценка ребенка родителем							
Самоутверждаться	4,77	2,53	7,00	1,94	-4,31	< 0,001	-1,30
Самоутверждаться + дистанцироваться	4,68	1,94	6,59	2,02	-3,20	0,003	-0,97

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8
Дистанцироваться	5,86	2,11	5,57	1,71	0,51	0,612	0,15
Уступать + дистанцироваться	5,23	2,98	6,43	2,09	-1,55	0,128	-0,47
Уступать	5,14	2,33	6,73	2,21	-2,32	0,025	-0,70
Уступать + устанавливать связь	6,07	1,85	8,23	1,71	-4,02	< 0,001	-1,21
Устанавливать связь	3,07	1,54	6,89	2,08	-6,93	< 0,001	-2,09
Самоутверждаться + устанавливать связь	3,70	1,85	6,82	2,17	-5,12	< 0,001	-1,54
Метавосприятие подростком родителя							
Самоутверждаться	6,39	3,18	7,70	1,94	-1,66	0,105	-0,50
Самоутверждаться + дистанцироваться	5,59	2,69	7,30	2,29	-2,27	0,029	-0,68
Дистанцироваться	5,50	2,92	6,93	1,95	-1,91	0,063	-0,58
Уступать + дистанцироваться	7,02	2,53	7,14	2,23	-0,16	0,875	-0,05
Уступать	6,27	2,80	6,70	2,06	-0,58	0,564	-0,18
Уступать + устанавливать связь	7,84	2,16	8,00	2,01	-0,25	0,802	-0,08
Устанавливать связь	5,95	2,66	8,02	1,93	-2,95	0,005	-0,89
Самоутверждаться + устанавливать связь	5,80	2,54	7,25	2,34	-1,97	0,055	-0,59
Метавосприятие родителем ребенка							
Самоутверждаться	6,32	2,68	7,75	1,62	-2,14	0,038	-0,65
Самоутверждаться + дистанцироваться	6,93	2,46	6,84	2,33	0,13	0,900	0,04
Дистанцироваться	6,75	2,46	6,09	1,83	1,01	0,319	0,30

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8
Уступать + дистанцироваться	7,32	2,27	7,25	2,23	0,10	0,920	0,03
Уступать	6,11	2,71	7,16	2,21	-1,40	0,168	-0,42
Уступать + устанавливать связь	7,70	2,26	8,68	1,46	-1,71	0,095	-0,51
Устанавливать связь	4,82	2,76	7,43	1,98	-3,60	0,001	-1,09
Самоутверждаться + устанавливать связь	5,95	2,50	7,00	1,94	-1,55	0,128	-0,47

Примечание. $N = 22$ для каждой ячейки таблицы.

3.1. Восприятие эффективности

Прежде всего мы провели смешанный дисперсионный анализ (ANOVA) применительно к восприятию межличностной эффективности подростков (см. верхнюю половину таблицы 2), где группа (РАС vs контрольная) выступала в качестве межсубъектной переменной, а октант и воспринимающий (родитель vs ребенок) – в качестве переменных внутри диады. В таблице 3 (с левой стороны) показаны результаты. Были обнаружены эффекты группы, октанта, воспринимающего, а также взаимодействия между ними (мы не будем рассматривать основные эффекты октанта, которые были значимыми во всех сериях анализа, и просто укажем на то, что люди в целом давали более высокие оценки по некоторым пунктам).

Таблица 3

Результаты трехфакторного дисперсионного анализа восприятия
и метавосприятия подростками и родителями
межличностной эффективности

Table 3

Results of 3-Way ANOVAs on Adolescents' and Parents' Perceptions
and Meta-Perceptions of Interpersonal Efficacy

Источник	Восприятие				Метавосприятие		
	df	F	p	η^2_p	F	p	η^2_p
1	2	3	4	5	6	7	8
Группа	1,42	19,27	0,000	0,31	7,02	0,011	0,14
Воспринимающий	1,42	14,73	0,000	0,26	0,02	0,891	0,00
Воспринимающий × Группа	1,42	6,92	0,012	0,14	0,22	0,642	0,01

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5	6	7	8
Октант	7,294	7,14	0,000	0,15	6,33	0,000	0,13
Октант × Группа	7,294	3,13	0,003	0,07	2,57	0,014	0,06
Октант × Воспринимающий	7,294	1,92	0,066	0,04	1,42	0,198	0,03
Октант × Воспринимающий × Группа	7,294	3,11	0,003	0,07	2,70	0,010	0,06

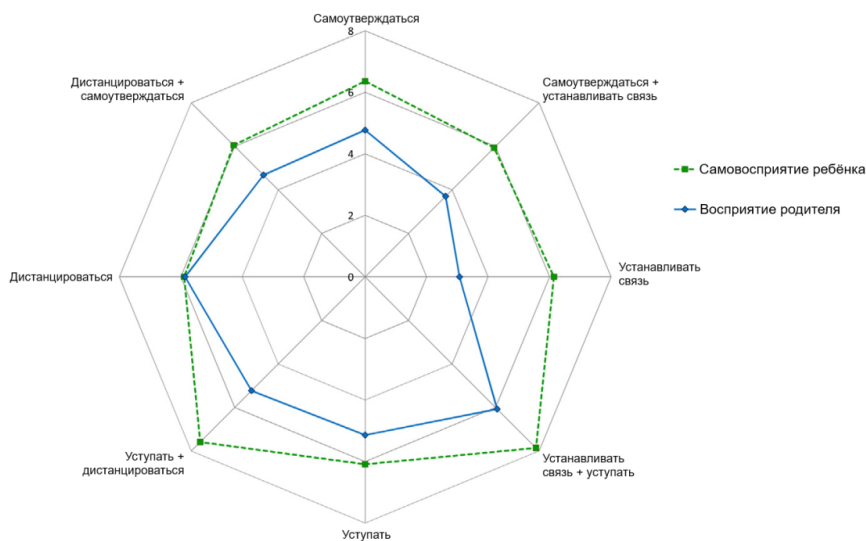

Схема 2. Восприятие подростками и родителями эффективности подростков с РАС в случае типов поведения, связанных с каждым октантом межличностного циркумплекса. Оценки осуществлялись по шкале от 0 до 10; таким образом, для каждой шкалы-октанта оценка, расположенная дальше от центра и ближе к периферии, означает более высокую эффективность

Мы разложили трехфакторное взаимодействие на два аспекта. В первую очередь мы отдельно проанализировали группу с РАС и контрольную группу. В контрольной группе не было ни эффекта воспринимающего ($F[1,21] = 0,70$, $p = 0,411$, $\eta^2_p = 0,03$), ни эффекта взаимодействия «воспринимающий × октант» ($F[7,147] = 1,86$, $p = 0,079$, $\eta^2_p = 0,08$). Эффекты воспринимающего показывают на расхождение между тем, как родители обычно воспринимают подростков, и тем, как подростки обычно воспринимают себя; таким образом, в контрольной группе не было свидетельств рассогласования детско-родительских оценок. Тем не менее в группе с РАС был как эффект воспринимающего ($F[1,21] = 21,73$, $p < 0,001$, $\eta^2_p = 0,51$), так и взаимодействия «воспринимающий × октант» ($F[7,147] = 2,86$, $p = 0,008$, $\eta^2_p = 0,12$). На схеме 2 сопоставляются средние оценки эффективности, сделанные подростками с РАС и их

родителями, с циркумлексом, а в таблице 4 проверяется рассогласование детско-родительских оценок внутри каждого октанта. Схема и таблица демонстрируют, что подростки с РАС, как правило, были более уверены в своих коммуникативных навыках, чем их родители, при этом различия были наибольшими в случае установления связи с другими и отсутствовали в случае дистанцирования от других.

Таблица 4

Различия между восприятием межличностной эффективности подростков с РАС подростками и родителями

Table 4

Differences between Adolescents' and Parents' Perceptions of the Interpersonal Efficacy of Adolescents with ASD

Октант CSIE	Восприятие подростками и родителями				
	$M_{\text{разность}}$	SD	$t(21)$	p	d_z Коэна
Самоутверждаться	1,59	3,11	2,40	0,026	0,51
Самоутверждаться + дистанцироваться	1,36	2,46	2,59	0,017	0,55
Дистанцироваться	0,02	3,32	0,03	0,975	0,01
Уступать + дистанцироваться	2,36	3,12	3,55	0,002	0,76
Уступать	0,95	3,70	1,21	0,240	0,26
Уступать + устанавливать связь	1,80	2,55	3,31	0,003	0,70
Устанавливать связь	3,07	2,62	5,48	< 0,001	1,17
Самоутверждаться + устанавливать связь	2,23	2,44	4,28	< 0,001	0,91

Мы также проанализировали по отдельности восприятие подростков и их родителей. В случае самооценки подростков не было эффекта группы ($F[1,42] = 2,37, p = 0,131, \eta_p^2 = 0,05$) или взаимодействия «группа $\times$ октант» ($F[7,294] = 0,95, p = 0,465, \eta_p^2 = 0,02$). Это указывает на то, что подростки с РАС и без РАС проявляли одинаковую межличностную самоэффективность. Эффекты группы ($F[1,42] = 31,11, p < 0,001, \eta_p^2 = 0,43$) и взаимодействия «группа $\times$ октант» ($F[7,294] = 5,43, p < 0,001, \eta_p^2 = 0,11$) в случае оценки детей

родителями напротив были значимыми. Как показано во втором разделе таблицы 2, родители подростков с РАС были (по сравнению с родителями детей из контрольной группы) меньше уверены в том, что их ребенок может проявлять любой тип социального поведения, кроме дистанцирования от других; в особенности они сомневались в том, что их ребенок мог бы продемонстрировать самоутверждение и/или установить контакт с другими.

3.2. Метавосприятие эффективности

Далее мы провели смешанный дисперсионный анализ применительно к метавосприятиям (см. нижнюю половину табл. 2), где группа (РАС vs контрольная) была межсубъектной переменной, а октант и воспринимающий (родитель vs ребенок) – переменными внутри диады. В таблице 3 (правая сторона) представлены результаты. Были обнаружены значимые эффекты группы, октанта, взаимодействий «октант × группа», а также «октант × воспринимающий × группа». Чтобы разделить трехфакторное взаимодействие на составляющие, мы провели ANOVA отдельно для подростков и родителей. В случае метавосприятия подростков присутствовал эффект группы ($F[1,42] = 4,97$, $p = 0,031$, $\eta^2_p = 0,11$), но не взаимодействия «группа × октант» ($F[7,294] = 1,65$, $p = 0,122$, $\eta^2_p = 0,04$). По сравнению с подростками из контрольной группы подростки с РАС ожидали, что их родители будут менее уверены в их социальных навыках. В случае метавосприятия родителей обнаружился незначительный эффект группы ($F[1,42] = 2,88$, $p = 0,097$, $\eta^2_p = 0,06$) и значимое взаимодействие «группа × октант» ($F[7,294] = 3,76$, $p = 0,001$, $\eta^2_p = 0,08$). Как показано в четвертом разделе таблицы 2, по сравнению с родителями детей из контрольной группы родители подростков с РАС ожидали, что их дети будут чувствовать себя менее эффективными, особенно в отношении установления контакта с другими.

3.3. Сравнение восприятий и метавосприятий

Чтобы сравнить восприятия и метавосприятия (т. е. верхнюю и нижнюю половину табл. 2), мы провели смешанный дисперсионный анализ, где группа (РАС vs контрольная) выступала в качестве межсубъектной переменной, а октант, воспринимающий (родитель vs ребенок) и тип оценки (восприятие vs метавосприятие) – переменными внутри диады. В таблице 5 представлены соответствующие результаты (т. е. включающие тип оценки). Были выявлены значимые эффекты оценки, взаимодействий «оценка × воспринимающий», а также «оценка × воспринимающий × группа». Мы разложили взаимодействия на два аспекта.

Таблица 5

Результаты четырехфакторного дисперсионного анализа,
сравнивающего восприятие и метавосприятие

Table 5

Results of 4-Way ANOVA Comparing Perceptions
and Meta-Perceptions

Источник	<i>df</i>	<i>F</i>	<i>p</i>	η^2_p
Тип оценки	1,42	24,94	0,000	0,37
Оценка × Группа	1,42	3,85	0,056	0,08
Оценка × Воспринимающий	1,42	14,00	0,001	0,25
Оценка × Воспринимающий × Группа	1,42	8,96	0,005	0,18
Октант × Оценка	7,294	0,88	0,525	0,02
Октант × Оценка × Группа	7,294	0,70	0,676	0,02
Октант × Оценка × Воспринимающий	7,294	0,89	0,515	0,02
Октант × Оценка × Воспринимающий × Группа	7,294	1,87	0,074	0,04

Таблица 6

Расхождения между метавосприятием и восприятием оценщика
или оцениваемого

Table 6

Discrepancies between Meta-Perceptions and the Rater's or the Target's Perceptions

	Группа с РАС					Контрольная группа				
	$M_{\text{разн}}$	SD	$t(21)$	p	d_z Козна	$M_{\text{разн}}$	SD	$t(21)$	p	d_z Козна
Восприятие родителем – метавосприятие ребенком	–1,48	1,77	–3,93	0,001	–0,84	–0,53	1,88	–1,33	0,199	–0,28
Восприятие ребенком – метавосприятие родителем	0,00	1,88	0,00	0,999	0,00	–0,11	1,80	–0,30	0,770	–0,06
Восприятие ребенком – метавосприятие ребенком	0,19	1,31	0,69	0,496	0,15	–0,22	0,80	–1,28	0,216	–0,27
Восприятие родителем – метавосприятие родителем	–1,67	1,55	–5,08	0,000	–1,08	–0,43	0,79	–2,53	0,020	–0,54

Во-первых, мы рассмотрели абсолютную метаточность. Мерой метаточности подростков выступает сравнение того, как, по мнению подростков, их родители оценивают их, с тем, как родители действительно их оценивают.

В таблице 6 (строка 1) показано, что в то время, как подростки из контрольной группы преимущественно были точны (т. е. их метавосприятие и реальное восприятие родителей не отличались друг от друга), подростки с РАС в основном переоценивали уверенность своих родителей в них. Мерой метаточности родителей является сравнение представлений родителей о самовосприятии подростков с тем, как подростки действительно себя воспринимают. В таблице 6 (строка 2) показано, что как в группе с РАС, так и в контрольной группе метавосприятие родителей было в целом точным (т. е. не отличалось от самовосприятия подростков).

Во-вторых, мы сравнили метапредставления воспринимающих с их собственным восприятием. Как показано в таблице 6 (строка 3), в обеих группах метавосприятие подростков не отличалось от их самовосприятия. Напротив, как видно из таблицы 6 (строка 4), восприятие и метавосприятие родителей различались: в частности, родители (особенно родители подростков с РАС) предполагали, что они чувствуют себя менее уверенными в социальных навыках своих детей, чем сами дети.

3.4. Октант-центрическое и диада-центрическое соответствие детско-родительских оценок и метаточность

Наконец, мы использовали коэффициенты внутриклассовой корреляции⁶ двусторонней смешанной модели ($ICC_{2,1}$) для количественной оценки октант-центрического и диада-центрического соответствия детско-родительских оценок, а также метаточности родителей и подростков. Перед тем как вычислить средние значения или статистики вывода, мы выполнили Z-преобразование Фишера для всех КВК; затем мы осуществили обратное преобразование Фишера, чтобы вернуть средние значения к коррелируемым показателям, прежде чем привести их в тексте ниже.

Для каждой группы (РАС и контрольная) и шкалы-октанта отдельно вычислялись октант-центрические КВК. Мы вычислили три типа КВК: (1) между самооценками и родительскими оценками, отражающие *соответствие детско-родительских оценок* относительно того, является ли эффективность ребенка в случае поведения из конкретного октанта более высокой или низкой по сравнению с другими детьми; (2) между самооценками и метавосприятием родителей, отражающие *метаточность родителей* относительно того, является ли самооэффективность ребенка, касающаяся принадлежащих к некоторому октанту типов поведения, более высокой или низкой по сравнению с другими детьми; (3) между родительскими оценками и метавосприятием детей, отражающие *метаточность подростков* относительно того, выше или ниже уверенность их родителей в их способности проявлять некоторый тип поведения по сравнению с другими родителями. Как показано в таблице 7, в среднем

⁶ Далее – КВК. – Прим. пер.

все КВК были положительными, их величина лежала в пределах от небольшой до умеренной, и они не отличались значимо друг от друга.

Таблица 7

КВК октант-центрического и диадацентрического соответствия
между оценками и метаточности

Table 7

Octant-Centered and Dyad-Centered Agreement
and Meta-Accuracy ICCs

	Октант-центрические				Диадацентрические			
	КВК	SD	$t(7)$	p	КВК	SD	$t(21)$	p
<i>Группа с РАС</i>								
Детско-родительское соответствие оценок	0,17	0,20	2,30	0,055	0,23	0,34	3,09	0,006
Метаточность родителей	0,30	0,21	4,10	0,005	0,32	0,41	3,64	0,002
Метаточность подростков	0,20	0,10	6,06	0,001	0,27	0,36	3,37	0,003
<i>Контрольная группа</i>								
Детско-родительское соответствие оценок	0,29	0,23	3,59	0,009	0,36	0,40	4,20	0,000
Метаточность родителей	0,30	0,20	4,34	0,003	0,35	0,34	4,85	0,000
Метаточность подростков	0,22	0,13	4,74	0,002	0,34	0,46	3,38	0,003

Диадацентрические коэффициенты внутриклассовой корреляции отдельно вычислялись для каждой детско-родительской диады по восьми октантам CSIE. Мы вычислили три типа диадацентрических КВК: (1) между профилем самооценок (по восьми октантам) и соответствующим профилем родительских оценок, отражающие *соответствие между оценками родителей и детей* относительно того, в каких октантах эффективность ребенка сравнительно высока или низка; (2) между профилями самооценок и метавосприятием родителей, отражающие *метаточность родителей* относительно того, в каких октантах самоэффективность ребенка является сравнительно высокой или низкой; (3) между профилями родительских оценок и метавосприятием подростков, отражающие *метаточность подростков* в отношении того,

в каких октантах их родители считали эффективность относительно высокой или низкой. Как показано в таблице 7, все эти КВК в среднем также были положительными (от небольших до умеренных по величине) и не отличались значимо друг от друга.

4. Обсуждение

Результаты позволяют предположить, что подростки с РАС обычно переоценивают свои коммуникативные навыки. Межличностная эффективность подростков с РАС в их самоотчетах была не ниже, чем самооценка межличностной эффективности подростков без РАС. Напротив (что согласуется с прошлыми исследованиями [Johnson et al., 2009; Lerner et al., 2012]), родители детей с РАС описывали своих детей как обладающих худшими социальными навыками, нежели это делали родители детей без РАС. Таким образом, родители подростков с РАС были значительно менее уверены в коммуникативных способностях своих детей, чем сами дети, в то время как в контрольной группе не было таких расхождений в детско-родительских оценках. Другие исследования также показали, что молодые люди с РАС оценивают свои социальные навыки выше, чем их родители или учителя [Green et al., 2000; Knott et al., 2006; Koning, Magill-Evans, 2001; McMahon, Solomon, 2015; Vickerstaff et al., 2007], и лишь одна из предыдущих работ показала (как и наша), что молодые люди с РАС оценивают свою социальную компетентность столь же высоко, как и их ровесники без РАС [Lerner et al., 2012].

Подростки с РАС и их родители продемонстрировали наиболее высокую степень согласованности оценок, когда определяли эффективность в случаях дистанцирующего поведения (к примеру, *я могу заставить их оставить меня в покое*), а наименьшую – при оценке поведения, связанного с установлением контакта (к примеру, *я могу «вписываться»*). Другими словами, в той мере, в которой суждения родителей были точны, они позволяют предположить, что подростки с РАС правильно оценивают свою способность дистанцироваться от других, но переоценивают свою способность устанавливать связи с другими людьми. Другое примечательное расхождение между восприятиями родителей и подростков относилось к октантам «уступать и дистанцироваться» и «самоутверждаться и устанавливать связь», свидетельствующее о том, что подростки с РАС также склонны переоценивать то, насколько успешно они оказывают влияние на других и сохраняют спокойствие, когда это уместно.

Несмотря на то, что расхождения между самооценками и родительскими оценками подростков с РАС теоретически могут отражать чрезмерно негативное отношение со стороны родителей, а не чрезмерно положительное отношение самих подростков, это кажется маловероятным по ряду причин. Во-первых, подростки с РАС в среднем действительно менее искусны в социальном плане, нежели их сверстники без РАС. Во-вторых, в предыдущих исследованиях подростков с РАС оценки учителей в большей степени согласовывались с оценками родителей, чем с самооценками подростков. В соответствии с эти-

ми данными при проведении настоящего исследования мы также попросили десять опытных профессионалов (например, нейропсихологов) дать оценку их уверенности в том, что типичный подросток с РАС мог бы проявлять типы поведения, связанные с каждым регионом межличностного циркумплекса. И мы установили, что данные экспертные оценки, как правило, схожи с оценками родителей и оказываются ниже самооценок подростков (более подробную информацию см. в дополнительном онлайн-приложении). В-третьих, метавосприятие родителей было более точным, чем метавосприятие подростков. В частности, родители правильно предсказывали межличностную самоэффективность подростков с РАС, в то время как подростки имели тенденцию к переоценке уверенности родителей в их социальных навыках.

Одно из возможных объяснений неточности метавосприятия подростков состоит в том, что (вероятно, в силу общих дефицитов в области «чтения мыслей» или способности поставить себя на место другого) они были эгоцентричны [Lombardo, Baron-Cohen, 2011]. Они просто предположили, что родители воспринимали их так же, как они сами воспринимают себя (в то время как в действительности подростки были более уверены в своих социальных навыках, чем их родители). Их родители наоборот правильно предполагали, что самовосприятие подростков будет отличным от их собственных восприятий и более позитивным.

Тем не менее актуальные результаты не обязательно означают, что метавосприятие подростков с РАС было более эгоцентрическим, чем метавосприятие подростков без РАС. Переоценка сходств между тем, как другие воспринимают нас, и тем, какими мы видим себя, весьма распространена даже среди взрослых [Kennu, 1994]. Более того, эгоцентрическое предположение, что другие воспринимают нас так, как мы воспринимаем себя, снижает метаточность только в той мере, в которой наши представления о себе расходятся с восприятием нас другими. Таким образом, в контрольной группе – поскольку не было обнаружено значимых различий между тем, как родители обычно воспринимают своих детей, как дети обычно воспринимают себя и типичным мнением детей о том, как родители их оценивают – невозможно отделить эгоцентричность от точности. Кроме того, сравнение метавосприятий подростков с РАС и без РАС позволяет предположить, что хотя подростки с РАС переоценивали уверенность своих родителей в их социальных навыках, они все же осознавали, что их родители менее уверены в их навыках, нежели другие родители в навыках своих детей.

Наконец, октант-центрические и диадацентрические корреляционные показатели метаточности (связь которых с межгрупповыми различиями в средних оценках эффективности обсуждалась выше) показали, что подростки с РАС были, по крайней мере в некоторой степени, точны в отношении того, а) какие типы межличностного поведения их родители считали относительно сильными и слабыми сторонами, а также того, б) оценивали ли их родители высоко или низко по каждой грани межличностной эффективности

по сравнению с оценками других родителей подростков с РАС. Также эти корреляции (между самооценками, родительскими оценками и метавосприятием по октантам или по диадам) не выявили различий между метаточностью подростков с РАС и метаточностью их родителей или метаточностью подростков без РАС.

У настоящего исследования есть несколько ограничений. Небольшой размер нашей выборки означал, что у нас нет мощности, необходимой для оценки эффектов средней величины и проверки потенциальных промежуточных переменных, таких как возраст, пол и уровень функционирования. Связано с этим и то, что мы набирали только таких участников, которые могли бы заполнить опросники самостоятельно (как и в других исследованиях, задействующих опросники для самоотчета), таким образом исключая лиц с ограниченными когнитивными способностями. Хотя это ограничение диапазона снижает вероятность значимых различий в интеллектуальном функционировании между группой с РАС и контрольной группой, мы не оценивали интеллектуальное функционирование, а потому не можем исключать такую возможность. Наконец, наши инструменты оценки межличностной эффективности не были валидизированы на выборке младших подростков или лиц с РАС, и, испытывая недостаток в поведенческих показателях социальной компетентности, мы не можем четко установить, чье восприятие было более точным, когда между восприятием подростков и родителей возникали расхождения.

Настоящее исследование поднимает два ключевых вопроса, на которые мы можем предложить лишь спекулятивные ответы. Первый звучит так: почему подростки с РАС могут быть чрезмерно уверены в своих социальных навыках? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны рассмотреть то, как люди в целом приобретают точные представления о межличностной самоэффективности. Одним источником информации является непосредственная обратная связь (от родителей, учителей или сверстников). Как бы то ни было, такая обратная связь встречается нечасто. Предположительно, более распространенным источником информации является то, как индивиды спонтанно замечают успешность осуществления различных коммуникативных действий и соответствующим образом обновляют свои представления об эффективности. Обобщая данные исследований, затрагивающих другие типы поведения [Bandura, 1997], оценивание успешности нашего коммуникативного поведения чаще всего может требовать обнаружения того, как люди на нас реагируют, и, вероятно, сравнения того, как люди реагируют на нас и на наших товарищей. Если использовать в качестве примеров пару пунктов из CSIE, то для того чтобы узнать, насколько уверенными вы должны быть в своих способностях «понимать чувства других» или «вести себя тихо», вы должны в полной мере осознавать, когда реакции других людей показывают, что вы поняли или не поняли их чувства, либо вели (или не вели) себя тихо, когда следовало. Тем не менее по сравнению с другими подростками подростки с РАС могут с меньшей вероятностью инициировать, а с большей избегать социальных взаимодействий

(особенно со сверстниками), с меньшей вероятностью замечать реакции других во время взаимодействия с ними и с меньшей вероятностью рефлексировать социальные аспекты своего опыта после взаимодействия. Следовательно, когда их просят оценить свои социальные навыки, подростки с РАС могут (при отсутствии явных доказательств обратного) просто предположить, что у них все прекрасно получается, и далее предположить, что другие воспринимают их так же, как они воспринимают себя.

Второй ключевой вопрос: является ли проблемой то, что подростки с РАС неоправданно уверены в своих социальных навыках? Количество исследований, посвященных эффектам рассогласования в восприятии навыков и функционирования детей с РАС между родителями и самими детьми, невелико, а результаты рисуют смешанную картину относительно того, связана ли меньшая величина рассогласований с лучшими исходами [Lerner et al., 2012; Verhoeven et al., 2012]. Более того, поскольку в рассогласованиях обычно отражена большая уверенность детей, чем их родителей, меньшие по величине рассогласования сочетаются с тем, что молодые люди чувствуют себя менее эффективными. Многочисленные исследования на материалах других выборок показали, что низкая социальная самооффективность является предиктором – как в данный момент, так и в перспективе – более высоких уровней депрессии [Bandura, 1997; Locke et al., in press; Smith, Betz, 2002; Wei et al., 2005], и аналогичные результаты были получены для молодых людей с РАС [Vickerstaff et al., 2007]. Говоря более общо, значительный массив литературы позволяет предположить, что большинство людей, а не только молодые люди с РАС склонны к чрезмерно оптимистичному восприятию себя, и такие представления положительно связаны с психологическим благополучием и адаптацией [Taylor, Brown, 1988].

4.1. Следствия

Таким образом, типично завышенная межличностная эффективность подростков с РАС может помочь защищать их от чувства разочарования, поражения и от пессимизма. Впрочем, если подростки с РАС активно не вовлекаются в общественную деятельность, которая может поспособствовать формированию их социальных навыков, то они могут не развить навыки, необходимые для реализации их личностного и профессионального потенциала. Следовательно, несмотря на то, что позволять подросткам с РАС игнорировать их коммуникативные проблемы и может быть удобно в краткосрочной перспективе, есть риск сделать их более уязвимыми к ощущениям неполноценности, изолированности и подавленности по мере их перехода к взрослой жизни. К счастью, настоящее исследование показало (как и исследование личностных черт Шрибером и др. [Schriber et al., 2014]), что самовосприятие подростков с РАС положительно коррелирует с восприятием их родителями как внутри октантов, так и между ними. Это свидетельствует о том, что родители и их дети-подростки в целом согласны с тем, какие грани межличностно-

го функционирования являются относительно сильными или слабыми сторонами в каждом конкретном случае. Более того, подростки были как минимум в некоторой степени ориентированы на то, какие типы поведения родители считали их сильными и слабыми сторонами. Таким образом, одним из способов, которым родители и специалисты могут поддержать уверенность и развитие подростка с РАС, является одобрение – а также предоставление подростку возможностей это проявить – того, что единогласно считается его или ее условно сильной стороной (например, припоминание и следование правилам в конкретных ситуациях), что, вероятно, поможет подростку почувствовать себя более открытым для активной работы над другими навыками, которые признаются областями относительной слабости (например, понимание того, что другие чувствуют).

Выводы

Настоящее исследование оценивало самовосприятие, восприятие родителями и метавосприятие эффективности подростками с РАС и без РАС в отношении поведения, иллюстрирующего каждую грань межличностного циркумплекса. С одной стороны, подростки с РАС и подростки без РАС продемонстрировали аналогичные умеренные уровни соответствия детско-родительских оценок и метаточности в отношении того, какие грани межличностного поведения были их сравнительно сильными и слабыми сторонами. С другой стороны, подростки с РАС были, как правило, чрезмерно уверенными, проявляя такую же уверенность в своих коммуникативных навыках, как и подростки без РАС, а также не осознавали, что их родители и другие взрослые не разделяют эту уверенность, особенно в отношении способностей устанавливать контакт с другими людьми и направлять их. Чрезмерная уверенность может быть полезной, если она защищает подростков с РАС от подавленности и социальной замкнутости, но только в том случае, если они продолжают развивать навыки, которые помогут им быть успешными в разнообразных межличностных и социальных ситуациях при меньшем объеме семейной и институциональной поддержки в последующие годы.

Конфликт интересов

У авторов нет конфликта интересов, о котором следует заявить.

Приложение. Дополнительные данные

Дополнительные данные, связанные с этой статьей, можно найти в онлайн-версии по адресу: <http://dx.doi.org/10.1016/j.rasd.2016.07.006>.

Список литературы/References

American Psychiatric Association (2013). Diagnostic and statistical manual of mental disorders (DSM-5), 5th ed. Arlington, VA: Author.

Bandura, A. (1997). Self-efficacy: The exercise of control. New York: Freeman.

Grainger, C., Williams, D. M., & Lind, S. E. (2016). Metacognitive monitoring and control processes in children with autism spectrum disorder: Diminished judgement of confidence accuracy. *Consciousness and Cognition*, 42, 65–74. doi 10.1016/j.concog.2016.03.003

Green, J., Gilchrist, A., Burton, D., & Cox, A. (2000). Social and psychiatric functioning in adolescents with Asperger syndrome compared with conduct disorder. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 30, 279–293. doi 10.1023/A:1005523232106

Gurtman, M. B. (2009). Exploring personality with the interpersonal circumplex. *Social and Personality Psychology Compass*, 3, 601–619. doi 10.1111/j.1751-9004.2009.00172.x

Happé, F., & Frith, U. (2014). Annual research review: Towards a developmental neuroscience of atypical social cognition. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 55, 553–577. doi 10.1111/jcpp.12162

Hopwood, C. J., Ansell, E. B., Pincus, A. L., Wright, A. G. C., Lukowitsky, M. R., & Roche, M. J. (2011). The circumplex structure of interpersonal sensitivities. *Journal of Personality*, 79, 707–739. doi 10.1111/j.1467-6494.2011.00696.x

Johnson, S. A., Filliter, J. H., & Murphy, R. R. (2009). Discrepancies between self- and parent-perceptions of autistic traits and empathy in high functioning children and adolescents on the autism spectrum. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 39(12), 1706–1714. doi 10.1007/s10803-009-0809-1

Kenny, D. A. (1994). Interpersonal perception: A social relations analysis. New York, NY: Guilford.

Knott, F., Dunlop, A.-W., & Mackay, T. (2006). Living with ASD: How do children and their parents assess their difficulties with social interaction and understanding? *Autism*, 10, 609–617. doi 10.1177/1362361306068510

Koning, C., & Magill-Evans, J. (2001). Social and language skills in adolescent boys with Aspergers syndrome. *Autism*, 5, 23–36. doi 10.1177/1362361301005001003

Lerner, M. D., Calhoun, C. D., Mikami, A. Y., & De Los Reyes, A. (2012). Understanding parent-child social informant discrepancy in youth with high functioning autism spectrum disorders. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 42(12), 2680–2692. doi 10.1007/s10803-012-1525-9

Locke, K. D., & Adamic, E. (2012). Interpersonal circumplex vector length and interpersonal decision making. *Personality and Individual Differences*, 53, 764–769. doi 10.1016/j.paid.2012.06.001

Locke, K. D., & Sadler, P. (2007). Self-efficacy, values, and complementarity in dyadic interactions: Integrating interpersonal and social-cognitive theory. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 33, 94–109. doi 10.1177/0146167206293375

Locke, K. D., Sayegh, L., Penberthy, J. K., Weber, C., Haentjens, K., & Turecki, G. (2016). Interpersonal circumplex profiles of persistent depression: Goals, self-

efficacy, problems, and effects of group therapy. *Journal of Clinical Psychology*. doi 10.1002/jclp.22343 [in press]

Locke, K. D. (2011). Circumplex measures of interpersonal constructs. In L. M. Horowitz, & S. Strack (Eds.), *Handbook of interpersonal psychology* (pp. 313–324). Hoboken, NJ: Wiley.

Locke, K. D. (2015). Agentic and communal social motives. *Social and Personality Psychology Compass*, 9, 525–538. doi 10.1111/spc3.12201

Lombardo, M. V., & Baron-Cohen, S. (2011). The role of the self in mind-blindness in autism. *Consciousness and Cognition*, 20, 130–140. doi 10.1016/j.concog.2010.09.006

McMahon, C. M., & Solomon, M. (2015). Brief report: Parent-adolescent informant discrepancies of social skill importance and social skill engagement for higher-functioning adolescents with autism spectrum disorder. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 45(10), 3396–3403. doi 10.1007/s10803-015-2494-6

Schriber, R., Robins, R., & Solomon, M. (2014). Personality and self-insight in individuals with autism spectrum disorder. *Journal of Personality and Social Psychology*, 106, 112–130. doi 10.1037/a0034950

Smith, H. M., & Betz, N. E. (2002). An examination of efficacy and esteem pathways to depression in young adulthood. *Journal of Counseling Psychology*, 49, 438–448. doi 10.1037/0022-0167.49.4.438

Taylor, S. E., & Brown, J. (1988). Illusion and well-being: A social psychological perspective on mental health. *Psychological Bulletin*, 103, 193–210.

Trucco, E. M., Wright, A. G. C., & Colder, C. R. (2014). Stability and change of social goals in adolescence. *Journal of Personality*, 82, 379–389. doi 10.1111/jopy.12069

Vazire, S., & Carlson, E. N. (2010). Self-knowledge of personality: Do people know themselves? *Social and Personality Psychology Compass*, 4, 605–620. doi 10.1111/j.1751-9004.2010.00280.x

Verhoeven, E. W. M., Marijnissen, N., Berger, H. J. C., Oudshoorn, J., Van Der Sijde, A., & Teunisse, J. P. (2012). Brief report: Relationship between self-awareness of real-world behavior and treatment outcome in autism spectrum disorders. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 42(5), 889–894. doi 10.1007/s10803-011-1311-0

Vickerstaff, S., Heriot, S., Wong, M., Lopes, A., & Dossetor, D. (2007). Intellectual ability, self-perceived social competence, and depressive symptomatology in children with high-functioning autistic spectrum disorders. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 37(9), 1647–1664. doi 10.1007/s10803-006-0292-x

Wei, M., Russell, D. W., & Zakalik, R. A. (2005). Adult attachment, social self-efficacy, self-disclosure, loneliness, and subsequent depression for freshman college students: A longitudinal study. *Journal of Counseling Psychology*, 52, 602–614. doi 10.1037/0022-0167.52.4.602

Wiggins, J. S. (2003). *Paradigms of personality assessment*. New York, NY: Guilford Press.

Научная статья

УДК 159.9

DOI 10.25205/2658-4506-2022-15-1-113-118

Апофатические пролегомены к возможной будущей психологии

Александр Александрович Фёдоров

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

fedleks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1272-7859>

Аннотация

Данный scriptum представляет собой попытку апофатического описания характеристик, которыми не должна обладать возможная будущая психология. Выделено пять таких характеристик. Во-первых, будущая психология должна отказаться от своего имени. Во-вторых, будущая психология будет не наукой, а технологической дисциплиной. В-третьих, она не будет дисциплиной, погруженной в свою историю. В-четвертых, она не будет чрезмерно рефлексировать над своими основаниями. И, наконец, в-пятых, будущая возможная научно-ориентированная психология не будет ставить вычисление вперед измерения.

Ключевые слова

психология, наука, научный статус, история науки, технология

Для цитирования

Фёдоров А. А. Апофатические пролегомены к возможной будущей психологии // Reflexio. 2022. Т. 15, № 1. С. 113–118. DOI 10.25205/2658-4506-2022-15-1-113-118

Apophatic Prolegomena to Possible Future Psychology

Alexandr A. Fedorov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

fedleks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1272-7859>

Abstract

This scriptum is an attempt to apophatically describe the characteristics that possible future psychology should not possess. Five following characteristics have been highlighted. Firstly, future psychology should abandon its name. Secondly, future psychology will not be a science, but a technological discipline. Thirdly, it should not be a discipline immersed in its own history. Fourthly, it

© Фёдоров А. А., 2022

should be a non-reflective science. And lastly, future possible science-oriented psychology should be a field of knowledge where measurement precedes calculation.

Keywords

psychology, science, scientific status, history of psychology, technology

For citation

Fedorov A. A. Apophatic Prolegomena to Possible Future Psychology. *Reflexio*, 2022, vol. 15, no. 1, pp. 113–118. DOI 10.25205/2658-4506-2022-15-1-113-118

Введение

Первые пролегомены к психологии были написаны Христианом Вольфом еще до публикации в 1783 г. знаменитой работы Иммануила Канта «Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука». Это были не самостоятельные произведения, а пролегомены в собственном смысле слова, то есть введение к основному тексту, опубликованное вместе с ним и являющееся его частью. В 1732 г. вышла работа *Psychologia empirica* [Wolff, 1732], а в 1734 – *Psychologia rationalis* [Wolff, 1734], каждая из которых содержала пролегомены (первые десять параграфов «Эмпирической психологии» и первые девять параграфов «Рациональной психологии»).

В своих пролегоменах Х. Вольф утверждал, что «эмпирическая психология сходна с экспериментальной физикой» [Wolff, 1732, р. 4], и проводил параллель между работой психолога и астронома, который выводит свои теории из наблюдений. Стоит признать, однако, что достижения психологии за последние столетия вряд ли сопоставимы с тем, чего достигли физика и астрономия. Вглядываться в звездное небо и микромир человек научился гораздо лучше, чем в самого себя.

Но было бы несправедливо утверждать, что у того, кто возьмется за пролегомены к психологии в наше время, вовсе нет преимущества перед Х. Вольфом. Это преимущество, тем не менее, заключается не в том, чего достигла психологическая наука. Оно имеет негативный характер: отправной точкой размышлений может и должно стать признание того, что психология так и не смогла стать наукой. В этом смысле будущую возможную «психологию» можно описать апофатически, то есть составив перечень характеристик, которыми она *не должна* обладать. Настоящие краткие пролегомены и есть попытка такого апофатического описания, опирающаяся на ряд атрибутов современной психологической науки.

1. Будущая психология не будет психологией

Психология как наука невозможна. С практической стороны это вполне доказано безуспешным применением научных методов к тому, что конвенционально принято считать предметной областью психологии. Но следование только форме научного исследования не приводит само по себе к созданию науки. Как остроумно заметил Р. Фейнман, в результате такого копирования

внешних правил появляется (в лучшем случае) наука самолетопоклонников, или карго-культ. С теоретической стороны невозможность научной психологии как психологии (т. е. науки о «душе») продемонстрирована И. Кантом и О. Контом. И тот, и другой, что примечательно, считали, что научная психология возможна только как антропология. Безуспешность же такой реформы психологии, которая сохраняет ей прежнее имя, но изменяет предмет, хорошо видна на примере бихевиоризма. Б. Ф. Скиннер считал стратегической ошибкой Дж. Уотсона то, что вместо создания новой науки он захотел реформировать старую [Skinner, 1974, p. 5]. Прошлое психологии не отпустит ее. Всегда будут сторонники возвращения в нее души, духа и других метафизических и теологических конструкторов. Любая попытка построения научной психологии будет постоянно подвергаться контрреволюционным нападкам и обвинениям, что сделает невозможным свободный научный процесс, постоянно подменяя его пустыми философскими и литературными спорами. То, что в психологии является научным, не является психологическим; то, что в психологии является психологическим, не является научным.

Таким образом, если научная психология возникнет, она должна будет отказать от существующего имени.

2. Будущая психология будет не наукой, а технологической дисциплиной

Смены имени, при всей ее символической важности, вряд будет достаточно. Если ядром науки считать общие количественные законы между измеряемыми величинами, то в этом смысле научная психология вряд ли возможна. Скорее, психология должна принять себя как технологическую дисциплину, которая изучает естественные и конструирует искусственные «психологические системы», опираясь на законы физических и биологических наук. Поскольку будущее имя этой дисциплины неизвестно, за неимением лучшего термина далее в тексте она будет именоваться *нескионикой* (от лат. 'я не знаю').

3. Нескионика не будет дисциплиной, погруженной в свою историю

Современная психология – это нередко лишь история психологии, и ничего больше. Погруженность психологии, как и ряда других дисциплин, претендующих на статус науки, но не являющимися таковыми, в собственную историю – это не преимущество, а препятствие на пути прогресса. Вопреки Дж. Сантаяне [1905], повторять свое прошлое обречен именно тот, кто его хорошо помнит. Нескионика будет равнодушна к своей истории, по крайней мере, до той поры, пока не утвердит свой статус и не продвинется настолько, чтобы у нее появилась действительно своя история. И даже тогда ее история не станет ее частью. Хотя история психологии и представляет ценность, она входит не в психологию, а в историю науки и техники.

4. Нескионика не будет чрезмерно рефлексировать над своими основаниями

Философия, как утверждал С. Хокинг, мертва, а С. Вайнберг писал о ее непостижимой неэффективности в науке. Будучи далеким от того, чтобы отрицать всякую ценность философии, я полагаю, что ее альянс с психологией навредил последней больше, чем принес пользы. Рефлексия психологии над тем, что значит быть наукой, мешала ей стать таковой. Таким образом, нескионика, по крайней мере на первых этапах своего развития, должна быть нерефлексивной дисциплиной. Она не должна особо интересоваться философией науки, равно как и размышлениями философов прошлого над тем, что есть «внутренний мир» человека и как его следует изучать. Лишь обретя устойчивый статус, можно начать осторожный диалог с философами, но и тогда следует больше говорить, нежели слушать.

5. Нескионика не будет ставить вычисление вперед измерения

Научный статус психологии нередко (и вполне правомерно) связывается с ее математизацией, возможность которой была поставлена под сомнение еще И. Кантом [Кант, 1966, с. 60]. И. Ф. Гербарт, автор одного из первых спекулятивных проектов научной психологии, с Кантом не согласился и решительно отстаивал не только возможность, но и необходимость применения математики в психологии. Его тезис заключался в том, что классическая точка зрения, согласно которой «где нельзя измерить, там нельзя и вычислять», совершенно ложна [Гербарт, 2007, с. 42]. Немецкий философ восклицал: «Как раз наоборот!» [Там же]. С этой перестановки, когда вычисление было поставлено вперед измерения, и начался длительный процесс становления психометрики как патологической, по меткому выражению Дж. Мичелла, науки. С его точки зрения, первичным симптомом патологии психометрики (и современной квантитативной психологии вообще) является отсутствие в ней серьезных попыток проверки гипотезы о том, что «измеряемые» психологические атрибуты имеют количественный характер [Michell, 2000]. На мой взгляд, можно утверждать, что без такой проверки существующие процедуры «измерения» остаются всего лишь вычислительной фикцией. В психологии применяются различные методы, позволяющие приписывать чему-то цифры, над которыми проводятся математические операции, предваряющие (и, по сути, заменяющие) подлинное измерение. Нескионика восстановит утраченный порядок: любому вычислению, имеющему отношение к изучаемым в ней феноменам, должно будет предшествовать доказательство того, что эти феномены имеют количественный характер.

Вывод

Таким образом, выводом из данных пролегоменов является следующее утверждение: будущая научно-ориентированная психология, если она вообще

возможна, будет нерелексивной аисторической технологической дисциплиной, основанной на примате измерения, а не вычисления.

Список литературы

Гербарт И. Ф. О возможности и необходимости применять в психологии математику. Психология. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. С. 39–56.

Кант И. Метафизические начала естествознания / Соч. в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 53–176.

Michell J. Normal Science, Pathological Science and Psychometrics // Theory & Psychology. 2000. No. 10(5). Pp. 639–667.

Santayana G. The life of reason; or, The phases of human progress. N.Y.: C. Scribner's sons, 1905.

Skinner B. F. About behaviorism. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1974.

Wolff C. Psychologia empirica. Francofurti & Lipsiae, 1732.

Wolff C. Psychologia rationalis. Francofurti & Lipsiae, 1734.

References

Gerbart I. F. O vozmozhnosti i neobkhodimosti primeniat' v psikhologii matematiku [Possibility and Necessity of Applying Mathematics in Psychology]. In: *Psikhologiya*. Moscow: Territoriya budushchego, 2007, pp. 39–56. (in Russ.)

Kant I. Metafizicheskie nachala estestvoznaniya [Metaphysical Foundations of Natural Science]; Coll. in 6 vols. Vol. 6. Moscow: Mysl', 1966, pp. 53–176. (in Russ.)

Michell J. Normal Science, Pathological Science and Psychometrics. Theory & Psychology, 2000, no. 10(5), pp. 639–667.

Santayana G. The life of reason; or, The phases of human progress. N.Y.: C. Scribner's sons, 1905.

Skinner B. F. About behaviorism. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1974.

Wolff C. Psychologia empirica. Francofurti & Lipsiae, 1732.

Wolff C. Psychologia rationalis. Francofurti & Lipsiae, 1734.

Информация об авторе

Фёдоров Александр Александрович, кандидат психологических наук, зав. кафедрой клинической психологии, доцент кафедры психологии личности Новосибирского государственного университета, (Новосибирск, Россия)

Scopus Author ID 48661946900

AuthorID RSCI 201674

Information about the Author

Alexandr A. Fedorov, PhD, Head of the Section of Clinical Psychology at the Institute of Medicine and Psychology of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

Scopus Author ID 48661946900

AuthorID RSCI 201674

*Статья поступила в редакцию 19.01.2022;
одобрена после рецензирования 17.02.2022; принята к публикации 19.02.2022
The article was submitted 19.01.2022; approved after reviewing 17.02.2022;
accepted for publication 19.02.2022*

Психотехника и выбор профессии

Кекчеев Крикор Хачатурович

В рамках рубрики «Страницы из истории психологии» публикуется работа известного советского психофизиолога Кекчеева Крикора Хачатуровича (1893–1948), вышедшая сто лет назад в издательстве Центрального института труда (Москва, 1922). В ней автор исследует проблему диагностики пригодности к профессии, дает обзор истории психотехники и ее современного – на 1922 год – состояния, а также рассматривает значение психотехники для педагогики.

Psychotechnics and the choice of profession

Kekcheev Krikor Khachaturovich

Within the section “Pages from the History of Psychology”, we issue the work of famous Soviet psychophysicologist Kekcheev Krikor Khachaturovich (1893–1948) published one hundred years ago by the Central Labor Institute (Moscow, 1922). In this article, the author explores the problem of assessing the aptitude for a profession, gives an overview of the history of psychotechnics and its current – as of 1922 – state, and considers the importance of psychotechnics for pedagogy.

I. ПРИГОДНОСТЬ К ПРОФЕССИИ

§ 1. Научная организация труда

При просмотре иностранной технической литературы сразу бросается в глаза характерная для современной хозяйственной жизни всех стран черта – это стремление к рационализации производства и к научной организации труда. Прежние эмпирические подходы неуклонно вытесняются научно обоснованным, строго продуманным и зачастую экспериментально проверенным расчетом. Процесс перехода с обычной организации производства на научную был очень сильно ускорен войной: условия момента повелительно диктовали увеличение числа военных заводов и максимальное повышение их производительности. Эта картина наблюдалась везде: в Германии, Франции, Англии, Соединенных Штатах и т. д. Когда же кончилась война, все народы бросились восстанавливать потрясенное войной народное хозяйство, и тут также сильно возрос спрос на науку. В результате за последние 7 лет научная организация труда сделала громадные успехи.

Но в то время как раньше наука обращала преимущественное внимание на машины, создавая чудеса техники, теперь объектом ее изучения стал также и живой человек, неперемнная составная часть всякого трудового процесса:

появилась *психофизиология труда*; она ставила себе ту же цель – повышение производительности труда, но добивалась этого, изыскивая оптимальные условия для работы человека; она изучала вопросы усталости, величины рабочего дня, вопросы определения количества произведенной работы, вопросы питания, изучала движения рабочего, влияние на производительность его работы различных факторов, исследовала пригодность человека к той или другой работе и т. д. и т. д. И по мере того, как польза психофизиологии труда для промышленности становилась все более и более ясной, руководители предприятий под давлением очевидности и настойчивых требований жизни стали все чаще и чаще обращаться к помощи специалистов, психологов и физиологов. Повторяется история с учеными исследователями, химиками, физиками и т. п. Еще недавно их совсем не было на заводах, а теперь сотни и тысячи химиков работают на немецких, французских и североамериканских заводах, и целые отрасли промышленности (анилиновое производство, получение азотистых удобрений связыванием азота воздуха, производство оптических стекол) развернулись в мировом масштабе только благодаря работе ученых химиков, физиков и т. п. Точно так же научная помощь психофизиологов уже сейчас приносит промышленности громадную пользу, и недалеко то время, когда (по крайней мере за границей) каждая крупная фабрика, каждая большая контора будет иметь в качестве ученых-консультантов психологов и физиологов. Даже теперь некоторые ветви психофизиологии труда получили громадное развитие, и об одной из них – об *определении пригодности к профессии* – я и хочу поговорить здесь. Полная неосведомленность русского общества об успехах психотехники за границей, науки, созданной крупнейшими психологами – Мюнстербергом, Уипплом, Штерном и другими, и важность ее для нас побуждают меня в кратких чертах рассказать об ее задачах, и значении.

§ 2. Выбор профессии

В современном обществе господствует сильное разделение труда: имеются сотни профессий, а внутри их тысячи специальностей; и каждая профессия, даже каждая специальность, предъявляет свои специальные требования к людям, посвятившим себя им; одни профессии требуют большой физической силы, другие – ловкости, третьи – глазомера, четвертые – способности долго держать внимание в напряженном состоянии, пятые – памяти на числа, шестые – большой скорости реакции и т. д., и т. д., причем многие специальности требуют комбинации двух, трех и более качеств. Понятно, что не каждый человек пригоден для работы любой профессии: необходимо иметь соответствующие физические и психические свойства. Является также аксиомой, многими лицами, к сожалению, еще не понятой, что производительность труда всей нации тогда ближе к максимуму, когда наибольшее число лиц занято в профессиях наиболее соответствующих их особенностям. В жизни мы этого не видим, а наоборот слышим жалобы руководителей учреждений на недостаток подхо-

дящих людей, на дурное качество работы, выполняемой неприспособленными к ней лицами, и видим, как везде высоко ценят хорошего работника.

Конечно, здесь дело вовсе не в абсолютном недостатке подходящих людей, а в том, что люди распределены по профессиям неправильно и случайно. И в самом деле, посмотрим, чем обуславливается так называемый выбор профессии.

Какой род занятий избрать? Вот вопрос, который встает перед каждым оканчивающим школу; вопрос чрезвычайно трудный и очень редко верно разрешаемый. Труден он потому, что юноша или девушка, только что окончившие среднюю, а тем более низшую школу, не имеют совсем жизненного опыта; их представления о профессиях сбивчивы и поверхностны; они знают в лучшем случае только внешнюю их сторону (вознаграждение и т. п.), внутренние же трудности и требования профессии им совершенно незнакомы. С другой стороны, они совершенно не знаят себя, не знают своих недостатков или, как это иногда бывает, не подозревают об имеющихся у них некоторых высокоразвитых психических свойствах. И понятно, что правильное решение – верный выбор подходящей специальности – чрезвычайно редко; школа, заботящаяся о своих питомцах в тот период времени, когда они находятся в ее стенах, забывает о них тотчас же, как они ее оканчивают, бросая их, еще не вставших на собственные ноги, буквально на произвол судьбы. И мы видим, что на выбор профессии влияют семейные традиции, советы родных и знакомых, примеры людей, преуспевших в жизни, слепое увлечение (например, сценической деятельностью) и, наконец, случай, когда берут работу, чтобы не умереть с голоду или же чтобы чем-нибудь заняться. В результате крайне печальные явления: жалобы на испорченную жизнь, отвращение к своему делу, перемена профессии, что связано с большой ломкой и не всегда возможно, разочарование в жизни, доводящее иногда до самоубийства; причина большого процента неудачников лежит отчасти именно в неправильном выборе рода занятий.

На первый взгляд кажется, что распределение людей по специальностям вовсе не так случайно, как описано выше: ведь существуют же испытания, рекомендации, удостоверения и т. д.; этими и подобными средствами современное общество старается оградить себя от непригодных к той или иной должности лиц. Но беда в том, что все эти средства мало действительны и бьют мимо цели, что давно уже сознается лучшими умами (вспомним, например, поход против экзаменов); все эти заграждения в лучшем случае задержат совершенно неспособных, но правильно распределить по профессиям миллионы вступающих в жизнь соответственно их психофизиологическим особенностям они не в состоянии.

§ 3. Психотехника

Поэтому и в этом вопросе, как и во многих других, пришлось обратиться к науке; последняя пошла навстречу требованиям жизни, и в результате

совместной работы людей практики, руководителей предприятий и ученых представителей экспериментальной психологии возникла новая, доселе неизвестная наука – *психотехника*. По своим методам она очень близка к индивидуальной психологии (между прочим, это видно из того, что крупнейшие работники как раз в области индивидуальной психологии, Г. Уиппл в Америке и В. Штерн в Германии, и создали методику психотехнического исследования), хотя и преследует цели чисто прикладного характера.

Задачи, поставленные себе психотехникой в области пригодности к профессии¹, крайне обширны и разносторонни: с одной стороны, человеческий организм очень сложен в своих проявлениях, с другой, число профессий и специальностей при существующем разделении труда при современной организации общества также очень велико².

Каждая специальность предъявляет к человеку свои, отличные от других требования; дифференциация требований достигает здесь весьма значительной степени; возьмем, например, медперсонал: труд врача-ученого (например, Эрлиха, Мечникова, Коха) есть труд свободный, творческий (вопроса о знаниях мы здесь не касаемся); труд врача-практика есть труд самостоятельный, но цель и программа в общем виде даются самой работой; труд лекпома – труд исполнительный, и выбор приемов работы ограничен; и, наконец, труд санитара или няньки – труд полуавтоматический, неквалифицированный. Вот даже здесь, в этой грубой схеме мы встречаемся с громадными различиями в требованиях одной и той же группы профессий; мы можем идти дальше и разложить профессию врача на отдельные специальности: врач-хирург, врач-акушер, врач-терапевт, невропатолог, психиатр, педиатр, врач-анатом, патологоанатом, врач-бактериолог и т. д., и т. д. Опыт показывает, что человек, весьма подходящий к специальности, скажем бактериолога, оказывается совершенно не на месте в роли хирурга, подходящий к специальности педиатра никуда негоден в качестве анатома и т. д.; продолжим дальше: в хирургии сложные ответственные операции доступны не всем хирургам, хотя бы они и работали в области хирургии 20–30 и больше лет; нужна особая комбинация памяти, внимания, хладнокровия и решимости, чтобы оперировать где-либо в черепной полости в каком-нибудь миллиметре расстояния от нервных центров и путей и кровеносных сосудов. Одним словом, число специальностей весьма

¹ Психотехника отнюдь не ограничивается изучением пригодности к профессии, а занимается всем трудовым процессом, рассматривая его со специально психологической точки зрения.

² Пока еще нет классификации профессий и специальностей, построенной с психотехнической точки зрения; если же мы возьмем обычные классификации, то встретим в них сотни и тысячи различных названий в зависимости от того, какой признак положен в основу классификации и насколько последняя детализована: так, классификация занятий Центр. стат. управления содержит 417 названий, причем под одним названием скрывается обычно группа сходных профессий; и действительно, профессии металлостроителей, занимающие в классификации ЦСУ 41 место, разбиты в примерной классификации т. С. Струмилина, построенной на производственно-техническом принципе, уже на 179 названий, а в классификации профсоюза металлостроителей – на 673 названия. Если же принять во внимание, что помимо металлостроителей есть и горнорабочие, и деревообделочники, печатники, пищевики, работники сельского хозяйства, многочисленные категории служащих, то придется признать, что число специальностей выражается в тысячах и даже в десятках тысяч.

велико, и нужно, чтобы психотехника, претендующая на роль консультанта при выборе профессии, учла все эти, иногда весьма незначительные, различия в требованиях, предъявляемых профессиями.

Следовательно, психотехника должна: 1) выяснить требования различных профессий, классифицируя их сообразно своим потребностям и 2) разработать методику определения у человека способностей, соответствующих этим требованиям.

Требования, предъявляемые различными профессиями и специальностями, выясняются путем опроса руководителей предприятий, инженеров, мастеров, опытных рабочих и вообще лиц, близко знакомых с данной специальностью; применяются также анкеты, иногда подробно разработанные³; данные этих анкет разносятся по карточкам, образуя после статистической обработки так называемые характеристики профессий или *психограммы*; применяется иногда исследование лучших рабочих с целью узнать, благодаря каким особенностям они выдвинулись из общей массы, но этот метод не дает достаточно надежных результатов, так как старые рабочие трудно осваиваются со схематичностью психологического теста и дают худшие результаты по сравнению со своей обычной работой.

С другой стороны, психотехника разрабатывает методы определения различных способностей, как то: памяти, внимания, воли, быстроты движений, остроты зрения, слуха и т. п. Здесь важно отметить, что в психотехнических испытаниях (в отличие от экзаменов) подвергаются исследованию и проверке не *знания* испытуемого, а его *способности* в широком смысле этого слова; при этом обращают внимание на то, может ли требуемое какой-либо профессией качество быть развито путем упражнения или специального образования.

Способности человека определяются либо путем анкет, либо, чаще, путем специально придуманных физиологических и психологических тестов: анкетный метод, кажущийся на первый взгляд весьма простым, на деле оказывается весьма сложным и не дает надежных результатов, поэтому он в качестве самостоятельного средства оставлен и употребляется теперь лишь как вспомогательное средство. В основу исследования кладутся тесты, причем наряду с простыми приборами (листы с картинками по Россолимо, текст с пропусками по Эббингаузу, текст для зачеркивания букв и т. п.) применяются весьма сложные приборы (специальный подвижной стул для испытания летчиков, экран для вагоновожатых и т. п.).

Схема дачи совета проста: после испытания сопоставляют найденные у испытуемого способности с требованиями различных профессий и указывают последнему: а) к чему он пригоден больше всего, б) к чему пригоден условно и в) к чему он непригоден совершенно. При даче совета всегда принимается во внимание экономическая сторона вопроса: степень потребности

³ Анкета Липмана для «средних» профессий содержит 151 вопрос; имеется в издании Центр. инст. труда.

в людях в данной профессии в этот момент, заработная плата, срок и стоимость обучения и т. д.

Я полагаю, что читателям теперь ясна необычайная сложность и трудность тех проблем, которые берется решать психотехника, и потому понятно, что за какие-нибудь 12–13 лет эта прикладная наука только успела начать свое развертывание. В процессе работы она вырабатывает свою методику; над этим трудятся, как и было указано выше, очень видные психологи, и хотя некоторые ученые отказываются признать ценность всех предложенных методов и тестов, тем не менее психотехнике удалось дать практической жизни нечто ценное; конечно, уже исследованные десятки тысяч лиц представляют собой каплю в многомиллионном море лиц, занятых тем или другим профессиональным трудом, но главное сделано – *намечен путь для работы и направление взято верное.*

II. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПСИХОТЕХНИКИ

§ 4. Психотехника

Для того чтобы дать полное представление о состоянии вопроса об определении пригодности к профессии, я последовательно рассмотрю, как зародилась психотехника, как она развивалась, в каком состоянии находится сейчас в Соединенных Штатах и в Германии, а затем постараюсь обрисовать ее значение для педагогики и экономической жизни.

Подбор подходящих людей по Тейлору

Уже сам основатель науки об организации труда – американский инженер Фредерик Тейлор – понимал, что лучший ученик в школе не есть лучший рабочий или лучший инженер на заводе; «это происходит потому, – говорит Тейлор, – что получение образования является преимущественно работой поглощения и усвоения, тогда как в действительной практической жизни требуется как раз противоположная работа, именно работа созидательная», и потому он, как практик до мозга костей, не видит другого способа, кроме как *непосредственного испытания на работе*. Всякий изучавший книги Тейлора знает, что он достигал громадного повышения производительности труда, работая исключительно с отборными, «первоклассными» рабочими; так он поступал при обработке металла на станках, при переноске чугунных болванок, при перемешивании руды и т. д. везде мы встречаемся с непосредственным испытанием на работе, характеризующим *первую, начальную ступень психотехники*. Вполне понятно, почему Тейлор поступал так: 1) он, как и практик-инженер, не знал физиологии и психологии и шел по неверному пути (вспомним его безуспешные попытки обойтись без помощи физиолога при определении отношения периодов отдыха и периодов работы) и 2) в то время (1880–1900 гг.) прикладные психология и физиология только-только начинали развиваться.

Подбор подходящих людей у учеников Тейлора

Непосредственное испытание на работе, применяемое Тейлором, может быть произведено только с обученными рабочими, а между тем и для отдельного предприятия, и для государства в целом, не говоря уже о самом испытуемом, весьма важно определить степень его пригодности к той или другой профессии *до профессионального обучения*, а не после того как затрачено время, силы и деньги на обучение.

Один из учеников Тейлора, инженер С. Томсон, сделал это по отношению к браковщикам велосипедных шариков на одном из крупных велосипедных заводов Соединенных Штатов. Он исследовал скорость реакции у кандидатов и отобрал только тех девушек, которые обладали достаточно большой скоростью реакции; он провел еще несколько психофизиологических мероприятий (сократил рабочий день и т. п.), и в результате 35 девушек стали выполнять ту же (в качественном и количественном отношении) работу, которую раньше выполняли 120 человек.

Другой ученик Тейлора, Франк Джильбрет в своей книге *Motion Study* приводит ряд примеров, указывающих на значение для успешности труда человека его утомленности, привычек, темперамента, выносливости и т. д. Но и у Джильбрета нет ясных, точных и разработанных указаний на то, какие способности необходимы для той или другой работы.

Определение пригодности к профессии нашло себе твердую почву только в 1903 году, когда бостонским профессором Парсонсом было основано *Консультационное бюро по выбору профессии*.

§ 5. Консультационное бюро Парсонса в Бостоне

Около этого времени профессор Парсонс прочитал в Экономическом клубе г. Бостона лекцию на тему «Идеальный город», в которой между прочим трактовал вопросы пригодности к профессии. Этим заинтересовался Civic Service House, и его представители Денис и Блюмфильд (впоследствии преемник Парсонса) пригласили профессора развить эту тему на собрании учеников старших классов одной из средних школ Бостона. Доклад и последующее собеседование оказалось настолько интересным, что Парсонсу было предложено составить план постоянного бюро по выбору профессии; средства были даны г-жой Шоу, и Бюро стало частью упомянутой выше организации.

Работники Бюро исходили из того положения, что молодежь, оканчивающая школу, становится совершенно беспомощной как раз в тот ответственный момент, когда она должна принять решение относительно рода своих будущих занятий. Бюро и должно было, по мысли его инициаторов, прийти на помощь молодежи, помочь ей разобраться в сложном и трудном вопросе выбора профессии. Бюро не имело в виду указывать профессию, оно хотело лишь предоставить больше материала в распоряжение юношей или девушек, помочь им советом или предостеречь в случае нужды. Все советы были бесплатными.

Бюро удалось привлечь внимание широких общественных кругов к своей работе. Ему на помощь пришли Городское управление Бостона, Управление городскими школами, Бостонское педагогическое общество, благотворительные общества, профессура, преподаватели, представители промышленного и торгового мира и отдельные частные лица. Бостонское отделение Союза христианской молодежи открыло свое Бюро по выбору профессии, находившееся в тесной связи с Бюро, руководимым профессором Парсонсом; один из его помощников давал регулярные консультации также и в Обществе воспитания и профессионального образования женщин.

Деятельность Бюро

Главную часть обращающихся за помощью в Бюро составляли юноши и девушки, оканчивающие низшие и средние школы, молодые люди из торгового и промышленного мира, студенты колледжей, Гарвардского университета и др. лица.

Работа строилась по приведенной выше схеме: окончательный совет давался на основании сопоставления требований профессии со способностями данного лица.

Бюро проделало громадную работу по изучению различных профессий с технической, гигиенической, психологической, социальной и экономической точек зрения; эти сведения Бюро получило от инженеров, фабрикантов, промышленных деятелей, ремесленников и отдельных рабочих либо путем их опроса, либо анкетным путем. Промышленники охотно шли навстречу Бюро, так как последнее рекомендовало лиц, прошедших через испытание в Бюро.

С другой стороны, личность обращающегося за помощью в Бюро изучалась следующим образом: перед заполнением анкеты велась с ним предварительная беседа о том, какой род занятий он думает избрать и почему, как заполнять анкету и т. д. Анкета состояла из ряда вопросов: «Много ли говорите Вы о самом себе?», «Смеетесь ли Вы от души?», «С каким людьми Вы легче всего уживаетесь?», «Каковы Ваши самые горячие желания?» и т. п. Не ограничиваясь этим, Бюро опрашивало родителей учащихся; представители Бюро, главным образом учителя, посещали квартиры учеников, выясняли их семейное и социальное положение; в некоторых школах эту обязанность брали на себя специальные комиссии.

На основании впечатления от личности испытуемого, ответов на вопросы анкеты, отчета об его семейном и социальном положении и, с другой стороны, требований предъявляемых той профессией, которую желал избрать испытуемый, ему давался совет, пригоден ли он к ней или непригоден; при этом всегда ему сообщались данные о состоянии рынка, о вознаграждении и т. д. *Решение принимал сам испытуемый.*

Бюро, созданное Парсонсом, не ограничивается, однако, только отдельными, индивидуальными консультациями, а ведет широкую пропаганду идеи разумного выбора профессии, старается возбудить в молодежи интерес к об-

щественной и государственной деятельности, пробудить сознание гражданских обязанностей. Оно настойчиво указывает молодежи, что зарабатывание денег – это не цель жизни, а лишь средство, что надо быть не только хорошим работником, но и сознательным гражданином. Бюро выпускает в большом количестве листки на эту тему, например «Обязанности гражданина», «Письмо президента Линкольна к молодежи» и др., рекомендует чтение хороших книг: Брайса, Шоу, Стеффена, Вашингтона, Рузвельта и др.

В брошюрах, издаваемых Бюро и родственными ему организациями, мы находим перечень требований, предъявляемых профессией архитектора, машиниста, пекаря и т. д. Книги самого Парсонса *Choosing a Vocation* и его преемника Блумфильда *The Vocational Guidance of Youth* дают теоретическое обоснование, программу работы и содержат ряд весьма интересных примеров из практики Бюро. Упомянутое выше Общество воспитания и профессионального образования женщин выпустило ряд книг: *Vocations for the Trained Women*, *Vocations for Boys*, *Vocations for Girls* и др.

Для подготовки консультантов Бюро создало специальные курсы, на которые принимаются лица не моложе 25 лет, обычно же гораздо старше, с большим жизненным опытом в педагогической, промышленной или общественной деятельности, с высшим образованием – из этого видно, как серьезно относятся руководители Бюро к своей работе. Пребывание на курсах продолжается в зависимости от подготовки от одного до трех семестров; окончившие курсы ведут практическую работу среди учащихся в школах, колледжах, университетах, среди служащих в конторах, на фабриках, заводах, общественных учреждениях.

Это движение *Vocational Guidance* перебросилось в другие города, особенно в восточных Штатах, везде завоевывая себе признание. Крупная организация Штатов Союз христианской молодежи уже в 1909 году ввела в программу своей практической работы консультации по выбору профессии. Уже при Парсонсе движение это получило настолько широкое распространение, что обещало сделаться национальным (*Choosing a Vocation*, p. 93). Большое сочувствие вызвал почин Бостонского бюро в деле подготовки консультантов, и уже в 1911–1912 гг. в педагогических кругах Соединенных Штатов дебатировался вопрос о введении в штат каждой школ специалиста – школьного психолога, по аналогии со школьным врачом. Эта мысль в несколько измененной форме была осуществлена несколько лет назад в Германии.

Различные школы Соединенных Штатов стали искать других путей для разрешения все того же большого вопроса об определении пригодности к профессии. Например, одна из школ в городе Гэри пропускает своих учеников через прекрасно организованные школьные мастерские, где они изучают последовательно портняжное, столярное, кулинарное и типографское дело, каждое в течение 3–4 месяцев. Конечно, этого срока недостаточно, чтобы овладеть как следует каким-нибудь ремеслом, но школа этого не имеет в виду; она стремится к тому, чтобы выявить способности и наклонности своих учени-

ков и тем создать предпосылки для разумного выбора профессии. О значении ручного труда в школе для развития ребенка я не могу, к сожалению, здесь распространиться.

§ 6. Профессор Мюнстерберг и его работы по психотехнике

Однако, как мы указывали выше, методы применяемые Парнсом, оказались явно несовершенными для решения столь сложной и трудной проблемы, как определение пригодности к профессии; это чувствовал уже сам руководитель Бюро, когда обращался за помощью к известному психологу, профессору Мюнстербергу. Последний весьма заинтересовался деятельностью Бюро и затем сам стал работать над изысканием и разработкой новых методов.

Профессор Гарвардского университета в Бостоне, немец по происхождению, Гуго Мюнстерберг является крупной фигурой даже по американскому масштабу. Автор ряда капитальных работ по общей психологии, человек с крупным научным именем, он не замыкался в стенах своего кабинета, но чутко откликался на важнейшие запросы жизни. Медицина, педагогика, наконец, техника не раз обращались за помощью к чистой науке – к психологии – и каждый раз Мюнстерберг шел навстречу их потребностям; в своей лаборатории прикладной психологии при Гарвардском университете он разрабатывал проблемы педагогической психологии, психотерапии и психотехники. Его книги: *Psychotherapy*, *Grundzüge der Psychotechnic*, *Psychologie und Wirtschaftsleben* представляют собой сводку его работ в этих направлениях. Он являлся представителем германской культуры и духовным посредником между Америкой и Германией, и этим, вероятно, объясняется тот факт, что психотехника – детище Мюнстерберга – получило такое широкое распространение именно в этих двух странах.

Его главной заслугой является установление двух основных положений современной психотехники:

1) хозяйственная жизнь страны имеет такое же право на научное освещение своих вопросов, как и медицина, педагогика и т. п.;

2) эксперимент должен быть положен в основу методов психотехники вообще и, в частности, определения пригодности к профессии.

Первое положение он обосновывает так: «Когда немецкий предрассудок в эпоху хозяйственной бедности презирал и осмеивал хозяйственную жизнь, восхваляя лишь духовную, то по существу это было бегством народной души в единственную оставшуюся у ней надежную область. С новым культурным сознанием пробудилась новая гордость – гордость хозяйственным прогрессом, лучшие силы нации равномернее распределяются по всем ценным профессиям народной жизни, и вся нация инстинктивно проникнута чувством, что прогресс хозяйства в сущности есть национальная задача, не менее достойная энтузиазма, чем государство, армия, наука и искусство. Но с этим совершенно отпадает и трусливое опасение, что наука может потерпеть умаление в своем

достоинстве, если будет служить хозяйственному подъему. Как наука не унилась, а лишь стяжала новые почести, когда современная медицина и техника повели ее к триумфам, так и научная психология воистину ничего не потеряет и много выиграет, если серьезно возьмется содействовать тому, чтобы нация показала в мастерской мирового хозяйства наибольшую работоспособность и самое полное развитие своих душевных сил» (Psychologie und Wirtschaftsleben, S. 181–182).

Эта точка зрения, впервые ясно и точно сформулированная Мюнстербергом по отношению к психологии, была затем поддержана рядом других ученых в Соединенных Штатах и за их пределами и в настоящее время получила себе признание во всех культурных странах. Но Мюнстерберг этим не ограничился: он определил области применения психотехники, разработал ее методику и указал задачи.

Не всякий эксперимент, применяемый в психологии, может быть для этого использован психотехникой; он должен удовлетворять нескольким условиям:

а) психологический (и физиологический) эксперимент должен быть приспособлен к тем условиям, в которых обычно протекает какой-либо технический процесс; способность пространственного представления предметов испытывается показыванием испытуемому простых технических чертежей и выбором изображенного на чертеже предмета из ряда сходных предметов, расположенных на столе;

б) в опыте не следует воспроизводить всех условий встречающихся на практике, а следует схематизировать их. Так, нет надобности помещать будущего вагоновожатого обязательно на площадку трамвайного вагона, достаточно предложить «вести вагон» по карточке-схеме улицы (см. ниже);

в) между результатами лабораторных экспериментов и результатами испытания на практике должно быть соответствие. В позднейших немецких работах выставляется требование, чтобы начало «лабораторного» и начало «практического» списков, а также их концы совпадали; это означает, что лица, оказавшиеся лучшими при испытании в лаборатории, должны оказаться на лучшем счету и на месте своей работы и на фабрике, заводе, конторе и т. д., и наоборот – лица, давшие плохие результаты при испытании при помощи экспериментов, должны оказываться непригодными к данной специальности и в жизни. Без такого совпадения результатов, как это вполне понятно, психотехнические исследования теряют всякий смысл и не имеют никакого экономического значения.

Вот те три условия, которые были впервые установлены Мюнстербергом и впоследствии развиты другими. Эти психотехнические тесты являются *третьей ступенью развития психотехники после испытания на работе* (Тейлор) и *анкетного метода* (Парсонс).

Приступив к работам, Мюнстерберг установил, что для работы в какой-нибудь специальности (например, токаря, слесаря, телефониста, вагоновожатого и т. д.) необходимы определенные способности (в широком смысле

слова), причем для некоторых специальностей нужны несколько достаточно выраженных способностей (пример – телефонистка), для других же нужна строго определенная комбинация этих способностей (пример – вагоновожатый), и без наличия этой комбинации данное лицо не может удовлетворительно работать в избранной специальности.

Однажды к Мюнстербергу обратилась крупная телефонная компания с просьбой изучить, возможно ли определять пригодность к занятию должности телефонистки до принятия кандидатки в специальную телефонную школу, так как многолетний опыт показал, что около одной трети всех поступивших приходится увольнять вследствие их непригодности. Мюнстерберг, познакомившись с условиями работы на телефонной станции, нашел, что требования, предъявляемые к организму телефонистки, особенно же к ее нервной системе, весьма велики: в среднем телефонистка производит около 150 соединений в час; иногда же, особенно в дневные часы, число вызовов доходит до 300 в час, то есть каждые 10 секунд телефонистке приходится соединять абонентов. Для каждого соединения необходимо 14 отдельных психофизических актов. Труд нелегкий, и понятно, что далеко не всякий человек может выдерживать подобную работу по 6–8 часов в сутки, изо дня в день, из года в год; организм расшатывается, появляются признаки переутомления, что ведет к неисправному обслуживанию телефона и к увольнению служащей. Последнее же невыгодно как для телефонной компании, произведшей затраты на ее обучение, так и для телефонистки, потерявшей время и здоровье.

Коллективному исследованию подверглись память (на числа), внимание (по методу зачеркивания), общая интеллигентность (по методу Райса), точность различения пространственных величин и быстрота движений. В индивидуальных опытах исследовались ассоциационные способности, точность и скорость движений. На основании результатов опытов был составлен список, который через три месяца был сравнен с данными испытаний этих же телефонисток на самой станции. Совпадение оказалось вполне достаточным, так как лица, находившиеся у Мюнстерберга на первых местах списка, оказались хорошими работницами и на станции; занимавшие же последние места в списке были уволены компанией вследствие их непригодности. Хотя полного совпадения не оказалось, тем не менее телефонная компания осталась вполне довольна и просила Мюнстерберга продолжать и дальше свои исследования.

Примером того, что для какой-либо определенной работы необходима комбинация способностей, служит профессия вагоновожатого.

В 1911 году американское общество по рабочему законодательству созвало съезд представителей трамвайных обществ различных городов Штатов, на котором подверглись обсуждению технические, экономические и психофизиологические условия работы вагоновожатых, имея в виду возможное уменьшение числа несчастных случаев⁴. Съезд, зная, что Мюнстерберг инте-

⁴ Число трамвайных несчастных случаев доходило (например, в Германии) до 6 000 в год, из них от 150 до 200 со смертным исходом.

ресуется приложениями психологии к хозяйственной жизни, обратился к нему с предложением выяснить, можно ли уменьшить число несчастных случаев, причинявших большие убытки трамвайным управлениям, путем научного подбора вагоновожатых. Внимательно изучив вопрос, Мюнстерберг пришел к заключению, что для хорошего вагоновожатого необходимы не только хорошее зрение и большая скорость реакции, но и особая комбинация внимания и воображения.

Картина улицы большого европейского или американского города представляет собою быстрый поток пешеходов, экипажей, автомобилей и трамвайных вагонов, из которых одни движутся параллельно рельсам трамвая, другие же пересекают их. Некоторые вожатые теряются при виде такой быстро сменяющейся картины и ведут вагон крайне медленно, у других сравнительно скоро падает внимание, и вследствие этого они налетают на пешехода или экипажи. И те, и другие непригодны для исполнения обязанностей вагоновожатого: трамвайному управлению нужны люди, которые могли бы в течение рабочего дня держать на должной высоте свое внимание и быть в состоянии представить себе положение движущихся предметов в каждый следующий момент; выделить таких людей из многотысячной толпы кандидатов и есть задача экспериментов.

Мюнстербергом после многих неудач был сконструирован аппарат, в который были вложены картонные карточки (9 × 26 см); на последних условно и схематично был изображен трамвайный путь и движущиеся по мостовой предметы. Экспериментатор при оценке результатов опыта принимал во внимание как число ошибок (несчастных случаев), так и время, затраченное испытуемым на просмотр комплекта карточек (12 шт.). Оказалось, что вагоновожатые испытывали, несмотря на схематичность опыта, те же самые ощущения, как и тогда, когда они вели вагон по многолюдной улице, и что результаты опытов в общем и целом совпали с данными трамвайного общества.

Не ограничиваясь этими опытами, проф. Мюнстерберг предпринял обширное анкетное исследование относительно тех способностей, которые нужны при различных видах профессионального труда. Он вошел в постоянные сношения с более чем 200 крупными промышленными фирмами Соединенных Штатов (с машиностроительными, пивоваренными, консервными заводами, с химическими, электротехническими, горнозаводскими предприятиями, с различными конторами, железными дорогами, типографиями, универсальными, магазинами и т. д., и т. д.). Оказалось, что почти все руководители этих предприятий отдавали себе отчет в важности вопроса об определении пригодности к профессии, но точных методов для этого не имели и не знали, какие свойства внимания, памяти, чувства, воли и т. д. нужны для занятия той или другой должности. Выяснение этих вопросов и было задачей Мюнстерберга и его последователей. Важнейшей заслугой Мюнстерберга является определение пути, по которому должно идти изучение этих вопросов; и действительно, мы видим, что последователи Мюнстерберга, скончавшегося

во время войны, идут по указанному им направлению и применяют его методы, развивая и совершенствуя их дальше.

§ 7. Современное состояние вопроса об определении пригодности к профессии в Соединенных Штатах

Как мы уже указывали в начале, война ускорила переход промышленности и торговли к научной организации, и это обстоятельство отразилось в изучаемой нами области. Торговля Соединенных Штатов, особенно же их экспорт, резко увеличились; Соединенные Штаты стали захватывать один рынок за другим, и потому понадобилась целая армия продавцов и коммивояжеров. Технологический институт Карнеги в Питтсбурге создал в своих стенах Bureau of Salesmanship Research (Бюро для изысканий в области торговли), которое под руководством видных американских психологов⁵ деятельно приступило к изучению условий работы, торговых служащих и коммивояжеров. В начале Бюро поставило себе задачу выяснить, чем руководствуются фирмы при приеме коммивояжеров на службу, из каких слоев общества выходят обычно последние и как фирмы инструктируют вояжеров; ценный материал дали многие фирмы, охотно предоставившие Бюро свои торговые книги. На основании этого материала Бюро составило особую инструкцию, причем учло особенности различных специальностей и местные условия; не ограничиваясь этим, Бюро всесторонне исследовало акт продажи товара и установило, что должен знать коммивояжер или торговый служащий, чтобы быть в состоянии успешно продавать товары. Его инструктируют, как он должен держать себя при продаже, как отвечать покупателю или наоборот, как ставить последнему вопросы так, чтобы тот не мог отказаться от покупки, и т. д. Молодой вояжер, получивший все необходимые указания, едет сначала в вояж с опытным товарищем, и только после определенного стажа ему доверяется самостоятельная продажа.

К услугам Бюро прибегают не только крупные фирмы, но и мелкие торговцы; в самом начале деятельности Бюро к нему обратились большие страховые общества, терпевшие большие убытки от частой смены служащих. Теперь это Бюро заключило договоры с рядом крупнейших фирм Штатов, по которым фирмы выплачивают Бюро по 15 000 долларов ежегодно в течение 5 лет и взамен получают консультационную помощь. В числе этих фирм находятся крупнейшие не только в Соединенных Штатах, но и в мире фирмы, например: Carnegie Steel Co. Ford Motor, Westinghouse Electric, Burroughs Adding Machine (счетные машины) и многие другие.

Все это указывает на то, что промышленный и торговый мир Америки понял значение психотехники для организации хозяйственных предприятий

⁵ Во главе этого Бюро стоят: профессор Иллинойского университета Г.-М. Уиппл, имя которого известно и у нас в России, профессор Ж. В. Майнер из Института Карнеги и Вальтер Дилл Скотт, написавший ряд книг по психотехнике (о психологии рекламы).

и, поняв и оценив ее коммерческую выгодность, вступил в деловые сношения с представителями психотехники – с Bureau of Salesmanship Research и подобными ему учреждениями.

§ 8. Психология в военном деле в Германии

В Германии мы видим аналогичную картину.

Среди европейских стран Германия была одной из первых, где система Тейлора еще до войны полностью или частично стала применяться на заводах. Когда вспыхнула война, Германия была первой страной, быстро милитаризовавшей свою промышленность, и ее ученые, как и в мирное время, широко стали применять свои знания и организаторские способности для «победы во что бы то ни стало». Крупнейший химик Германии, пользующийся мировой известностью, профессор Эмиль Фишер стал во главе снабжения армии; известный физиолого-химик Э. Абдерхальден и ряд виднейших физиологов стали работать над изучением вопросов питания и усталости; психологи не могли остаться в стороне – и действительно, мы видим, как военное ведомство Германии поручает им разработку методов для подбора военных шоферов, летчиков, радиотелеграфистов и т. п.

Методы для испытания кандидатов на должность военного шофера были разработаны немецкими психологами В. Меде и К. Пиорковским; ими же были созданы 14 психологических лабораторий в различных государствах Германии при запасных автомобильных батальонах. Через эти лаборатории за время войны – или, вернее, за ее последний период – прошло 24 000 военных шоферов, и *военное ведомство никого не допускало до исполнения обязанностей военного шофера без испытания в одной из этих лабораторий.*

Аналогичная лаборатория для испытания летчиков была создана в Гроссенгайне (Саксония) инженером Зейфертом и лейпцигским психологом М. Браном (M. Braham). Эта лаборатория была создана по приказу высшего командования и оборудована, между прочим, приборами для исследования чувства равновесия у летчиков.

Лаборатории, организованные военным ведомством, принесли большую пользу, так как позволили сократить вдвое срок и стоимость обучения и предотвратили много несчастных случаев, которые, как, например, в авиации, происходят часто от врожденных недостатков авиатора или шофера, а не от внешних причин. Во время войны гибель вполне или хотя бы наполовину обученного летчика или шофера, поломка аппарата весьма тяжело отражаются на той воинской части, в состав которой входит данный человек.

§ 9. Лаборатории промышленной психотехники

Успех этих психотехнических лабораторий вызвал ряд подражаний. В Дрездене Управление Королевских железных дорог создало *лабораторию для испытания паровозных машинистов*, через которую в 1919 году про-

шло несколько сот человек. Деятельностью лаборатории руководит инженер Шрейбер.

Техническое управление берлинского трамвая создало в 1917 г. испытательную лабораторию для вагоновожатых и школу для обучения принятых (после испытания) служащих. Лаборатория была создана после доклада в берлинском обществе для изучения трудовых процессов и находилась под руководством инженера К. Трамма. В Лихтенбергском депо берлинского трамвая были устроены и оборудованы специальные помещения для одновременного исследования нескольких лиц.

Доктор Браунгаузен организовал в 1917 году исследования пригодности к профессии металлиста на учениках школы при заводе Домельдингера (см. ниже).

Транспортных рабочих исследовал К. Пиорковский в Обществе ауэровских газовых горелок; служащих и рабочих известной электротехнической фирмы АЕГ – доктор Хейланд и т. д.

Центром практической работы стал *Институт промышленной психотехники*, возникший в декабре 1918 года по частной инициативе при Высшей технической школе в Шарлоттенбурге. Его работами руководит профессор Вальтер Мёде (W. Moede), о котором мы уже упоминали, ближайшее участие принимают К. Пиорковский и известный тейлорист, профессор и инженер Г. Шлезингер. Вокруг этого Института объединились крупнейшие фирмы Германии: уже упомянутая АЕГ, Борзиг, Сименс и Шуккерт, Вернер, Сименс и Гальске, оптическая фирма «Карл Цейсс» в Йене и многие другие.

Испытаниям подвергались лица самых разнообразных профессий: шоферы, летчики, стрелочники, металлисты, булочники, кельнеры, художники, скульпторы, коммивояжеры, вагоновожатые, телефонистки (вильмерсдорфской телефонной станции) и др.

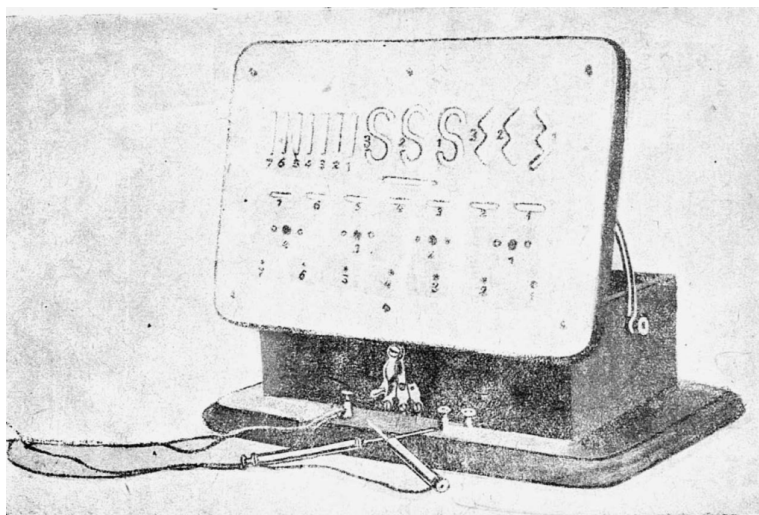

Рис. 1

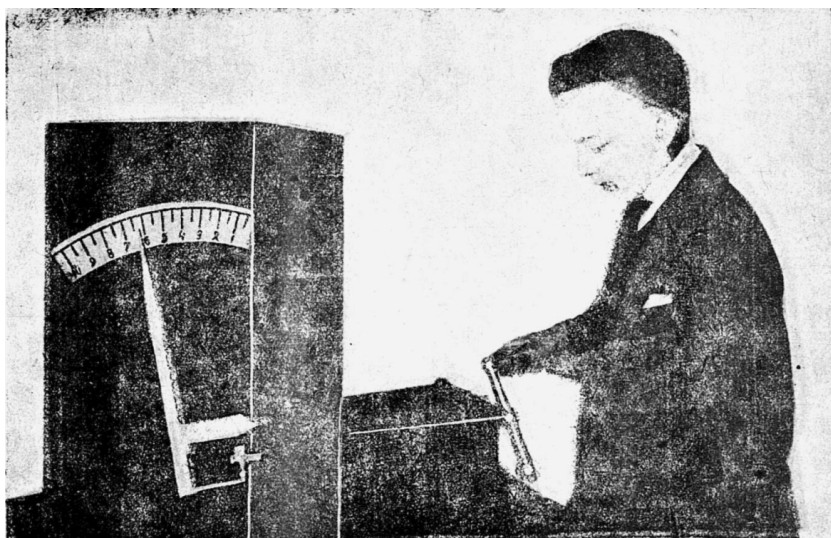

Рис. 2

Работа идет весьма успешно: результаты, получаемые после 3½-часового испытания, в общем и целом соответствуют данным проверочных испытаний на практике: процент увольняемых за непригодностью резко падает, как показывают, например, данные Шарлоттенбургской городской профессиональной школы, и срок обучения уменьшается.

Существующее при Институте специальное общество изготовляет комплекты специальных вновь сконструированных приборов, как, например, комплект «Большая психотехническая лаборатория».

Работа идет и в других местах Германии: в Лейпциге, Гамбурге, Мюнхене, Инсбруке и т. д.

Особенного внимания заслуживает работа В. Штерна в Гамбурге и О. Липмана в Берлине.

Профессор Вильям Штерн, выдающийся специалист по дифференциальной психологии, в последние годы обратил особое внимание на прикладную сторону своей специальности: созданный им в Гамбурге Институт разрабатывает по преимуществу *методологическую* сторону психотехнических исследований, в то время как Мёде и его школа проверяют его тесты на практике. Так, им был предложен усовершенствованный вариант опыта Мюнстерберга для исследования вагоновожатых.

Он же совместно с доктором Липманном редактирует серию брошюр по психотехнике (см. ниже).

Доктор Отто Липманн, заведующий ныне *Институтом прикладной психологии и психологической консультации*⁶ в Берлине, был раньше видным

⁶ Этот Институт содержится на частные средства; только теперь возбуждается вопрос о передаче его в ведение государства.

специалистом по вопросам детской одаренности и по организации школ для выдающихся учеников. Теперь он разрабатывает смежную область, но более прикладного характера – вопросы профессиональной пригодности, причем в отличие от Штерна и Мёде он изучает преимущественно требования, предъявляемые профессией: анкетный метод был разработан более всего в его Институте. Липманн вместе с Штольценбергом, руководителем школьного дела в известной фирме «Людвиг Лёве», разработал и осуществил программу исследования пригодности к профессии металлиста (вернее, к ее многочисленным специальностям).

Помимо исследования здоровых людей немцы весьма много работают над проблемой рационального распределения сотен тысяч увечных и инвалидов – этого наследия войны – по различным профессиям. Об этих работах сообщает, например, профессор Шлезингер в своей книге «Психотехника», выходящей в свет вскоре и в русском переводе.

Этим не исчерпывается список исследовательских лабораторий, бюро, институтов, кафедр, отдельных ученых, работающих – и весьма напряженно – в интересующей нас сейчас области: справочник, изданный в 1920 году Союзом германских инженеров по поручению Министерства труда, содержит 42 страницы. Одно это уже указывает на то, какое большое значение придают немцы психотехнике как одному из факторов восстановления разрушенного войной хозяйства страны.

За частной инициативой следует и общественная.

§ 10. Участие общества и государства в организации психотехнических испытаний

При Союзе германских инженеров существует Комиссия по подготовке к хозяйственной деятельности. Одна из секций этой комиссии – секция по определению пригодности к профессии – была создана по инициативе нескольких крупных германских фирм и была вызвана к жизни требованиями момента. Она распадается на две подсекции: одну – по профессиологии (науке о требованиях различных профессий) и другую – по оценке методов испытания пригодности.

В сентябре – октябре 1919 года в Берлине состоялась конференция по вопросам улучшения методов производства и заводоуправления, созванная германским Министерством труда: помимо учреждений последнего, работающих в области изучения и организации труда, в ней приняли участие Министерства просвещения, торговли и народного хозяйства и представители государств Германии; крупнейшие общественные организации, такие как Союз германских инженеров, Союз германских женщин и другие; крупные промышленные Фирмы также участвовали в конференции. Обсуждению подверглись следующие вопросы:

1. Пригодность к профессиональной работе и выбор профессии.

2. Урок – количество подлежащей выполнению работы и потребное время.
3. Распределение работы и перерывов для отдыха в течение рабочего дня.
4. Напряженность труда, закон утомляемости, «оптимум результатов».
5. Приспособление машины и условий работы к человеку и т. д.

На Конференции был подведен итог совершенной работе, составлен список учреждений и лиц, работающих в этой области, намечены пути для дальнейшей работы и была избрана Комиссия (в большинстве представители южно-германских государств) из экономистов, инженеров, врачей, гигиенистов и психологов для создания постоянно Центрального бюро с объединяющими и руководящими функциями.

19 марта 1919 года был издан закон, по которому министерствам торговли и промышленности, внутренних дел, просвещения и сельского хозяйства вменялось в обязанность созывать совещания и создавать постоянные Советы для разработки вопросов профессиональной пригодности. В их состав входят педагоги, врачи, инженеры, духовные лица и особо упомянутые (§ 7) психологи.

В конце 1919 года на выставке в Гливице демонстрировались результаты исследований Липманна и Штальценберга на заводе «Людвиг Лёве».

В текущем году была устроена в Касселе психотехническая выставка.

В 1919 г. Берлинский областной союз германских инженеров организовал при Шарлоттенбургском институте курсы по психотехнике для инженеров, мастеров, представителей бирж труда, трамвайных обществ, профессиональных школ и сотрудников университетских психологических лабораторий.

По всей стране разбросаны *консультационные бюро*, где даются молодежи (и увечным) советы по выбору профессий. В 1919 году в Берлине вышла книга «Выбор профессии и совет при выборе профессии (Введение в практику)», состоящая из ряда статей видных специалистов: врачей М. Ульриха, Г. Вольфа, Э. Бернгардта, экономиста О. Ненке и психолога К. Пиорковского. Книга представляет собой результаты практической работы консультационных бюро и содержит попытки наметить пути и характер дальнейшей работы. Все авторы единодушно отмечают необычайную сложность проблемы и недостаточную ее разработку. В последней части книги, посвященной организации и деятельности консультаций по выбору профессии, доктор Эрнст Бернгардт (из Бранденбургского союза бирж труда) говорит: «В настоящее время нельзя точно установить, в какой мере психология профессии может быть применена к работе консультации, так как имеется недостаточно практических данных, научные исследования находятся лишь на первой ступени развития, но вполне возможно, что в будущем психология профессий будет иметь по меньшей мере такое же значение, какое ныне имеет медицинский осмотр».

Деятельность консультационных бюро очень тесно связана, с одной стороны, с научными институтами и психотехническими лабораториями, с другой – со школой и, в-третьих, переплетается с рядом вопросов хозяйственной жизни страны.

Во всяком случае, уже теперь можно определенно сказать, что по мере того, как исследовательские учреждения будут давать все больше и больше, научно проверенного материала по психофизиологии профессии и по методологии исследований, деятельность бюро будет расти и крепнуть, и недалеко то время, когда они станут видными факторами в деле использования рабочей силы страны.

У нас в России психотехнические исследования были впервые поставлены (независимо от немецких исследований) секцией психофизиологии труда Московского государственного психоневрологического института (Кекчеевым, Кедровыми, Ефимовой и др.) в школах Москпрофобра. В начале 1921 года производились исследования в 4 и 5-й игольно-швейных мастерских, Текстильном техникуме, Главной военной школе и т. д.

В августе 1921 г. открылась при Центральном институте труда специальная психотехническая лаборатория, оборудованная новейшими приборами, полученными из Германии.

Имеется ряд лабораторий в Англии, Швеции, Испании, Франции; о них здесь не приходится говорить из-за отсутствия точных и проверенных данных, упомяну лишь о том, что еще до русско-японской войны японское правительство ассигновало большую сумму для разработки методов определения одаренности с целью отобрать наиболее даровитых из детей и дать возможность их дарованиям вполне развиться.

Во второй половине 1920 г. в институте Ж.-Ж. Руссо в Женеве состоялась международная конференция по психотехнике⁷.

III. ЗНАЧЕНИЕ ПСИХОТЕХНИКИ ДЛЯ ПЕДАГОГИКИ

§ 11. Психотехника и педагогика

Большинство людей, окончив низшее или среднее учебное заведение, испытывают мучительное чувство неуверенности: предстоит выбрать себе дорогу в жизни – сделать решающий выбор, выбор специальности. А между тем прочных данных для такого выбора нет: помощь извне в виде совета может быть оказана случайно со стороны родных и знакомых, так как руководство со стороны школы обычно обрывается в момент окончания школы; а между тем, кто может больше помочь начинающему жить неопытному юнцу, как не та школа, в которой он воспитывался и где его знают вдоль и поперек. Получается парадоксальное явление: школа затрачивает на своих воспитанников массу усилий, чтобы подготовить к предстоящей им работе и жизненной борьбе и в решающий момент оставляет их чуть ли не на произвол судьбы.

Подобное положение дальше продолжаться так не может, и мы, следя за развитием педагогической мысли в разных странах, видим, что все более

⁷ В конце сентября – начале октября 1921 г. в Барселоне состоялся международный съезд по психотехнике в ее применении к выбору профессии; более подробных сведений профессор О. Липманн, сообщивший нам об этом, к сожалению, не дал.

и более крепнет мысль о необходимости для школы не только готовить настоящих людей (right men), но и активно вмешиваться в их распределение по специальностям с тем, чтобы каждый человек очутился на настоящем (наиболее для него подходящем) месте – at the right place, как метко определяют англичане.

Формы вмешательства могут быть различными:

а) *Трудовая школа*. Введение труда как основы преподавания является одной из наиболее характерных черт педагогической мысли в Европе и Америке в последние годы. Сторонники введения трудового начала в школу руководились двумя побуждениями: они стремились сделать восприятие ребенка активным и, следовательно, более прочным, и, что для нас важнее, познакомить ребенка уже в школе с окружающей его жизнью. В лучших трудовых школах в Саксонии, Пруссии, Баварии (Мюнхене), Англии, Бельгии, Соединенных Штатах (Нью-Йорк, Чикаго, Гэри и т. д.) мы встречаем работы детей в столярных, слесарных, переплетных и иных мастерских (смотря по возрасту детей и по возможностям), в школьных фермах и т. д. Конечно, подобные занятия, продолжающиеся, например, как в школе Гэри (Соединенные Штаты), всего 3–4 месяца в каждой мастерской, не могут дать хорошего знания ремесла, да это и не требуется. Ценным является знакомство учеников с условиями работы в различных профессиях и связанное с этим, если можно так выразиться, профессиональное самоопределение. Известно много случаев, когда ученики, предназначавшие себя к одному какому-либо делу, убеждались на работе в другой мастерской (и это оказывалось так на самом деле), что их призвание лежит не там, где они раньше думали. Громадное значение в смысле правильного выбора профессии имеют экскурсии на заводы, фабрики, порты, склады, элеваторы и т. п. Экскурсии широко применяются на Западе и дают возможность ученикам получить представление о жизни не из книг, а из живой, ими самими наблюдаемой, действительности.

б) *Подготовительная работа Школы*. Психотехнический эксперимент продолжается 3–4 часа, и понятно, что вывод Консультационного бюро значительно выиграет в правильности, если кроме результатов эксперимента в распоряжении Бюро будут данные о работе испытуемого в школе. Наблюдения воспитателей и преподавателей, особенно получавших психологическую подготовку, будут более ценным материалом, нежели обычные аттестаты и свидетельства. Педагоги – сотрудники бостонского бюро не ограничивались жизнью ученика в школе, они посещали его на дому, изучали его семейное и социальное положение, чем сильно облегчали работу Бюро. Неоднократно высказывалась мысль (сначала в Соединенных Штатах, затем в Германии), что при каждой школе должен быть школьный психолог (наподобие школьного врача) с функциями наблюдателя и советника. Школьный же врач должен производить врачебные осмотры не только с целью надзора за состоянием здоровья, но должен также доставлять материал о физической пригодности консультационному бюро. В настоящее время ряд авторов (Хилл, Филипп и др.) разрабатывают эту крайне интересную для педагогики проблему.

Вообще говоря, соединение эксперимента с данными школьного наблюдения является в высокой степени ценным, так как позволяет экспериментатору или «советнику» составить себе представление о таких свойствах испытуемого, которые не поддаются эксперименту (прилежание, добросовестность и т. д.).

в) *Участие в комиссиях по выбору профессии.* Необходимость участия школьных работников в комиссиях для дачи советов по выбору профессии признало и государство (Германия), законом 19 марта 1919 года определив следующим образом ее состав: «Для работы в области выбора профессии особенно пригодны лица (мужчины и женщины), имеющие отношение к воспитанию молодежи, преподаватели и преподавательницы народных, средних и технических школ, воспитатели, руководители мастерских» (§ 5).

Однако не только школа может оказать большую помощь психотехнике, но и психотехнические исследования пригодности к профессии в состоянии оказать громадные услуги самой школе.

Распределение физически дефективных детей (глухих, глухонемых, слепых и т. п.) по специальным школам на основании врачебного исследования производится и в настоящее время, но планомерного, широко и научно поставленного исследования умственно дефективных еще нет.

Дети, поступающие в школу, отличаются друг от друга степенью своих способностей, и то, что для большинства учеников вполне доступно, для других кажется очень трудным, для третьих же наоборот очень простым и ясным. Это наблюдалось уже давно, но лишь за последнюю четверть века были сделаны практические шаги для того, чтобы наряду с «нормальными» классами создать классы для «одаренных» и вспомогательные классы или даже школы для «отсталых» детей со своими особыми условиями работы. Распределение детей по специальным классам, параллельным нормальным, могли бы взять на себя специалисты-психотехники⁸ и дать школьной системе, примененной впервые в Мангейме Зикингером, научные методы для правильной классификации учеников. Подобные исследования и производятся в последние годы в Германии: Лилауф в Гамбурге, Вран в Лейпциге и т. д.

Психотехнические испытания могли бы помочь школе разбираться в склонностях учащихся перед началом их специализации. Правильный выбор специальности даже внутри школы весьма важен, так как усвоение учебных предметов облегчается, интерес усиливается и продуктивность школьной работы повышается.

Что касается профессиональных школ, то в них правильный выбор специальности решает все; на практике мы зачастую видим, какие ошибки совершаются в этом отношении. Показателем может служить громадный процент

⁸ Научно обоснованные попытки количественно определять степень психической дефективности детей и делать отсюда вывод производились неоднократно. Наибольшей известностью пользуется в России (после войны стал применяться и за границей) метод московского профессора Г. И. Россомимо.

преждевременно выбывающих из школ. Вот, например, данные по Московской авиашколе за 1920 год (1 января – 25 июня):

поступило	170 чел.
выбыло до окончания курса	70 чел.
из них по малоуспешности	45 чел.
откомандированы	25 чел.
разбились насмерть	10 чел.
окончило	100 чел.

Если же принять во внимание, что выбывшие по малоуспешности некоторое время⁹ пробыли в школе, что на их содержание были затрачены большие усилия, денежные и иные средства (разбито немалое число аппаратов и т. п.), то необходимость изменения существующего порядка вещей становится особенно убедительной. С другой стороны, мы видим, что в Германии благодаря психотехническим испытаниям уменьшаются вдвое срок и стоимость обучения.

Несоответствие избранной специальности природным данным учеников иллюстрируется, например, результатами доктора Х. Браунгаузена, исследовавшего учеников школы для подготовки квалифицированных металлистов:

из группы в 34 ученика работали:

по специальности, соответствующей их данным – 5 чел.

частично соответствующей – 28 чел.

совершенно несоответствующей – 1 чел.

г) *Экзамены.* В связи с развитием новых психотехнических методов будет пересмотрен, по всей вероятности, и большой вопрос об экзаменах, и, быть может, испытания знаний, особенно при поступлении и окончании школы, будут заменены исследованием способностей.

д) *Подбор педагогического персонала.* Работа воспитателей и преподавателей – весьма трудная, сложная и ответственная работа, требующая ряда способностей в человеке, посвящающем себя ей. Составить «характеристику» профессии педагога, разработать методику исследования желающих стать педагогами и (хотя бы на первое время) огородить эту профессию, школу и особенно учащихся от лиц, совершенно к этой профессии непригодных, – вот задача более или менее ближайшего будущего.

IV. ПСИХОТЕХНИКА И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

§ 12. Психотехника и хозяйственная жизнь

Значение психотехники для экономических организаций огромно. Прежде всего, сильно повышается производительность труда, как в качественном, так и в количественном смысле благодаря тому, что работу выполняют люди, при-

⁹ 36 человек пробыли в школе более полугода, 9 человек – более года.

способленные к ней по своей психофизической организации. Обучение учеников на заводах за счет владельцев обходится ныне гораздо дешевле и длится меньше времени, чем без профессионального подбора. Процент служащих и рабочих, увольняемых за непригодностью, резко падает, что единодушно отмечается всеми предприятиями, пользующимися услугами консультационных бюро. Гибель людей (например, в авиации) и порча машин и аппаратов, вызывающая добавочные расходы на пособия, пенсии, приобретение новых машин взамен разбитых, также уменьшаются, поскольку это зависит от непригодности к данной профессии. Наконец, психотехника играет крупную роль в деле распределения сотен тысяч инвалидов мировой войны по различным профессиям. Доктор Эрле в своей речи, произнесенной в 1918 году в Германии в Комиссии по демобилизации армии, поставил перед последней цель «возможно быстрее поставить каждую рабочую силу в такие условия, при которых она могла бы быть использованной наиболее выгодным образом».

Все это вместе взятое с несомненностью указывает на громадную пользу, которую может приносить психотехника промышленности, сельскому хозяйству, торговле, транспорту, военному делу и т. д., и потому неудивительно, что отдельные фирмы вступают в договорные отношения с консультационными бюро, что по инициативе промышленников создаются специальные исследовательские бюро и что специальные союзы (например, Союз германских инженеров, Бранденбургский союз бирж труда и др.) деятельно разрабатывают проблемы пригодности к профессии.

Представляет интерес вопрос, совместимо ли научное распределение по профессиям со свободой выбора и не подавляет ли первое личные склонности и стремления. Германская практика отвечает на этот вопрос так: консультационное бюро не навязывает профессии, а лишь указывает наиболее подходящие; *право выбора всегда остается у испытуемого*.

Естественно, встает вопрос, не следует ли применить психотехнические методы к распределению по факультетам вновь поступающих в университеты и техникумы, ведь система командировок без такого корректива может оказаться даже хуже прежнего свободного выбора.

Резюмируя все сказанное выше в этой книге, приходим к заключению, что хотя психотехника — наука еще очень и очень молодая и находится еще на первой ступени своего развития, тем не менее уже теперь она приносит много пользы, как отдельным лицам, так и всему обществу в целом; последнее обстоятельство дает нам уверенность, что разработка психотехнических проблем будет вестись с большой интенсивностью и что, вероятно, через 5–10 лет мы будем иметь в руках надежные методы для правильного распределения людей по профессиям, являющегося одной из составных частей научной организации труда.

V. ПСИХОТЕХНИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

§ 13. Литература по психотехнике

Развитие науки-психотехники находит свое отражение в литературе. Уже теперь насчитывается несколько сот книг, брошюр, статей и заметок по психотехнике вообще и по вопросам профессиональной пригодности в частности. В 1919 году вышла в свет книга известного германского тейлориста, инженера Г. Шлезингера «Психотехника и наука о производстве», в которой он дает обзор психотехническим исследованиям, производившимся в Германии до 1919 года, останавливаясь долго на испытаниях учеников, и сообщает много материала по психотехнике вообще. Книга, снабженная массой чертежей и рисунков и написанная специалистом-практиком, представляет громадный интерес¹⁰.

Начиная с 1919 года, выходит в свет отдельными выпусками серия брошюр по психотехнике и пригодности к профессии под общим названием *Schriften zur Psychologie der Berufseignung und Wirtschaftslebens*. Некоторые брошюры посвящены общим вопросам психотехники, другие же – и их большинство – содержат методику, результаты испытаний металлистов (Липман-Штольценберг, Браунхаузен), вагоновожатых (В. Штерн), наборщиков (Липманн, Крейз), машинисток (Генниг), летчиков (Бенари и др.) и т. д.

Ряд журналов (*Der Betrieb*, *Archiv für exakte Wirtschaftsforschung*, *Technik und Wirtschaft*), орган Союза немецких инженеров и др. дают место на своих столбцах статьям по психотехнике: книги по вопросам пригодности к профессии постоянно фигурируют в библиографических обзорах. Специальные психологические журналы, особенно же по прикладной психологии (*Zeitschrift für angewandte Psychologie*, *Praktische Psychologie*) помещают много статей по психотехнике. Журнал *Praktische Psychologie*, выходящий в Берлине с 1919 года под редакцией В. Мёде и К. Пиорковского, имеет ряд отделов: «Экспериментальная педагогика», «Медицинская психология», «Экспериментальная эстетика», «Юридическая психология», «Военная психология», «Политическая психология», «Психотехника». Однако распределение материала по отделам, насколько можно судить по имеющимся у меня номерам, крайне неравномерное: в отделе «Психотехника» больше материала, чем во всех других отделах, взятых вместе.

¹⁰ Ее русское издание задерживается выход в свет вследствие затруднений в печатании книг вообще и рисунков в частности.

Информация для авторов

Авторы представляют статьи на русском языке объемом до 1 авторского листа (40 тыс. знаков, шрифт 14, межстрочный интервал 1,5), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков).

Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора.

Обязательным требованием является индекс УДК (Универсальной десятичной классификации), аннотация статьи (150–250 слов) и ключевые слова на русском языке (до 7), а также авторский перевод названия статьи, аннотации и ключевых слов на английский язык.

Порядок оформления рукописи:

УДК 159.9.01

Современные проблемы психологии искусства

Иван Иванович Иванов

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
ivan@g.nsu.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация на русском языке

Ключевые слова на русском языке

Основной текст статьи

Список литературы

Материал поступил в редколлегия 01.03.2010

ФИО автора (авторов) на английском языке

Место работы на английском языке (по форме русскоязычного варианта)
и адрес электронной почты

Название статьи на английском языке

Аннотация на английском языке

Ключевые слова на английском языке

Список литературы на английском языке (References)

Сведения об авторе (без сокращений, на русском и английском языках): ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, город, страна, e-mail, ORCID и другие коды автора.

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания работы, при необходимости номер страницы, например: [Иванов, 1999, с. 129]. В случае совпадения года издания ему присваивается буквенное обозначение, например: [Иванов, 1999а; Иванов, 1999б]. В конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). Общее количество страниц для монографии является факультативным элементом и может не включаться в библиографическое описание. Авторские примечания оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы). Библиографические описания на разных языках группируют в два алфавитных ряда: в начале на русском языке или языках с кириллической графикой, затем на иностранных языках.

Образцы составления библиографического описания

1. *Смит Н. В.* Современные системы психологии. СПб.: прайм-ЕВ-РОЗНАК, 2003.
2. *Стиль человека: психологический анализ* / Под ред. А. В. Либина. М.: Смысл, 1998. 310 с.
3. *Ожиганова Г. В.* История психологии: концептуальные подходы и методы исследования // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 3. С. 5–16.
4. *Hearnshaw L. S.* A short history of British psychology, 1840–1940. New York: Barnes & Noble, 1964.
5. *Wardell D. M., Royce J. R.* Toward a multi-factor theory of styles and their relationship to cognition and affect // Journal of Personality. 1978. Vol. 46 (3). P. 474–505.

Иллюстрации следует предоставлять в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr. Просим Вас **не изменять исходный электронный формат** создаваемого Вами графического объекта.

Допускается создание таблиц и диаграмм в MS Word и MS Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в ходе редакторской правки должны сниматься авторами в ходе электронной переписки в строго

определенные для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи.

Требования к содержанию публикуемых материалов

В журнале *Reflexio* публикуются материалы, соответствующие основным рубрикам журнала:

- методология, теория и история психологии;
- психологические исследования;
- психологический инструментарий;
- психология и Время;
- иностранная психология;
- психология глазами философа.

Публикуются также материалы, содержащие критический обзор ранее не известной или малоизвестной российскому читателю научной психологической литературы.

Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором в переводе на русский язык.

Недопустимо представление в редакцию ранее опубликованных статей, а также рукописей, скомпилированных из цитат и пересказов ранее опубликованных научных работ.

Редакция оставляет за собой право редактирования, сокращения (по согласованию с автором) и адаптации публикуемых материалов к рубрикам журнала.

Все статьи проходят **обязательное рецензирование**, о результатах рецензирования авторы извещаются по указанному адресу электронной почты.

Требования к англоязычному разделу статьи

Аннотация на английском языке не должна быть переводом-калькой с русскоязычной аннотации. В ней должно быть в краткой форме представлено содержание работы, включая следующие пункты:

- цель работы в сжатой форме;
- основные факты, содержащиеся в тексте (при этом важно придерживаться порядка изложения самой статьи);
- текст должен быть связным;
- в аннотации можно выделять структуры пунктами «Purpose», «Design / methodology / approach», «Findings», «Research limitations/implications», «Originality/value».
- объем аннотации на английском языке должен быть порядка 150 слов.

Правила оформления англоязычного списка литературы (References)

Порядок элементов в библиографической ссылке:

– для книг:

Author A. A. (year). *Nazvanie* [Title of work]. Location: Publisher (in Russ.)

Название книги в транслитерации должно быть выделено курсивом.

– для главы из книги:

Author A. A., & Author B. B. (year). Nazvanie [Title of chapter or entry]. In A. Editor, B. Editor, & C. Editor (Eds.), *Nazvanie* [Title of book] (pp. xxx-xxx). Location: Publisher (in Russ.)

Название книги в транслитерации должно быть выделено курсивом.

– для статей:

Author A. A., Author B. B., & Author C. C. (Year). Nazvanie [Title of article]. *Title of Journal*, 10(2), 49-53 (in Russ.)

Курсивом выделяются название журнала и номер тома.

Указание языка публикации (in Russ.) приводится только для русскоязычных источников. Для англоязычных источников указание языка (in Eng.) не требуется.

Название статьи, книги, главы дается в транслитерации и переводится на английский язык. Название журнала или сборника статей дается в транслитерации (но не переводится).

Город издания переводится, издательство дается в транслитерации.

Пример:

Badiev I. V. (2013). Gendernye i vozrastnye osobennosti emotsional'no-volevykh svoystv podrostkov [Gender and aged-specific peculiarities of emotional and volitional characteristics of adolescents]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psihologiya*, 7(1), 70-81 (in Russ.).

Для транслитерации названий рекомендуем использовать сайт <http://translit.ru/> (вариант транслитерации Библиотеки Конгресса (LC)).

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (ауд. 3110, главный учебный корпус НГУ) или переслать по электронной почте или традиционной почтой.

Адрес редакционной коллегии журнала Reflexio: Новосибирский государственный университет, Институт медицины и психологии, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 40 26

E-mail: olgap@yandex.ru, tumidus@yandex.ru

Журнал распространяется по подписке, подписной индекс 81563 в каталоге ОАО «Роспечать».

Сроки выхода журнала в свет с 2008 года – июнь, декабрь.